С 13/226 ЕВ.
ДИЕ
В РУССК-КРЕСТ.
БЫТУ.-

С
13
226

С 13
226.

ПРАВОСУДІЕ

Въ Русскомъ

Крестьянскомъ быту.

Князя В. В. Тенишева.

Сводъ данныхъ, добытыхъ этнографическими матеріалами покойнаго князя В. Н. Тенишева.

БРЯНСКЪ.
Типографія Л. И. Итина и Ко.
1907.

С 13
226

Посвящается

памяти моего отца

Князя В. Н. Тенишева.

2007098070

ПРАВОСУДІЕ

ВЪ РУССКОМЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ БЫТУ

Сводъ данныхъ, добытыхъ этнографическими матеріалами покойнаго князя В. Н. Тенишева.

Князя В. В. Тенишева.

БРЯНСКЪ.
Типографія Л. И. Итина и К°.
1907 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1898 году отецъ автора, покойный князь Вячеславъ Николаевичъ Тенишевъ, предпринялъ этнографическое изслѣдованіе, касающееся всѣхъ сторонъ быта великорусскаго крестьянина. Имъ была издана „программа этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральной Россіи“ (Смоленскъ, 1898). Было засимъ организовано этнографическое бюро, въ Петербургѣ, куда присылались всѣми сотрудниками, работавшими, по указанной программѣ, ихъ работы, и гдѣ должна была производиться сводка присланныхъ матеріаловъ. Основаніемъ работы сотрудниковъ было слѣдующее требованіе: „Сотрудникъ долженъ помнить, что отъ него требуются факты, а не общіе выводы, поэтому къ вопросамъ программы необходимо пріурочить отдѣльныя наблюденія, поставивъ себя въ положеніе достовѣрнаго свидѣтеля о видѣнномъ и слышанномъ въ народномъ быту. Общіе же выводы будутъ сдѣланы въ центральномъ этнографическомъ бюро въ Петербургѣ“. (Программа ст. 5). Къ сожалѣнію, огромное количество присланнаго въ бюро цѣннаго этнографическаго матеріала осталось, благодаря кончинѣ князя В. Н. Тенишева въ 1903 году, неразработаннымъ.

Самое бюро, какъ учрежденіе, не отличалось творческою продуктивностью и за время его дѣйствій были изданы только двѣ монографіи: „Нечистая сила“ С. В. Максимовъ (СПБ. 1899 и 1903 г.) и „Русская Народно-Бытовая Медицина“ д-ра медицины М. Попова (СПБ. 1903), а также „Разсказы изъ Народнаго Быта“ Анны Стеллингъ (СПБ. 1903), принадлежащія перу отдѣльныхъ сотрудниковъ. Все это побудило князя В. Н. Тенишева принять трудъ разработки лично на себя. Подготовляв-

шійся къ печати трудъ его „Бытъ великорусскихъ крестьянъ земледѣльцевъ“ не былъ, ввиду кончины автора, законченъ.

Послѣ смерти князя В. Н. Тенишева матеріалы этнографическаго бюро были переданы наслѣдницею покойнаго, княгинею М. К. Тенишевою, въ музей Императора Александра III, въ С.-Петербургѣ, гдѣ они являются въ настоящее время предметомъ пользованія каждаго, кто ими поинтересуется.

Не имѣя возможности произвести разработку всего имѣющагося матеріала, авторъ настоящаго труда предпринялъ изслѣдованіе лишь о правовомъ бытѣ русскаго крестьянина. Настоящая монографія является посильною попыткой свести воедино всѣ матеріалы, касающіеся суда въ крестьянскомъ быту.

Авторъ потому выбралъ въ первую очередь отдѣлъ правосудія, что 1) въ виду предстоящей реформы мѣстнаго суда имѣющіеся цѣнные матеріалы утратятъ въ случаѣ промедленія значеніе современности а 2) и главное потому, что эти матеріалы съ очевидностью доказываютъ полнѣйшую негодность той юстиціи, которая, по отзыву т. с. Стишинскаго, рѣшаетъ 80% всѣхъ дѣлъ 80% всего населенія имперіи и потому должны наглядно выяснить передъ общественнымъ мнѣніемъ необходимость скорѣйшей реформы. Вѣрно, что вопросъ о мѣстномъ судѣ уже находился на разсмотрѣніи второй Государственной Думы, но столь же несомнѣнно, что ему удѣлялось вниманія много меньшее, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Замѣнить господствующій нынѣ хаосъ правосудія настоящей мѣстной юстиціей значило бы заложить фундаментъ правового строя въ странѣ, сдѣлать этотъ правовый строй дѣйствительнымъ достояніемъ населенія. Авторъ счелъ бы себя счастливымъ, если предлагаемый читателямъ трудъ укрѣпитъ въ нихъ это убѣжденіе.

Что касается засимъ самой классификаціи разбираемыхъ вопросовъ, то авторъ считаетъ нужнымъ оговорить, что ввиду расположенія вопросовъ въ „программѣ этнографическихъ свѣдѣній“ и отвѣтовъ

корреспондентовъ на эти вопросы, система всей работы является выдержанной далеко не вполнѣ и особенно въ главахъ объ „участвующихъ въ процессѣ лицахъ“ и о „судебныхъ доказательствахъ“ приходилось дѣлать отступленія въ другія, соприкасающіяся съ разбираемыми, области. Притомъ эти главы затрагиваютъ не только вопросы производства дѣлъ въ волостныхъ судахъ, но отчасти и при внѣсудебномъ разбирательствѣ.

Настоящій трудъ содержитъ въ себѣ сводъ матеріаловъ, послужившихъ отвѣтами на вопросы программы этнографическихъ свѣдѣній отъ 44 до 90 (Глава „Судъ и расправа“) и 33 (объ административной высылкѣ порочныхъ членовъ по приговору обществъ), какъ затрагивающій вопросъ, примыкающій къ настоящему изслѣдованію.

Перечень губерній и уѣздовъ, изъ которыхъ были присланы корреспонденціи, послужившія матеріалами настоящаго труда, съ указаніемъ именъ ихъ авторовъ, приложенъ къ предисловію. Кромѣ того, въ текстѣ сдѣланы выборки наиболѣе характерныхъ разсказовъ и отзывовъ, содержащихся въ корреспонденціяхъ, которыя и приведены каждый разъ съ указаніемъ ихъ авторовъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ почтить глубокою благодарностью память покойной Лидіи Алексѣевны Гальпертъ, оказавшей мнѣ огромную помощь перепиской находящихся въ Музеѣ Императора Александра III матеріаловъ, относящихся къ отдѣлу правосудія, что дало мнѣ возможность закончить настоящую работу, не покидая Брянскаго уѣзда.

Приложеніе къ предисловію корреспонденціи, послужившія источникомъ для свода.

Губернія.	УѢЗДЪ	Фамилія корреспондентовъ.
Новгородская.	Тихвинскій.	Закатовъ
		Парихинъ
		Ивановъ
		Матвѣевъ
		Шахотскій
	Череповецкій.	Антиповъ
		Васильевъ
		Власовъ
Вологодская	Вологодскій.	Чапурскій
		Соколовъ
		Сатраповъ
	Кадниковскій.	Дилакторскій
		Мерцаловъ
	Сольвычегодскій.	Кирилловъ.
	Грязовецкій.	Голубцовъ.
		Старовѣровъ.
		Каменевъ.
	Тотемскій.	Жуковъ.
		Суворовъ.
	Хмѣлевскій.	Шустьковъ.
	Никольскій.	Ржаницынъ.
		Иванинскій.
Олонецкая.	Вытегорскій.	Сенинъ.
Псковская.	Порховскій.	Куницынъ.
Ярославская.	Романо-Борисогл.	
	Даниловскій.	Баловъ.
	Любимовскій.	
	Пошехонскій.	Баловъ.
		Деруновъ.
	Ростовскій.	Фоминъ.
(Владимірск.)	Ростов. (Юрьевс.)	Дружининъ.
Костромская	Буйскій	Травинъ.

	Ветлужскій.	Кузнецовъ.
	Макарьевскій.	Костинъ.
	Солигаличскій	Колосовъ.
	Село Троицкое-Леденское	Кузнецовъ.
Вятская.	Котельниковскій.	Сазоновъ.
		Мышкинъ.
		Мѣшковъ
	Орловскій.	Гребеневъ.
	Яранскій.	Наумовъ.
Тверская.	Вышневолоцкій.	Кор. „Тверского Вѣстника“.
	Зубцовскій.	Страшининъ.
Владимірская.	Владимірскій.	Рождественскій.
	Александровскій	Хатунинъ.
	Меленковскій.	Щегловъ.
Орловская.	Орловскій.	Азбукинъ.
		Солнышкинъ.
		Михѣевъ.
		Булгаковъ.
		Преображенскій.
		М-съ.
	Болховской.	Костинъ.
	Ст. Хотынецъ.	Сахаровъ.
		Перьковъ.
		Григорьевъ.
	Карачевскій.	Морозовъ.
		Римкинъ.
	Кромской.	Козловъ.
	Мценскій.	Преображенскій.
	Дмитровскій.	
	Елецкій.	Трубинъ.
Смоленская.	Вяземскій.	Титовъ.
		Гриневъ.
	Дорогобужскій.	Титовъ
		Гриневъ.
	Сычевскій.	Яковлевъ.
	Юхновскій.	Кушнеревъ.
		Сырогоновъ.
		Рыбалкинъ.

Калужская.	Калужскій.	Лебедевъ.
	Козельскій.	Лошмановъ.
		Сурпаковъ.
	Жиздринскій.	Зоринъ.
		Лебедевъ.
Тульская.	Одоевскій.	Григорьевъ.
	Веневскій.	Шаталинъ.
	Тульскій.	Садовниковъ.
Рязанская.	Скопинскій.	Чепуринъ.
		Поповъ.
	Егорьевскій.	Кутеховъ.
	Пронскій	Кобенкинъ.
	Зарайскій.	Мендельсонъ.
Нижегородская	Макарьевскій.	Кор. „Биржевыхъ Вѣдомост.“
		Корвинъ-Круковскій.
	Васильсурскій.	Корвинъ-Круковскій.
Казанская.	Спасскій.	Ивановъ.
	Лаишевскій.	
Симбирская.		Арнольдовъ.
		Куроптевъ. (Сим. Г. Вѣдом.)
	Алатырскій.	Роздинъ.
Тамбовская.	Елатомскій.	Кондрашовъ.
	Липецкій.	Петровъ.
Пензенская.	Пензенскій.	Квачевскій.
	Керенскій.	Тихомировъ.
	Инсарскій.	Глѣбовъ.
	Краснослободскій.	Муромскій.
		Архангельскій.
		Лентовскій.
		Богомазовъ.
	Саранскій.	Каблуковъ.
Саратовская.	Городищенскій.	Филямоновъ.
	Кузнецкій.	Симоновъ.
		Смирновъ.
Курская.	Хвалынскій.	Мироновъ.
	Обоянскій.	Соловьевъ.

ГЛАВА I.

Общія понятія крестьянъ о судѣ.

§ 1. Понятіе крестьянъ о судебной власти вообще.

У крестьянъ рѣдко можно встрѣтить примѣры философскаго отношенія къ вопросу о власти судить и наказывать вообще. Такъ существуетъ воззрѣніе, что власть разрѣшенія судебныхъ дѣлъ принадлежитъ „Богу и поставленнымъ отъ Царя властямъ". (Смол. губ. Дорогобуж. у. Гришевъ). Другою точкой зрѣнія обосновывается иногда взглядъ, что „власть разрѣшенія судебныхъ дѣлъ принадлежитъ закону: судьи являются не самостоятельными разрѣшителями ихъ, а лишь исполнительными органами воли закона; рѣшительно на всякое дѣло должно быть точное и опредѣленное указаніе въ законѣ, всякое дѣло предрѣшено закономъ, а дѣло судей—лишь разспросить про обстоятельства даннаго дѣла, да посмотрѣть въ законъ, тамъ и рѣшеніе есть". (Новгород. губ. Черепов. у. Власовъ). Эта послѣдняя точка зрѣнія, конечно, менѣе касается существа судебной власти, чѣмъ характера ея: это воззрѣніе выдвигаетъ принципъ полузаконности всякаго суда, полузаконности судебной дѣятельности. Такая точка зрѣнія вообще далеко не повсемѣстная, тѣмъ болѣе, что дѣятельность ближайшихъ къ населенію судовъ—волостныхъ, опредѣляется именно не закономъ, а обычаемъ. Иногда высказывается крестьянами даже взглядъ, развиваемый въ нашей литературѣ Л. Н. Толстымъ, о вредоносности суда вообще. „Въ селѣ Колягинѣ одинъ изъ рѣзвѣйшихъ мужиковъ, считавшійся среди

крестьянъ очень умнымъ, высказалъ относительно суда такое мнѣніе: ты на̀ стулѣ виновнаго не сидѣлъ, его внутренности на себя не бралъ, стало быть ты не можешь его и судить. Грѣха ни своего, ни чужого никто не мѣрилъ, и чей грѣхъ больше никто не можетъ смѣрить, а грѣшны всѣ люди до одного. При этомъ означенный мужикъ привелъ такой разсказъ, будто-бы случившійся у насъ на Руси: одинъ разъ какой-то докторъ пошелъ супротивъ митрополита: митрополитъ говорилъ, что правильно надѣваютъ на арестантовъ пятифунтовыя кандалы, чтобы, значитъ, они здѣсь на землѣ больше страдали за свои грѣхи и меньше мучились на томъ свѣтѣ. Докторъ же говорилъ, что кандаловъ совсѣмъ не надо, или по крайней мѣрѣ уже трехъ фунт., потому, что никому не дано отъ Бога мучить людей. Митрополитъ: „за грѣхи невиннаго въ арестанты не заберутъ“. Докторъ разсердился и осмѣлился прямо въ глаза сказать митрополиту: „а Христосъ-то развѣ виновенъ былъ? забылъ ты, отче, значитъ о Христѣ“, сказалъ это и хотѣлъ уходить. Но митрополитъ остановилъ доктора, поклонился ему и сказалъ: прости меня, спасибо, что вразумилъ. Не я забылъ Христа, а Христосъ забылъ меня и отступился отъ грѣшника. Такъ вотъ даже митрополитъ, высшій служитель Бога, и тотъ забылъ о Христѣ и сдѣлалъ тяжкій грѣхъ—закончилъ разсказъ мужичекъ“. (Романово-Борисоглѣб., Даниловск., Любимовск. у. Баловъ); (Ср. А. Ф. Кони о Гаазѣ, прим. автора).

Практическій взглядъ народа на то, кому принадлежитъ власть разрѣшенія судебныхъ дѣлъ, опредѣляется степенью знанія народомъ законовъ, опредѣляющихъ подсудность. Нѣтъ сомнѣнія, что народъ повсемѣстно знаетъ всѣ отдѣльныя судебныя инстанціи и составилъ себѣ о нихъ опредѣленное понятіе. Народъ признаетъ кромѣ оффиціальныхъ судовъ и не оффиціальное, примирительное разбирательство: таковы судъ родителей и старшихъ. (Смол. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ), судъ сосѣдей, судъ сельскаго схода, гдѣ

можно обойтись безъ суда и примирить стороны, напримѣръ: потравы перекосить на чужой полосѣ, заѣздить чужую полосу, мелкое воровство (Новгородск. губ. Черепов. у. Власовъ).

Что же касается вопроса о томъ, насколько народу извѣстны границы подсудности между разными судебными учрежденіями, то здѣсь мы встрѣчаемся, конечно, съ повсемѣстнымъ невѣжествомъ. Не только массамъ, но нерѣдко и волостнымъ судамъ неизвѣстны предѣлы мѣстной и предметной подсудности разныхъ судебныхъ инстанцій. Этотъ фактъ не оспаривается никѣмъ изъ корреспондентовъ этнографическаго бюро и не представляетъ и для автора сомнѣнія въ виду его личной практики. Такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ „подалъ мировому судьѣ жалобу на другого крестьянина за безчестіе телушки, заключающееся въ томъ, что у телушки, принадлежащей обвинителю, пьяный обвиняемый отрѣзалъ половину хвоста за потраву капусты. „Явите Божескую милость, господинъ судья, совсѣмъ опозорилъ телушку. Хвостъ-то ей Богъ далъ, а онъ, пьяная морда, отнялъ его ей. Чѣмъ ей, лѣтнее дѣло, отъ мухъ обороняться? Всѣ коровы съ хвостами будутъ, одна моя безхвостая. Отъ людей совѣстно". Судья объяснилъ жалобщику, что дѣло это подсудно волостному суду, и что безчестія телушки никакого нѣтъ, такъ какъ безчестіе можно нанести человѣку, но не животному. Жалобщикъ вышелъ отъ судьи недовольнымъ" (Орлов. Хотынецъ, Сахаровъ).

§ 2. Понятіе крестьянъ о разницѣ между гражданскими и уголовными дѣлами.

Существо разницы между дѣломъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣломъ крестьянинъ, несомнѣнно, знаетъ. „Подъ гражданскими дѣлами народъ разумѣетъ такія дѣла, въ которыхъ приходится отвѣчать однимъ денежнымъ или имущественнымъ вознагражденіемъ, а подъ уголовнымъ—когда могутъ подвергнуться и личному взысканію"

(Новгор. губ. Черепов. у. Антиновъ). Точно формулировать гражданское и уголовное дѣло крестьянинъ не можетъ, но чутьемъ онъ хорошо знаетъ сущность дѣла того и другого рода (тамъ же). Самое различіе крестьянину, конечно, извѣстно.

Но не то слѣдуетъ сказать относительно терминовъ „гражданскій“ и „уголовный“. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ крестьяне не знаютъ, что термины эти именно относятся къ тому дѣленію, существо котораго мы только что указали. Подъ словомъ „уголовное дѣло“ понимается нерѣдко лишь такое, которое разбирается высшимъ судомъ, напр. дѣло объ убійствѣ, поджогѣ, крупной кражѣ, или дѣло, гдѣ грозитъ обвиняемому наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ правъ. Подъ дѣломъ уголовнымъ понимается только важное, ему противопоставляется дѣло не гражданское, а маловажное или „простое“ (Черепов. у. Васильевъ, Власовъ, Елатом. у. Кондрашовъ, Юхнов. у. Кушперевъ, Кашпировск. у. Мерцаловъ, Карачевск. у. Морозовъ, Болховск. у. Костинъ, Владимір. губ. Юрьев. у., Яросл. у., Рост. у. Дружининъ и др.) Въ Вятской губ. (Котельн. у. Сазоновъ) существуетъ взглядъ на уголовное дѣло, какъ на возникающее изъ преступленій противъ личности. Терминъ „гражданскій“ вообще не употребителенъ въ крестьянскомъ быту.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ни масса, ни волостные суды во многихъ случаяхъ не знаютъ, когда дѣло подлежитъ производству въ уголовномъ, и когда въ гражданскомъ порядкѣ. Не рѣдки, напримѣръ, случаи присужденія штрафа въ пользу потерпѣвшаго при личныхъ оскорбленіяхъ, даже и тогда, когда жалобщикомъ не предъявлено на то требованіе, по закону ему предоставленное, но въ случаѣ предъявленія устраняющее уголовную отвѣтственность (Кашпировск. у. Дилакторскій). Нерѣдки примѣры присужденія къ штрафу сторонъ въ гражданскомъ дѣлѣ за неявку въ судъ. Но особенно не ясны понятія крестьянъ по вопросу о составѣ самоуправства. Стоитъ жалобщику написать: „такой-то самовольно увезъ съ моего поля

копну сѣна", какъ волостной судъ привлекаетъ увезшаго въ уголовномъ порядкѣ. Такія дѣла поголовно кассируются уѣзднымъ съѣздомъ, когда только до него доходятъ, и въ практикѣ автора они весьма нерѣдки.

§ 3. Отношенія крестьянъ къ судебному слѣдователю и къ судамъ волостнымъ и Государственнымъ.

Что касается отношенія народа къ судебному слѣдователю, то необходимо отмѣтить повсемѣстное къ нему уваженіе. Авторитетъ власти слѣдователя высокій. Отношеніе слѣдователей къ народу, за рѣдкими исключеніями, одновременно вѣжливое и твердое. Бываетъ, что народъ боится слѣдователя, многіе отказываются давать показанія и оговариваются невѣдѣніемъ въ дѣлахъ, которыя они хорошо знаютъ. У слѣдователя рѣдко даютъ ложныя показанія. „Крестьянинъ Савва Власовъ (сосланный на поселеніе за поджогъ сарая) на допросѣ у станового отказался отъ своего преступленія, а потомъ у слѣдователя сознался, потому, что его обуялъ страхъ. Сознаніемъ Власова всѣ семейные были поражены, потому, что они дома рѣшили обратное и надѣялись на хорошій исходъ, такъ какъ станового уже удалось провести" (Орлов. у. Михеевъ). Отношеніе слѣдователя къ народу чисто дѣловое, оффиціальное и особенной гуманностью не отличается. Такое отношеніе народу нравится, такъ какъ народъ одобряетъ, когда дѣло дѣлается начальствомъ серьезно. При разслѣдованіи преступленій народъ не одобряетъ ни послабленій со стороны слѣдственной власти по отношенію къ виновнымъ, ни гуманной фамильярности, приписывая иногда первое взятки, а второе слабохарактерности и незнанію дѣла. Справедливая строгость со стороны начальства народу очень нравится, и такое начальство народомъ цѣнится и уважается: „вотъ настоящій начальникъ: никому поблажки не дастъ и никого не обидитъ" (Смолен. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ). Вѣжливое отношеніе слѣдователя къ народу также очень цѣнится.

„Кабы у насъ всѣ начальники были вѣжливы къ намъ, какъ судебный слѣдователь, то у насъ и порядки были бы хорошіе и намъ была бы возможность научиться вѣжливости. А то придешь къ какому нашему иному начальнику, а онъ такъ крикнетъ на тебя, что ты весь затрясешься, не знаешь, что говорить, а все, что знаешь, позабудешь, почему поневолѣ скажешь неправду“ (Крюмск. у. Козловъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ понимаетъ все значеніе допроса у слѣдователя. „Ты не гляди, что онъ все вы, да вы. Послѣ только очухаешься, опомнишься, къ чему онъ спрашивалъ то и другое. А допросъ-то станетъ снимать чисто, какъ будто о прошлогоднемъ снѣгѣ спрашиваетъ, или сколько пеньки набралъ. Самъ, этакъ ласково смотритъ, усмѣхается, да бороду покусываетъ и все это хорошо-съ, хорошо-съ. Ты, говоритъ, братецъ, посмѣлѣй. Все разспроситъ, ничего не упуститъ, и сколько лѣтъ, и женатъ, много ли дѣтей, и гдѣ обучался, былъ ли въ солдатахъ, признаю ли Бога, не раскольникъ ли я. Батька-священникъ, и тотъ исповѣдовать такъ не будетъ. Оказія, удивительно, какъ про посты не спросилъ. А въ концѣ концовъ, кто, говоритъ, можетъ за васъ поручиться, а я слуру-то, все село меня знаетъ“... подлинный разсказъ одного обвиняемаго. Пріѣздъ судебнаго слѣдователя составляетъ событіе. Въ приведенномъ выше разсказѣ отношенія судебнаго слѣдователя къ крестьянамъ обрисованы, какъ нельзя лучше. Вѣжливость, сдержанность, ровный тонъ и допросъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва—вотъ отличительныя свойства почти всѣхъ судебныхъ слѣдователей. Нельзя сказать, чтобы подобное отношеніе нравилось крестьянамъ. Ты, у него, слѣдователя, какъ на исповѣди, муха пролетитъ—слышно. И такъ жутко, страшно, оторопь тебя возметъ. Хотя бы раскричался или обругалъ, все легче бы было. Это много для насъ привычнѣе. А то какъ бы отходную надъ тобой читаетъ,—вспомнились мнѣ слова того же крестьянина“ (Орловск. губ. Хотынецъ Сахаровъ. Ср. Черн. у. Антиповъ, Власовъ, Калниковск. у. Мерцаловъ, Вятск. губ.

Орловск. у. Гребневъ, Калужск. у. Лебедевъ, Скопин. у. Чепуринъ, Тихвинск. у. Закатовъ).

Общій сводъ данныхъ объ отношеніи крестьянъ къ собственно крестьянскимъ судамъ съ одной стороны и къ судамъ коронымъ, государственнымъ — съ другой, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что собственнымъ волостнымъ судамъ крестьяне мало довѣряютъ, къ судамъ же государственнымъ относятся съ большимъ уваженіемъ. Про волостного судью крестьянинъ говоритъ, что „судья этотъ только на короткое время, пока на немъ значекъ, а снять этотъ значекъ — и судья обращается къ такого же мужика. При разбирательствѣ ихъ называютъ „господа судьи", а послѣ разбора—опять Петры и Иваны. Не то судъ государственный. Тамъ судятъ господа, у нихъ не значки приколоты къ груди, а золотыя цѣпи на шеѣ. На этомъ судѣ засѣдаютъ не выборные судьи, а назначенные Царемъ-Батюшкой. Такого судью водочкой не угостишь, чайкомъ не попоишь. А отсюда отношеніе къ коронному судьѣ болѣе почтительное" (Новгор. губ., Черепов. у. Антиповъ). Существуетъ, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и менѣе лестная для государственнаго суда мотивировка довѣрія къ нему народа: „государственный судъ, какъ и волостной, тоже беретъ взятки, но большія, и такъ какъ крупную взятку могутъ дать лишь немногіе, то большая часть дѣлъ рѣшается судомъ „правильно", по закону и только меньшая часть дѣлъ пристрастно, за взятку, тогда какъ волостной судъ большую часть дѣлъ рѣшаетъ неправильно, потому, что волостные судьи и писарь не брезгуютъ мелкими взятками, которыя почти всякій въ состояніи дать. Кромѣ того государственный судъ при разбирательствѣ дѣлъ руководствуется закономъ, и судьи его знаютъ законъ; волостной же судъ рѣдко въ законъ глядитъ, рѣшаетъ дѣла больше по нашему крестьянскому обычаю, а подъ прикрытіемъ мѣстнаго обычая можно творить какія угодно беззаконія" (Новгород. губ. Череповец. у. Власовъ). Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ основаній недовѣрія на-

рода къ волостнымъ судамъ слѣдуетъ признать огромное вліяніе писаря на рѣшеніе дѣлъ. „Нѣтъ, уже въ волостной судъ идти намъ не рука, говорятъ иногда крестьяне: писарь не за насъ, а онъ то вѣдь всѣмъ дѣломъ воротитъ“ (Вологод. губ. Калник. у. Мерцаловъ). Вотъ другой разсказъ.

„Хочу жалобу подать на свой судъ, говоритъ мужикъ.—Въ чемъ дѣло?—А вотъ конія, два раза ходилъ; все писарь не выдавалъ. Изъ конія разсказовъ неволыной стороны оказывается, что потерпѣвшій лѣтъ 20 тому назадъ раздѣлился съ своими родными дядями и вмѣсто слѣдуемаго ему отъ нихъ движимаго имущества получилъ съ нихъ 200 рублей деньгами. Поживши немного въ деревнѣ послѣ раздѣла, онъ ушелъ съ женой на заработки; а доставшійся ему при раздѣлѣ надѣлъ земли отдалъ въ аренду своимъ дядямъ. Проживши на сторонѣ 20 лѣтъ, онъ вернулся и потребовалъ отъ дядей обратно свою землю, на что дяди согласились, но не согласны были отдать лѣсъ, выросшій на землѣ племянника въ его отсутствіи, на томъ основаніи, что не онъ его ростилъ и сберегалъ и не онъ платилъ за него подати. При этомъ однако, дяди не отрицали, что пользовались лѣсомъ по своему усмотрѣнію. Потерпѣвшій обратился въ волостной судъ съ просьбой присудить ему лѣсъ, растущій на его землѣ, а въ этомъ искѣ судъ ему отказалъ, ссылаясь на вышеприведенныя основанія и на обычное право. Все это писарь подѣлалъ, сказалъ въ заключеніе потерпѣвшій, онъ и свидѣтелей допрашивалъ, онъ указалъ, какъ и рѣшить дѣло.—Какъ же такъ указалъ?—А какъ идти судьямъ на совѣтъ, онъ и пишетъ на клочкѣ бумажки „откажи“, такимъ крупными буквами, а предсѣдатель маленько грамотѣ знаетъ и прочиталъ. Какой же это судъ! Смѣхъ одинъ.—Почему же писарь держитъ ихъ руку?—Извѣстно, задарили дяди, онъ съ ними хлѣбъ-соль водитъ“. (Смол. губ. Юхнов. у. Кушеревъ).

Суду земскаго начальника и уѣзднаго съѣзда крестьянинъ довѣряетъ болѣе, чѣмъ своему собственному, но и здѣсь отчасти опасается вліянія письмоводителя и секретаря. Окружные суды не вызываютъ къ себѣ уже никакого недовѣрія и сомнѣнія въ средѣ крестьянскаго населенія. Особенно серьезное значеніе народъ придаетъ привозу къ присягѣ. Присягу не съѣшь, говоритъ народъ, объясняя этимъ, что присяга — надежная гарантія правдивости показаній на судѣ. „И Боже ты мой, какой судъ. И первое дѣло, сейчасъ всѣ къ присягѣ. Значитъ, не увильнешь, хошь, не хошь, а правду выкладай; вотъ онъ судъ какой". (Юхнов. у. Кушеревъ). Встрѣчаются иногда случаи недовольства крестьянъ слабою репрессіею окружныхъ судовъ по дѣламъ о дѣтоубійствѣ и сокрытіи труповъ младенцевъ (Вятск. губ. Орлов. у., Гребеневъ).

Къ прежнимъ мировымъ судьямъ крестьяне относились съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Между тѣмъ, замѣчается иногда странное явленіе: многіе изъ мировыхъ судей стали теперь земскими начальниками, и крестьяне хвалили ихъ, когда они были мировыми судьями, и молчатъ теперь, когда они стали земскими начальниками. Несмѣняемость земскихъ начальниковъ, отсутствіе надъ ними контроля, сдѣлали то, что по народной поговоркѣ портитъ коня (воля коня портитъ) (Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ). Встрѣчаются и отдѣльные случаи недовольства рѣшеніями уѣздныхъ съѣздовъ, на томъ основаніи, что съѣзды руководствуются однимъ писаннымъ закономъ, идущимъ нерѣдко въ разрѣзъ съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ. „Напримѣръ, въ здѣшней мѣстности не имѣется пастуховъ и поля отъ потравъ охраняются изгородью. Если случилось, что скотъ сосѣдняго селенія проникъ въ наше поле черезъ нашу же неисправную" изгородь и сдѣлалъ потраву въ полѣ, то мы по мѣстному обычаю не имѣемъ права взыскивать за потраву поля съ владѣльцевъ скота и волостной судъ въ такомъ искѣ намъ несомнѣнно откажетъ. Но стоитъ перенести дѣло въ уѣздный съѣздъ—тамъ намъ присудятъ

за потраву поля, либо руководствуются закономъ и таксой за потраву" (Вятск. губ. Орлов. у. Гребневъ).

§ 4. Сутяжничество въ крестьянскомъ быту.

Если сводить и обобщать всѣ данныя, имѣющіяся въ распоряженіи автора по вопросу о томъ, насколько развито въ народѣ сутяжничество и кляузничество, едва ли возможно будетъ придти къ какому-либо общему, опредѣленному выводу. Прежде всего указаній точныхъ о количествѣ разбираемыхъ въ волостныхъ судахъ дѣлъ почти не имѣется. Единственный цифровой подсчетъ сдѣланъ однимъ изъ корреспондентовъ, указывающимъ, что сутяжничество въ той мѣстности, гдѣ онъ живетъ, развито весьма сильно. (Тихвинск. у., Закатовъ).

Согласно этому подсчету оказывается, что въ данной волости, при населеніи равномъ 5269 наличнымъ душамъ, за семь лѣтъ съ 1891 по 1897 года включительно, было разобрано волостнымъ судомъ 1977 гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, что составляетъ среднимъ числомъ по 282 дѣла въ годъ. Если за симъ принять, что въ каждомъ дѣлѣ участвуютъ среднимъ числомъ два лица, то выходитъ, что ежегодно участвуетъ въ судебныхъ дѣлахъ по 564 человѣка, т. е. приблизительно 10,7% всего населенія волости. Нерѣдки, по указанію того же корреспондента дѣла, вся сумма иска въ коихъ 30 коп. и для такихъ дѣлъ вызываются истецъ, отвѣтчикъ и свидѣтели, нерѣдко живущіе отъ волостного правленія въ 20—30 верстахъ. Есть, однако, много другихъ матеріаловъ, указывающихъ на сравнительно малое стремленіе народа къ сутяжничеству. Необходимо, однако отмѣтить, что всѣ эти указанія не сопровождаются никакими точными подсчетами, такъ что, если даже согласиться съ тѣмъ, что стремленіе народа къ сутяжничеству въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаково, то нельзя отрицать и того, что при всѣхъ имѣющихся данныхъ надо учитывать неточность, являю-

щуюся результатомъ субъективной оцѣнки лицъ, представившихъ матеріалы.

Можно указать характерные примѣры того, какъ народъ идетъ въ судъ изъ-за всякихъ пустяковъ. „Въ 1888 году 21 августа за № 23 въ книгѣ суда записана жалоба: пришелъ ко мнѣ въ домъ въ пьяномъ видѣ Игнатій Степановъ, сидѣлецъ питейнаго заведенія, при селѣ Покровѣ, вышелъ въ сѣни напалъ въ кадку съ водой, изъ которой не зная этого, налили въ самоваръ и пило все семейство, черезъ что все семейство опоганилось. Прошу привлечь Степанова къ законной отвѣтственности". (Новгородск. губ. Череповецк. у. Власовъ).

Или другой примѣръ: „Около села Перевѣсья, въ 1894 году былъ построенъ г. Бумаюмъ на купленной землѣ постоялый дворъ и кабакъ. Онъ выстроилъ постоялый дворъ и занялъ имъ около трехъ квадратныхъ саженей чужой земли. Мужики, вообразивъ, что этотъ лишекъ земли принадлежитъ имъ, стали просить съ него каждый годъ по три ведра вина на общество безплатно за эту землю. Одинъ годъ онъ выставилъ имъ требуемое количество, а на другой годъ отказалъ. Обиженные этимъ, они подали на него жалобу на захватъ чужой земли въ волостное правленіе. Здѣсь дѣло чередомъ не разобрали, но благодаря знакомству помѣщика Бумана съ предсѣдателемъ суда и судьями, дѣло кончили въ его пользу. Они подали прошеніе земскому начальнику. Но и земскій начальникъ отказалъ, не изслѣдовавъ дѣло. Что, говорятъ, ожидать отъ земскаго добраго, потому, что вмѣстѣ пьютъ,—и подали жалобу въ уѣздный съѣздъ. Здѣсь, обстоятельно разсмотрѣвъ дѣло, и въ просьбѣ отказали, такъ какъ земля эта принадлежитъ не имъ, а церковному причту и они никакого отношенія къ ней не имѣютъ. Получивъ отказъ, они побудили священника хлопотать объ отобраніи земли. Тотъ, конечно, сразу выхлопоталъ. Протягали около 55 рублей, а земля то стоитъ около 50 коп. (Вологодск. у. Соколовъ).

Можно, конечно, указать, на много мѣстностей, гдѣ сутяжничество въ общемъ мало развито. Народъ нерѣдко относится къ суду съ недовѣріемъ и сутяжничество порицаетъ. „Судъ—яма, стой прямо: упадешь—попадешь, уцѣлѣешь—оголѣешь"; или о расходахъ, сопряженныхъ съ судомъ: „маленькій судокъ, безъ соли голокъ, а большой судокъ—безъ хлѣба голокъ и присудили полтину, а высудили кулакъ въ спину"—таковы народныя пословицы.

Въ каждой мѣстности есть несомнѣнно спеціалисты—деревенскіе сутяги, но нельзя сказать, чтобы они пользовались вообще народнымъ уваженіемъ. „Ему только судиться да рядиться, а дѣла некогда дѣлать. Какой это человѣкъ, когда изъ суда не выходитъ?"—говорятъ крестьяне о такихъ сутягахъ. Но для характеристики психологіи подобныхъ деревенскихъ сутягъ интересно привести и собственныя ихъ слова: „какъ нѣтъ дѣла въ судѣ, деньги не копятся, а какъ заведу дѣло, деньги пойдутъ со всѣхъ сторонъ валиться", говоритъ одинъ. Другой откровенно сознается: „хлѣба и сна лишаюсь, какъ не сужусь, все думаю, съ кѣмъ бы какое дѣлишко затѣять" (Новгородск. губ. Черепов. у. Власовъ).

Если говорить о побудительныхъ причинахъ, развивающихъ въ крестьянскомъ населеніи сутяжничество, то и здѣсь трудно придти къ сколько нибудь общимъ выводамъ. Имѣются указанія на то, что сутяжничество меньше развито среди крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, больше среди однодворцевъ, любящихъ отстаивать личное право, въ какой бы малой суммѣ оно ни выражалось (Орловск. губ. Кромск. у. Козловъ и Болховск. у. Костинъ). Указанія эти однако, слишкомъ единичны, чтобы дать автору право дѣлать изъ нихъ выводы. Существенное значеніе имѣетъ, конечно, степень гордости и стремленія отстаивать свою честь, иногда сильнѣе развитыя у крестьянъ, чѣмъ бережливость въ средствахъ.

Но важнѣе, чѣмъ эти общія черты, вліяющія на развитіе сутяжничества,—указать на прямые факторы, его порождающіе.

Эти прямые факторы—вліяніе писарей и подпольныхъ адвокатовъ. Это—тѣ люди, для которыхъ сутяжничество является прямымъ источникомъ дохода. Привожу характерные примѣры:

„Сутяжничество и кляузничество очень сильно развито среди крестьянъ благодаря облокатамъ, которыми кишатъ трактиры въ Нижнемъ-Новгородѣ. Этотъ элементъ состоитъ изъ уволенныхъ и спившихся съ кругу волостныхъ писарей, урядниковъ и другихъ мелкихъ чиновниковъ, за бутылку водки готовыхъ написать безграмотному человѣку, что угодно, наобѣщать что угодно. Въ Нижнемъ или въ Лысковѣ пишущіе прошенія называются иногда „адвокатъ изъ Сената“, или кавалерами. Про себя говорятъ, что пострадали за правду и оттого находятся въ бѣдности, больно ужъ хорошо знаютъ законы, всѣхъ говорить засужу, до Синода дойду. Бываютъ и такіе случаи, что крестьянинъ исполнительный листъ поручитъ такому аблокату, дабы взыскать деньги, а тотъ продастъ его за грошъ отвѣтчику и деньги пропьетъ. Этимъ пьяницамъ, однако, крестьяне вѣрятъ и толпами идутъ къ нимъ“ (Нижегород. губ. Макарьевск. у. Корвинъ-Круковскій).

Вотъ другое характерное описаніе. „Сутяжничество или кляузничество среди крестьянъ происходитъ или отъ нежеланія уступить своему противнику, хотя и законное имущество, но разстаться съ которымъ убыточно, или отъ упрямства извѣстнаго лица, разсуждающаго такъ: не поддамся, адвоката найму, въ конецъ разорюсь, а не дамъ тебѣ и понюхать того, что ты ищешь. Не разсудятъ тутъ въ Болховѣ, въ Орлѣ. Въ Орлѣ не разсудятъ, въ Харьковъ (Судебная Палата). Въ Харьковѣ не разсудятъ въ Питеръ, въ Синодъ (крестьяне почти всегда смѣшиваютъ Синодъ и Сенатъ), къ Царю подамъ. Конечно обратись крестьянинъ къ настоящему адвокату, хотя бы къ частному повѣренному, тотъ бы ему отсовѣтывалъ продолжать дѣло, выиграть которое нѣтъ никакихъ шансовъ, забывая пословицу, дорого да мило, дешево, да

гнило—крестьянинъ вѣряется первому попавшемуся написать требуемую жалобу, которая пишется въ большинствѣ случаевъ за бутылкою вина, какимъ нибудь пропившимся и давно выгнаннымъ со службы чиновникомъ, увѣрившимъ крестьянина, что дѣло его правое и что стоитъ только написать со смысломъ прошеніе, какъ судъ обязательно рѣшитъ въ пользу его. За написаніе берется отъ 20 коп. до 1 рубля, смотря по важности просьбы, чѣмъ выше инстанція, куда предназначена жалоба, тѣмъ выше и цѣна. Кромѣ того могарычъ для вдохновенія и расшивается вмѣстѣ съ кліентомъ. Бываютъ случаи, что въ жалобахъ этихъ нельзя уловить чего именно домогается проситель. Подобныя жалобы или возвращаются безъ разсмотрѣнія, или разсматриваются и оставляются безъ послѣдствій. Простодушный же крестьянинъ объясняетъ это пристрастіемъ суда, что еще болѣе укрѣпляется въ немъ, если онъ случайно встрѣтится съ писавшимъ ему жалобу, который на укоры крестьянина не сморгнувъ, отвѣтитъ: „жалоба была написана по настоящему, такую тебѣ никто и нигдѣ не составилъ бы, спроси хоть у хозяина трактира, который полушутя, полусерьезно кивнетъ головой, говоря непредѣленное еще бы. Противникъ вѣрно силенъ, задарилъ судъ“ (Орловск. губ. ст. Хотынецъ, Сахаровъ).

§ 5. Предразсудки, существующіе у крестьянъ относительно суда.

Предразсудки и суевѣрія, существующія у крестьянъ относительно суда, весьма разнообразны. Судя по имѣющимся даннымъ, наиболѣе распространенными являются повѣрія о необходимости поститься въ пятницу передъ днемъ святого Косьмы и Даміана, для удачнаго исхода судебныхъ дѣлъ, а также о ношеніи на себѣ при приходѣ въ судъ такъ называемой сорочки, т. е, тонкой пленки въ которой иногда рождаются дѣти. Впрочемъ необходимо признать, что указать на повѣрія имѣющія повсемѣстное распространеніе, не

возможно. Нѣкоторые матеріалы указываютъ на полное отсутствіе въ данныхъ мѣстностяхъ предразсудковъ относительно суда (напр. Вологодск. губ. Грязовецк. у. Старовѣровъ, Тихвинск. у. Закатовъ, Калужск. губ. Козельск. у. Лошмановъ).

Остальные имѣющіяся матеріалы, о существующихъ въ народѣ суевѣріяхъ относительно суда, въ виду выдающагося ихъ бытового интереса, привожу полностью.

„Чтобы выиграть дѣло въ окружномъ судѣ, нѣкоторые обращаются къ ворожеямъ, но далеко не каждая ворожея можетъ помочь выиграть больше, въ смыслѣ избавленія отъ отвѣтственности по дѣлу. Въ деревнѣ Островѣ славится знахарка, умѣющая своими наговорами обставить такъ, что виновный въ уголовномъ преступленіи не будетъ наказанъ. Изъ этой же деревни одинъ парень въ прошломъ году судился окружнымъ судомъ за поджогъ. Отправляясь на судъ, онъ зашелъ къ этой ворожеѣ и купилъ у ней наговоренный корешокъ какой-то травы за три рубля; что она наворожила, парень не знаетъ, только ворожея велѣла держать корешокъ во время разбирательства за пазухой. При первыхъ же допросахъ потерпѣвшаго такъ затрясло, и онъ почувствовалъ такъ худо, что отказался отъ обвиненія и самъ сталъ оправдывать подсудимаго“ (Черепов. у. Антиповъ).

„Относительно суда у крестьянъ существуютъ слѣдующіе предразсудки: тотъ, кто желаетъ, чтобы выиграть (высудить) въ судѣ всякое дѣло, всякаго богача осилить, долженъ имѣть и брать съ собой на судъ либо рубашку съ новорожденнаго ребенка (эта рубашка состоитъ, кромѣ женскаго мѣста, изъ чистой и тонкой отопки или плевы, въ которой дѣти рождаются очень рѣдко, которыхъ народъ считаетъ счастливцами) или рубашку (шкурку) съ ужа или змѣи, которыя они мѣняютъ ежегодно въ лѣтнее время, изъ нихъ рубашки съ ужей чаще всего попадаются въ ручьяхъ, прудахъ и болотистыхъ рѣкахъ и

ихъ много у крестьянъ. Вотъ ихъ то нѣкоторые крестьяне и таскаютъ при себѣ на судъ. Кромѣ того иные крестьяне, передъ тѣмъ, какъ идти въ судъ въ качествѣ стороны, молятся со всею семьей передъ иконой святого Николая Чудотворца и просятъ его помощи высудить дѣло. Въ это время всѣ члены семьи должны отойти отъ печки на средину избы, а буде кто либо изъ нихъ случайно останется въ то время у печки, то такое обстоятельство составляетъ полный признакъ проигрыша въ судѣ дѣла, а если около печки никто не останется, то служитъ признакомъ выигрыша дѣла". (Кром. у. Козловъ).

„Когда идти на судъ, то, чтобы выиграть дѣло, крестьяне вѣшаютъ себѣ на шею тетрадку, въ которой написано: Сонъ Богородицы и сказаніе о Двѣнадцати Пятницахъ. При этомъ, чтобы узнать, окончится ли дѣло въ его пользу, отправляющійся на судъ завязываетъ себѣ глаза платкомъ. Когда выйдетъ на улицу, то, перекружившись на правой ногѣ до трехъ разъ, открываетъ правый глазъ и смотритъ, что ему первое попадается увидѣть. Если ему попадается увидать бабу въ красной юбкѣ, то онъ на судѣ сгоритъ отъ стыда; если дѣло будетъ проиграно, если увидитъ мужика, несущаго что нибудь—значитъ, что присудятъ въ его пользу; если увидитъ собаку, то надо ему постараться снесть судьямъ угощеніе. Тоже самое означаетъ увидѣть какую либо птицу; если увидитъ свинью, судьи окажутся свиньями. Послѣ этого крестьянинъ идетъ въ хату и разсказываетъ, что онъ увидѣлъ на улицѣ. Также швыряютъ вверхъ мѣдный пятачекъ до девяти разъ и если при этомъ онъ ляжетъ орломъ большую половину, то его дѣло выйдетъ. Наканунѣ суда, ложась спать, крестьянинъ крестится и говоритъ: „Іосифъ Прекрасный, покажи во снѣ дѣло мое ясно". Если ему при этомъ приснится, что ему кто-нибудь дастъ что либо, или онъ что нибудь нашелъ, то это хорошій признакъ окончанія дѣла; а если увидитъ, что у него что нибудь взяли, или онъ потерялъ какую

нибудь вещь, то это означаетъ, что его дѣло на судѣ будетъ плохо. Когда обуваются — идти на судъ, то подъ пятку кладутъ землицы изъ-подполья въ знакъ того, что ему своя земля-матушка помогаетъ. Крестьяне почитаютъ пятницу передъ днемъ Косьмы и Даміана въ надеждѣ быть всегда оправданнымъ. Также, когда христосуются съ попомъ на первый день Пасхи въ церкви, послѣ утрени, то стараются у попа выпросить яйцо, иногда давая ему за это вмѣсто одного три. Это яйцо, когда идти на судъ, нужно положить съ молитвой въ карманъ и во время дачи отвѣтовъ на судѣ постоянно катать его въ карманѣ. Такія яйца крестьяне тщательно берегутъ на божницѣ святыхъ иконъ. Но самымъ главнымъ средствомъ считается сорочка, въ которой иногда рожлаются дѣти. Такую сорочку тщательно берегутъ, завернувъ ее въ платокъ. Сорочку каждый годъ носятъ съ собою въ церковь въ карманѣ для освященія. Это дѣлаютъ на свѣчки подъ Крещеніе. Сорочка помогаетъ на судѣ только тому семейству, въ которомъ она родилась и большею частью тому, кто въ ней родился. По народному повѣрью, кто служитъ молебенъ Ивану Воину въ день его праздника и въ этотъ праздникъ не работаетъ, за того человѣка въ судѣ воюетъ Иванъ Воинъ, т. е. хлопочетъ и направляетъ дѣла въ его пользу. Впрочемъ Иванъ Воинъ тогда будетъ хлопотать въ судѣ за почитающаго его праздникъ, когда тотъ мало-мальски судится по правому дѣлу, а не мошенничаетъ. Если кто судится по правому дѣлу и попроситъ походатайствовать за него Ивана Воина, то Иванъ Воинъ иногда является во снѣ судьямъ и призываетъ ихъ судить такъ, какъ это нужно по закону, угрожая въ случаѣ неисполненія наказать ихъ своимъ правдивымъ гнѣвомъ, а именно: или ихъ поля будутъ побиты градомъ, или замыты слишкомъ сильнымъ дождемъ, или разнесутъ уже готовые снопы бурей и т. п. Кромѣ этого служатъ молебны иконѣ Божьей Матери „Утоли Моя Печали“ и Казанской, Заступницѣ Усердной. Вообще въ нашей мѣстности очень много

предразсудковъ и примѣтъ относительно суда (Болховск. у. Костинъ).

Для смягченія судей, полезны по народному мнѣнію нѣкоторыя травы.

Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ народныхъ цвѣтниковъ и травниковъ, имѣвшихся подъ руками:

Трава царскіе очи для женитьбы и въ брань, и въ миръ, и въ судъ. Рвать эту траву іюня 24 поутру.

Трава гзаяктелъ, мала ростомъ, въ стрѣлу, видомъ синя, а по сторонамъ по девяти листковъ, на верху четыре листка: червленъ, зеленъ, багрянъ и синь. И та трава весьма добра; аще, кто беретъ ее на Ивановъ день въ Купальницу сквозь гривну златую или серебряную и носитъ на себѣ, тотъ человѣкъ не боится ни кого, аще на судъ пойдетъ одолѣетъ супротивника своего и всѣ люди его любить будутъ. А растетъ при рѣкахъ и при болотнахъ.

Подходя къ дверямъ суда и вообще всякаго начальства, слѣдуетъ читать: „Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его“. Или же прочесть молитву Пресвятой Богородицѣ (Богородицѣ Дѣво, Радуйся). Входя въ судъ полезно подсыпать подъ порогъ соли! Для той же цѣли полезно носить при себѣ барсучью шерсть или же наконецъ „вихарево гнѣздо“, т. е. свитыя вѣтромъ сучья березы.

Для того, чтобы одолѣть своего супротивника на судѣ существуютъ и заговоры. Напримѣръ:

1. Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, Помилуй насъ. Аминь.

Помолюся я, рабъ Божій, Господу Іисусу Христу и животворящему Кресту Твоему и Пречистой Богородицѣ Матери Господа моего, Спаса нашего Іисуса Христа и святымъ ангеламъ и архангеламъ, апостоламъ Петру и Павлу, Святителю Николаю Чудотворцу, святымъ безсребренникамъ Кузьмѣ и Даміану, Киру и Іоанну, Михаилу архангелу грозному воеводѣ небесныхъ силъ и

всѣмъ святымъ мученикамъ и пророкамъ, помолитеся о силѣ Божіей. Какъ роса утренняя заря бѣлому свѣту, а свѣтъ красному солнцу, такъ бы всякія власти градскія и общественныя: начальники, судьи мировые, старшины и старосты, слѣдователи и становые, губернаторы и приказные засѣдатели, полицеймейстеры и выборные и всѣ приказные православные христіане мужской полъ и женскій были бы рады мнѣ рабу Божію всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Какъ странодневникъ писатель божественныхъ книгъ по писанію святыхъ отцевъ сказано, что на семъ свѣтѣ и будущемъ ничто не можетъ переворотить Божіей колесницы, такъ бы не могли преворотить раба Божія передъ всякія власти градскія и мировые судьи, слѣдователи и старшины, писаря и присяжные засѣдатели и вси православные христіане всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Будь словомъ моимъ небо—ключъ, земля—замокъ. Аминь, аминь, аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа отъ нынѣ и до вѣку. Аминь, аминь, аминь.

2. Помяни, Господи, Кирику и Улиту и царя Давида и всю кротость его. Какъ мертвецъ изъ гроба не возстанетъ, такъ бы рабы Божіи рады были и смирны вси начальники, мирскіе судьи, мировые, слѣдователи, губернаторы и становые, старшины и старосты и вси православные христіане мужской полъ и женскій и на меня раба Божія не возставали и сердце бы ихъ упало и руки не поднимались, уста бы ихъ не растворялись отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

3. Господи благослови. Какъ весь миръ возрадуется красному солнышку, какъ отпирается и отмыкается всякая заря и взойдетъ обрадованное красное солнышко, такъ бы мнѣ многогрѣшному рабу Божію возрадовались и возвеселились окомъ благоутробнымъ, сердцемъ пріятнымъ градскіе и вотчинные начальники, губернаторы,

прокуроры, мировые судьи, слѣдователи, исправники, становые предсѣлатели и вси православные христіане, мужскій полъ и женскій и дай имъ, Господи, Боже мой, ангельскія очи и утробу материну. Мать Пресвятая Богородице, прикрой своей нетлѣнной ризой раба Божія отъ всякаго врага и супостата. Аминь, аминь, аминь.

Лягу я, рабъ Божій, благословясь, и встану перекрестясь, помолясь Іисусу Христу, сыну Божію и выйду въ чистое поле на востокъ краснаго солнышка подъ младъ чистый мѣсяцъ, подъ чистыя мечтанныя звѣзды и облажусь, я, рабъ Божій, тѣми облаками и наложу я на главу красное солнышко и опаяшусь я, рабъ Божій, мечтаннымъ чистымъ звѣздамъ, яко бисеромъ отъ всякаго лихого человѣка.

Какъ рѣки быстро покорились океану-морю, такъ и мнѣ рабу Божію были бы покорны и возлюбили паче всѣхъ на свѣтѣ; когда я пойду къ нимъ, то у нихъ сердце бы трепетало и радовалось бы мнѣ рабу Божію во всѣ концы моего вѣка отнынѣ и до вѣка. Аминь.

Преподобный Логинъ вошелъ въ царскую палату, а палата Августова затреслась и вси люди отъ страха того и трепета не могли на Логина очами зрѣти, тако бы супостаты мои не могли на меня зла подумать и лиха помыслить и дай имъ, Господи Боже мой, супостатамъ моимъ и лихимъ людямъ уста бы ихъ заковались, чтобы ихъ обвинили, а мнѣ никакого противнаго слова несказали.

Тѣмъ моимъ словамъ буде небо—ключъ, море—замокъ, евангельская печать самъ Господь праведный Іисусъ Христосъ. Аминь, аминь, аминь.

5. Пресвятая Божія Матерь, спаси и помилуй раба Божія отъ бѣдъ, напастей, напраслинъ и отъ лихого человѣка на всю жизнь. Аминь. На Аминѣ свѣтъ стоитъ, на моихъ словахъ крестъ лежитъ, на крестѣ самъ Іисусъ Христосъ опочиваетъ. Аминь, аминь, аминь.

Помяни Господи отца нашего Адама и мать нашу Еву, царя Давида и всю кротость его, помяни Господи царя Соломона и всю мудрость его, помяни Господи тѣхъ имя рѣковъ, къ которымъ я иду, помяни Господи Кирика младенца и мать его Улиту, царя Константина, Варвару великомученицу, христолюбивое воинство, вселенскихъ учителей. Аминь.

7. Мать Пресвятая Богородица, Марія, Богу помолись, встала перекрестись, мылась Божьей росой, утиралась Христовой пеленой, пошла она въ путь дороженьку въ Іерусалимъ градъ. Въ Іерусалимѣ градѣ стоитъ апостольская церковь, а въ апостольской церкви стоитъ престолъ Господень, за престоломъ Господнемъ сама Мать Пресвятая Марія. Предстоитъ Самъ Господь Богъ и рѣчетъ своей Матери:

„Мать ты моя, Пресвятая Марія, что ты спишь или на меня зришь?“.

„Сыне мой возлюбленный, я сплю и на тебя зрю, я вижу передъ тобой пропятіе при Понтійскомъ Пилатѣ. Руце и нозе гвоздями прикованіе, ребра Твои копіемъ проболоша, кровь Твоя какъ вода протекоша, терновый вѣнецъ на главу накладоша, хотятъ тебя на трієхъ древахъ распинати: первое древо пилево, второе пилево, а третье кипарисъ древо“.

Кто этотъ сонъ прочтетъ по трижды въ день, тотъ избавленъ будетъ отъ ужасти, отъ страсти, отъ бѣды и отъ напасти, отъ меча и огня, и отъ полымя, отъ звѣря бѣгучаго и отъ змѣя ползучаго, и отъ лихого человѣка. Аминь.

На аминѣ свѣтъ стоитъ, на моихъ словахъ крестъ лежитъ, на крестѣ Самъ Іисусъ Христосъ опочиваетъ (Пошех. у. Баповъ).

Для того, чтобы на судѣ сильнымъ быть—надо въ ночь подъ Новый Годъ въ курятникъ сходить. Поймать черную курицу, отсѣчь ей тамъ же голову, выбрать неущипанной печенку, чтобы не разорвать и не раздавить ее. Самую же курицу швырнуть подъ нашестъ—на утро ея не будетъ—дворовой ее подберетъ, а если пе-

ченка у цѣлости ея—нужно засушить и зашить въ кожу. На Новый Годъ на полночь тогда за ней домовой и придетъ выкупать это ее. Будетъ сулить много: и рубли неразмѣнные и спорину во дворъ, а ты проси одно: на лѣ счастье имѣть. Онъ долго будетъ торговаться, а ты усе на своемъ стой, тогда онъ и дастъ тебѣ желаемый орѣхъ. Заставь раскусить его. Онъ опять будетъ упираться—тебя заставлять, а ты усе на своемъ стой. Наконецъ онъ раскуситъ, оттуда зерно вывалется, что кровь красное каленое. Коли ты его возьми—истолки у кожичку, а всего лучше у рыбій пузырь зашей, да и береги. Какъ на судъ илти, съ собой его за скулу бери. Откуда рѣчи будутъ браться, что самъ себѣ дивомъ лаваться будешь. Своего супротивника на кажемъ словѣ побѣждать будешь, ну судъ у твою пользу усегда будетъ. Только мало такихъ людей, кои бы этими грѣхами обладали—достать ихъ трудно, оторопь беретъ. Самъ посуди: съ нечистымъ глазъ на глазъ быть. Съ нимъ же не пеняй, коли у разговорѣ имя Божіе помянешь, али правой рукой отъ него орѣхъ примать станешь, разомъ кажутъ на мѣстѣ положать. Вотъ, кажутъ кумъ Т. онъ, балакаютъ, такимъ дѣломъ занимался, захотѣлъ было этотъ орѣхъ у черта выложить. Ну и пошелъ это онъ, усе честь честью облѣлалъ и ждетъ черта на новый на печи легъ. Слышетъ передъ первымъ пѣтухомъ у трубу, какъ завоетъ, онъ себѣ на умѣ, понимаетъ—ходи гыть сюда, сквозь трубу прямо и вотъ онъ самъ небольшой, голова, что у барана, только обликъ человѣчій, да когти на пальцахъ крюками загнуты ну и началъ значить торгъ вести. Торговался, торговался, покончилъ и при послѣднихъ словахъ полѣзъ правой рукой въ карманъ, да и кажетъ: на гыть пусто тебѣ будь. Онь его какъ звиздуляхнетъ—коли съ печи долой. Подняли, у него рука и нога не дѣйствуютъ—правые—отшибъ значитъ. Да такъ уже значитъ послѣ и здоровья не имѣлъ. Да это что: дня три не балакалъ ничего значитъ съ перепугу. Такъ вотъ до самой смерти на косты-

лѣ и ходилъ. Руку съ ногой не потерялъ, а орѣха не получилъ. Не каждый это можетъ обдѣлать. Съ чертомъ знакомство вести—тоже мудреное дѣло: говори, да не проговаривайся—закончилъ дѣдъ Акимъ. Нѣкоторые старики тоже поддерживаютъ этотъ разсказъ. Съ своей стороны могу добавить только то, что Т. послѣднее время дѣйствительно былъ парализованъ и по селу слылъ за знахаря.

Ходитъ повѣріе о томъ, кто Косьмо-Деміанскую пятницу чтитъ: не работаетъ, постится, вина не пьетъ, тотъ тоже на судахъ лѣла выигрываетъ. При чемъ присовокупляютъ слѣдующее: кто хочетъ судиться, то прежде надо свѣчу Косьмѣ-Демьяну поставить. Енъ батюшка безъ серебра дѣла судилъ и за всякія ходатайства денегъ не бралъ, за то енъ батюшка безсеребренникомъ зовется. (Карачевск. у. Морозовъ).

„Чтобъ выиграть въ судѣ дѣло, по словамъ одного старика, идя въ судъ, нужно три раза проговорить слѣдующія слова: „иду пѣшкомъ, дорога пескомъ, я вамъ не подчиняюсь, я вамъ не покоряюсь; вы будете овцы, я вамъ волкъ, васъ не боюсь“. Чтобы убѣдить въ дѣйствительности заговора, старикъ прибавилъ: „мой сватъ Григорій Шаверя любилъ выпить, любилъ пьяный драться, много разъ за драку бывалъ на судѣ, а не разу не осужденъ былъ, потому что зналъ онъ эти слова, да и меня вотъ научилъ“. Хорошо, говорятъ, когда идешь на судъ, надѣвать на шею эту ладонку, которая „не даетъ не въ огнѣ горѣть, не въ водѣ тонуть“. (Черепов. у. Власовъ).

Кто поститъ послѣднюю пятницу передъ днемъ святыхъ безсребренниковъ Косьмы и Даміана, по мнѣнію крестьянъ, будетъ пользоваться отъ этихъ святыхъ. Затѣмъ, еще повѣрье: есть трава доленъ. Растетъ она по болотнымъ мѣстамъ, имѣетъ корень она въ родѣ луковицы. Нужно вырвать траву доленъ съ корнемъ, засушить корень и когда идти на судъ, то имѣть за пазухой, тогда

никто тебя не одолѣетъ на судѣ, будь онъ богатъ, знатенъ, чиновенъ. (Смол. губ. Вязем. у. Титовъ).

Кто каждый день читаетъ по три раза 90-й псаломъ и 108-й, или Евангеліе утромъ и вечеромъ, тотъ разсудитъ всякій судъ,— говорятъ мужики. (Орлов. губ. Михеевъ).

Между крестьянами существуетъ такое повѣрье: всякій, кто желаетъ выиграть судебное дѣло, идя на судъ, долженъ прочитать три раза псаломъ Давида „Живыя помощи“, а еще лучше имѣть списанный этотъ псаломъ или вырѣзанную печатную страничку изъ псалтиря и привязать на шею къ кресту. Никогда не надо начинать судебное дѣло въ понедѣльникъ, день этотъ несчастный и судебное дѣло будетъ обязательно проиграно. Если же кто привлекается къ отвѣтственности за кражу, буйство и тому подобное, то надо также поступать, только замѣнить псаломъ „Живыя помощи“ 50 псалмомъ „Помилуй мя Боже“. Впрочемъ это относится къ крестьянамъ Богобоязненнымъ, въ большинствѣ же случаевъ прибѣгаютъ къ колдунамъ. (Пензен. губ. Сарапск. у. Каблуковъ).

ГЛАВА II.

Суррогаты правосудія въ крестьянскомъ быту

§ 6. Самосудъ и виды его.

Подъ самосудомъ слѣдуетъ разумѣть такое осуществленіе судебной власти, которое не предусмотрѣно закономъ и производится самовольно, при чемъ и рѣшенія, постановленныя самовольно, приводятся въ исполненіе порядкомъ, непредусмотрѣннымъ закономъ, въ большинствѣ случаяхъ насильственно. Этимъ признакамъ—насильственнымъ приведеніемъ рѣшеній въ исполненіе—самосудъ отличается отъ народныхъ судовъ, непредусмотрѣнныхъ законовъ, по признаваемыхъ добровольно самими тяжущимися.

Трудно, конечно, перечислить всѣ виды самосуда, встрѣчающагося въ русскомъ крестьянскомъ быту. Случаи самосуда весьма разнообразны и по послѣдствіямъ своимъ далеко не одинаковы. Трудно, при томъ, говорить о какомъ бы то ни было обычномъ правѣ, касающимся самосуда. Есть случаи самосуда, вытекающіе изъ чисто психологическихъ причинъ, и представляющихъ довольно распространенное явленіе—какъ, напримѣръ, расправы съ конокрадами, но никто, полагаю, не рѣшится признавать здѣсь существованіе какого либо юридическаго обычая.

Большая часть крестьянскихъ самосудовъ имѣетъ, конечно уголовный характеръ, т. е. сводящійся къ насильственному наказанію виновныхъ въ чемъ либо крестьянъ. Но возможно указать и самосуды, съ характеромъ гражданско-правовымъ и самосуды дисциплинарные.

Вотъ примѣръ взысканія убытка самовольнымъ порядкомъ: при задержаніи скота за потраву, при перекосахъ мірскихъ луговъ самосудъ крестьянъ выражается въ томъ, что съ виновныхъ тутъ же берутъ деньги, а если ихъ нѣтъ, то вещи, которыя и закладываются, а деньги прошиваются". (Рязанск. губ. Скопин. у. Чепуринъ). Еще примѣръ: „Чужой скотъ, зашедшій на крестьянское поле, владѣльцы поля берутъ въ хлѣвъ и требуютъ съ владѣльцевъ скота положенную міромъ сумму, и сумма эта въ большинствѣ случаевъ вносится безропотно, такъ какъ она всегда бываетъ гораздо ниже той, которая полагается по таксѣ. У неисправныхъ плательщиковъ арендныхъ денегъ за угодья, арендуемыя всѣмъ обществомъ, міръ иногда отбираетъ нужныя въ хозяйствѣ вещи и держитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока неисправный плательщикъ внесетъ слѣдуемую съ него сумму". (Смол. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Другой видъ самосуда имѣетъ характеръ скорѣе дисциплинарный. Подъ эту категорію подходитъ обычай, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ корреспонденты сѣверныхъ губерній. Въ сѣверныхъ губерніяхъ единственной гарантіей безопасности полей отъ потравъ служатъ хорошія изгороди у каждаго домохозяина, препятствующія проходу скота на поля. Пастуховъ тамъ одинаково не держатъ. Поэтому ради охраны полей отъ потравъ каждый обязанъ свою изгородь содержать въ исправности. Нарушеніе этой обязанности влечетъ за собой взысканіе, и притомъ въ большинствѣ случаевъ, безъ всякаго формальнаго суда. „Если у какого-либо домохозяина неисправная изгородь между полями и черезъ нее будетъ слѣлана потрава поля, то вся деревня собирается на потравленное поле и виновнаго въ неисправномъ содержаніи своей изгороди тутъ же бьютъ палкой: такое наказаніе по народному обычаю считается законнымъ". (Вятск. губ. Орловск. у. Гребеневъ). Или другой примѣръ: „въ деревнѣ Задушьевѣ существовалъ обычай наказывать безъ всякаго суда лицъ, у коихъ окажется при общемъ осмотрѣ

плохая изгородь около поля. Для исполненія сего ежегодно избирался изгородній староста. Послѣдній приказывалъ крестьянамъ своего селенія исправлять плохія изгороди и въ случаѣ неисполненія кѣмъ-либо его приказанія онъ просилъ десятскаго собрать всѣхъ крестьянъ домохозяевъ и вмѣстѣ съ ними отправлялся осматривать замѣченную плохую изгородь, призывая къ этому осмотру и владѣльца изгороди. При общемъ осмотрѣ изгороди, староста, въ присутствіи всѣхъ однодеревенцевъ, ударялъ нѣсколько разъ изгородной вязкой по плечамъ хозяина плохой изгороди, каковое наказаніе виновный сносилъ безапелляціонно, не доводя до свѣдѣнія никому изъ начальства. Обычай вывелся изъ употребленія, когда о немъ было доведено до свѣдѣнія, однажды, мѣстнаго земскаго начальника". (Тихвинск. у. Закатовъ. Ср. также съ Череповец. у. Васильевъ).

Далѣе, крестьянскимъ обычаемъ, въ большинствѣ случаевъ признается допустимымъ наказывать безъ суда провинившихся несовершеннолѣтнихъ. „Болѣе разумные ролители никогда не обижаются на такую расправу съ ихъ дѣтьми, конечно, если эта расправа не имѣетъ характера истязанія или жестокости (а это бываетъ нерѣдко). Напротивъ, они еще благодарятъ, что поучили ихъ сорванцовъ.—„Тетка Арина, я седни твоего Ванютку крапивой отстегалъ, всѣ огурцы у меня на огородѣ помялъ".—И спасибо на этомъ. Вотъ онъ ужо придетъ такъ я ему еще прибавлю. Ахъ онъ мерзавецъ, накось, еще что выдумалъ". И мерзавцу въ большинствѣ случаевъ прибавляется еще домашнее вразумленіе, чтобы впредь былъ умнѣе. (Ярославск. губ. Даниловскій, Любимск.—Романово-борисоглѣбск. у. Баловъ).

Наконецъ, наиболѣе распространенный видъ самосуда заключается въ самовольномъ наказаніи провинившихся лицъ. Такое самовольное наказаніе или расправа производится нерѣдко непосредственно потерпѣвшими. Это или месть виновному, или мѣры, принимаемыя ради обезпеченія отъ продолженія дѣятельности виновнаго.

Нерѣдки случаи побоевъ, наносимыхъ потерпѣвшими пойманнымъ на мѣстѣ преступленія, или съ поличнымъ, ворамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ практикуется отбираніе топоровъ, у пойманныхъ на лѣсной порубкѣ. Самосудъ практикуется также при поимкѣ грибовниковъ и ягодниковъ, въ тѣхъ рощахъ, гдѣ собираніе ихъ воспрещено. Поймавъ такихъ грибовниковъ, отнимаютъ у нихъ грибы и ягоды, возвращая лишь лукошки. При этомъ нерѣдко бываютъ и злоупотребленія. Если у грибовицъ не набрано еще грибовъ и ягодъ, иныя хозяева самовольно снимаютъ съ нихъ головные платки. Былъ случай, когда хозяинъ снялъ съ одной ягодницы сарафанъ (Яросл. губ. Баловъ). Нерѣдки также случаи самовольнаго наказанія мужьями провинившихся женъ. Вотъ другой характерный случай личной расправы: „парень, переходя въ праздничное время изъ деревни въ деревню заснулъ на дорогѣ. Въ это время гурьба другихъ парней проходила мимо и въ насмѣшку кто-то снялъ брюки съ спящаго. Когда послѣдній проснулся и замѣтилъ впереди идущаго человѣка, догналъ его и полагая, что это сдѣлалъ онъ, ткнулъ въ бокъ перочиннымъ ножемъ такъ, что у послѣдняго кишки вылѣзли". (Грязовецкій у. Голубцовъ). Привожу еще характерные случаи личной расправы съ ворами. „Одна женщина долго вертѣлась около торговца съ рыбой, расположившагося на возу на базарной площади, и когда торговецъ отвернулся въ сторону, похитила съ воза кусокъ бѣлуги и спрятала его подъ полу. Торговецъ не показалъ и виду, что замѣтилъ покражу, далъ женщинѣ отойти на нѣсколько шаговъ, быстро догналъ ее, выхватилъ украденную рыбу и началъ бить ею по головѣ и по лицу. Вокругъ столпилось много любопытныхъ, которые со смѣхомъ глядѣли на эту сцену и криками поощряли расходившагося торговца. „Бей ее, жарь крѣпче... По дѣломъ вору и мука. Лупи... ее, лупи... Что, тетка, каковы рыбки? Небось постовато? раздавались возгласы. Другой разъ мнѣ пришлось видѣть, какъ одинъ мальчикъ утащилъ съ воза

кнутъ. Хозяинъ кнута замѣтилъ это и, выхвативъ изъ рукъ воришки кнутъ, отхлесталъ его этимъ же самымъ кнутомъ“ (Ярославск. губ. Баловъ).

Гораздо большее значеніе, чѣмъ личная расправа потерпѣвшихъ съ провинившимися, имѣетъ въ крестьянскомъ быту, конечно, самосудъ, совершаемый цѣлымъ сходомъ, сборищемъ, или толпою. Чаще всего такіе самосуды примѣняются въ видѣ наказанія за воровство. Можно, однако, указать, и на случаи самосуда по другимъ поводамъ. „Одинъ изъ крестьянъ подрался съ сельскимъ пастухомъ, при чемъ ударомъ ножа поранилъ послѣднему руку. Пастухъ пожаловался селенному сходу на обидчика и хотѣлъ привлечь его къ суду. Но виноватый въ преступленіи сталъ просить прощенія у обиженнаго и мірянъ. Міряне, конечно, поддержали его просьбу, но пастухъ не сдавался. Наконецъ виновникъ заявилъ, что онъ лучше понесетъ наказаніе отъ своихъ сосѣдей, чѣмъ подвергнется преслѣдованію суда, при чемъ просилъ выпороть его при всемъ сходѣ. Такая просьба была встрѣчена веселымъ смѣхомъ мірянъ и тотчасъ же было принято ими и пастухомъ. Виновнаго раздѣли, положили на землю и дали ему двадцать пять розогъ при оглушительномъ хохотѣ и крикѣ исполнявшихъ приговоръ“. (Новгородск. губ. Тихв. у. Ивановъ).

Вотъ другой характерный случай: „крестьянинъ выпивши чередомъ водки въ праздникъ, искусалъ тестя и другого крестьянина. Собралисъ мужики, связали буяна, а искусанный взялъ камень и вышибъ три зуба, приговаривая: покажи-ка чѣмъ ты кусаешься? (Грязовецк. у. Голубцовъ). Наказываютъ самосудомъ и сторожей при недобросовѣстномъ исполненіи обязанностей. „Если при потравѣ хлѣба найдутъ сторожа спящимъ тамъ же, а лошади ходятъ по хлѣбу, или по лугу, то бьютъ сторожа тѣмъ, что есть въ рукахъ, пока онъ проснется; мальчишку же приподнимаютъ за волосы, за уши къ верху и бросаютъ на землю“. (Орловск. губ. Михѣевъ).

Самосудомъ наказываютъ и за прелюбодѣяніе. „Повадится пахалъ парень ходить къ лѣвкѣ полружкѣ: озорничаетъ, позоритъ семью, его полетегнутъ, наконецъ и прикончатъ“. (Вологодск. губ. Кодняковск. у. Мерцаловъ).

Самосудомъ толпы исполняются надъ виновными въ разнаго рода кражахъ всевозможныя наказанія. Важно однако отмѣтить, что наказываютъ, обыкновенно, лишь за кражу въ своей деревнѣ. Хотя указанія на это въ корреспонденціяхъ и немногочисленны, но по самому укладу крестьянской жизни эти указанія подлежатъ самому широкому обобщенію. „Если крестьянинъ укралъ что нибудь не у своихъ деревенскихъ, а гдѣ нибудь на сторонѣ, то относятся снисходительно“. (Орлов. губ. Болхов. у. Костинъ).

Изъ наказаній, примѣняемыхъ крестьянами при самосудахъ, особенно замѣчательны: принудительно пропитіе всею толпою принадлежащаго вору имущества, веденіе вора по всей деревни съ привязываніемъ на него краденаго имущества, публичная порка, истязаніе, а иногда и убійство виновнаго.

„Въ полѣ, если поймаютъ на чужихъ картошкахъ, тоже по своему судятъ: всыпятъ сколько влѣзетъ или могарычъ сорвутъ“. (Карачевск. у. Морозовъ). Относительно виновной въ кражѣ овцы женщины, толпа закричала: „такую чертовку, да прощать. Она исще захочетъ баранины. Какое же ей дать наказаніе?—спросилъ староста у мужиковъ.—А вотъ, какое, закричалъ весь сходъ: корову пропить. Она будетъ знать, какъ чужихъ барановъ рѣзать“. (Орлов. губ. Костинъ). Въ другомъ случаѣ всѣ до единаго закричали: „наказать вора своимъ судомъ: пропить его телѣгу, провесть самого по деревнѣ и надавать ему въ шею тумаковъ“ (Болхов. у. Костинъ).

Приводимъ характерный случай самовольнаго пропитія имущества въ видѣ наказанія за кражу. Когда староста сталъ допрашивать уличеннаго въ кражѣ овса крестьянина, тотъ путался въ объясненіяхъ и сбивался.

Тогда староста сказалъ: „Признайся, мы лучча тебя простимъ.“ Михайла всталъ на колѣни и сталъ просить прощенія: „Простите, братцы. Мой грѣхъ. Дьяволъ меня смутилъ на это, не самъ я. Вы знаете про меня, что я человѣкъ невредный. Простите меня, я вамъ за это винца полведерочка полпесу“.—„Хорошо. Поѣзжай за водкой“. Скоро привезли водки. Собрались мужики со всей деревни. Скоро полведра выпили. Тогда Михайла сталъ просить міръ, чтобы они его простили. Мужики сказали ему на это: „Пошелъ, вези еще полведра, тогда простимъ, а то не простимъ“. Михайло еще привезъ полведра. Одинъ изъ мужиковъ, обращаясь къ Михайлѣ, сказалъ: „Стыдно табѣ тахъ-та дѣлать“. „Э-э-э-стыдно. Енъ еще маленькимъ стыдъ свой съ кашей съѣлъ. Ямъ-то ничаго, по дѣламъ вору и мука, нихто яму виноватъ, што енъ овса укралъ, а намъ-то, намъ-то, нашей деревни черезъ няго не хорошо, потому што усякой скажетъ, што Радимскіе овсяншики невѣянный овесъ другъ у друга крадутъ да у рыгахъ прячутъ“.—„А за то, што енъ такую хорошую славу положилъ на нашу деревню“,—говоритъ крестьянинъ по прозванію Попокъ,—„то вотъ тебѣ Миша“. Бьетъ его въ ухо. Михайло бросился бѣжать изъ хаты къ себѣ домой, за нимъ убѣжали и его сыновья. Крестьяне почти всѣ опьянѣли отъ выпитой водки. Когда водку выпили и осмотрѣлись, что Михайлы нѣтъ, ушелъ отъ нихъ изъ хаты, пошли всѣ къ его избѣ. Староста подошелъ къ воротамъ и хотѣлъ ихъ отворить, но ворота оказались заперты. Тогда всѣ стали стучать въ дверь и кричать имъ, чтобы они отперли. Но они не отпирались. Мужики подошли къ воротамъ и посадили одного изъ крестьянъ на крышу, тотъ перелѣзъ черезъ крышу и спустился на дворъ, отперъ ворота. Мужики кинулись всѣ на дворъ. Михайло вышелъ къ нимъ и сталъ просить помилованія. Съ него стали еще требовать полведра водки. Онъ отказался неимѣніемъ денегъ и при этомъ сталъ ругать мужиковъ, называя ихъ разбойшками и пьяницами.

Тогда мужики разсерчали, скинули съ стоявшей на дворѣ телѣги передокъ колесъ и пропили ихъ за полведра водки. Когда водку выпили, то закричали на Михайлу: „Какъ ты смѣешь нашу деревню страмить. Овсянникъ. Ворюга окаянный. Ишь захотѣлъ легкой работы. Не разстался съ невѣяннымъ овсомъ, а такъ-та хорошую штуку увидитъ, ды онъ вытерпитъ, што бы не унесть. Ишь проситъ прощенія, што не будетъ больше воровать не только самъ, но дѣтямъ, внукамъ, говоритъ, закажу. Да нѣтъ. Насъ не вотъ скоро обманешь. Мы хорошо знаемъ, што дегтяная бочка никогда не гожается на квасъ. Проучить яго хорошенько. Провесть по деревнѣ его нало съ овсомъ. Чаго на яго глядѣть. Бери яго. Не давайте ворамъ потачки". Михайлу сейчасъ же схватили, насыпали мѣшокъ несѣяпнаго овса, положили ему на горбъ и повели по деревнѣ съ мѣшкомъ на спинѣ. Нѣкоторые изъ крестьянъ били въ заслонки, косы, кричали, надсмѣхались надъ Михайлой: „чаго тахта согнулся подъ мѣшкомъ? Ай животъ болитъ? Должно быть онъ, братцы, надорвалъ его, когда косилъ овесъ въ свою ригу. Но, не притворяйся. Эй ты, Васька, подгони яго, штобы онъ козельчикомъ прянулъ. Ишь лодырь. Прибавь шагу-то. Молодецъ, народу сколько собралъ, со всей деревни, усѣ тутъ и старый и малый. Положимъ, ямъ идить-то весело, потому съ музыкой яго провожаютъ, какъ уее равно какого сперала". Когда, обошедши всю деревню пришли назадъ къ его хатѣ, то стали съ него просить водки. Михайло опять отказалъ имъ, говоря, что у него денегъ нѣтъ. Мужики стали угрожать ему, если онъ не поднесетъ имъ водки, то его свяжутъ и поведутъ къ Земскому Начальнику; если онъ имъ поднесетъ водки, то они его до свѣдѣнія начальства не доведутъ. Михайло, испугавшись ихъ угрозы, въ кабакѣ заложилъ свою свиту и привезъ мужикамъ четверть водки, только чтобы они на него не подавали прошенія. Мужики согласились на это, но строго приказали ему, чтобы въ другой разъ не было, заставили его съѣсть

комокъ земли. Михайло взялъ комокъ земли и сказалъ: „если я въ другой разъ стану воровать, то почернѣй я, какъ эта земля-матушка“. Мужики остались довольны его клятвою, и выпивъ, привезенную Михайлой четверть водки, разошлись по своимъ домамъ. На другой день была сходка и староста объявилъ на сходкѣ: „если, кто будетъ изъ нашего общества воровать у своей деревни, то не проси милости, а съ нимъ поступятъ въ двалцать разъ строже, чѣмъ учерась съ Михайлой Бухаринымъ. Поняли это или нѣтъ?“. Согласны, согласны, закричали крестьяне.

А вотъ еще случай самосуда надъ крестьянкой д. Мѣшковой Анной Акуличевой за учиненную кражу холста и за донось начальству.

Когда крестьяне убѣдились, что холсты дѣйствительно украдены Анною, то рѣшили провести ее по деревни съ холстами на спинѣ и прошить ея собственные холсты, чтобы и другимъ была наука. По случаю праздника, Анна была въ хорошей рубашкѣ; рубашку ея выпачкали дегтемъ и скинули съ Анны платокъ; потомъ распустили одинъ изъ ея холстовъ и собравъ его, кое-какъ завязали на спинѣ; руки у Анны также были связаны сзади, потомъ перевязали ее поперекъ вожжами и въ такомъ видѣ повели по деревнѣ. Впереди два крестьянина шли съ заслонками и били въ нихъ палками, а за ними вели Анну за вожжи, также два крестьянина. Народъ собѣжался смотрѣть на это дѣло со всей деревни. Всѣ подшмали на смѣхъ Анну, а нѣкоторые изъ ребятишекъ швыряли въ нее комками. Анна шла по деревнѣ гордо, высоко поднявъ голову и на насмѣшки не обращала вниманія. Крестьяне и крестьянки удивлялись, глядя, что она еще усмѣхается, а не голоситъ, какъ это обыкновенно бываетъ, когда ведутъ въ такомъ видѣ женщину. Такъ провели ее по всей деревнѣ. Потомъ подвели ее къ рѣчкѣ и стали ее мочить, говоря, что надо обмыть деготь съ рубашки. Вымочивъ всю дочиста водою, крестьяне привели ее

къ двору и развязали руки. На прощой взяли только тотъ холстъ, который былъ привязанъ ей на спину. Освободившись, Анна вбѣжала въ сѣнцы, ухватила висѣвшій на крюку цѣпъ и, выбѣжавъ съ цѣпомъ, начала имъ бить попадавшихся ей на глаза крестьянъ и крестьянокъ. Увидя это, староста приказалъ ее схватить и посадить въ общественный амбаръ на сутки подъ арестъ. Три крестьянина бѣжали за Анной, чтобы ее поймать и посадить въ амбаръ. Увидѣвъ это, Анна бросила цѣпь и убѣжала въ конопляники, гдѣ и спряталась. Нѣкоторые чужедеревенскіе крестьяне научили Анну, чтобы она сходила къ земскому начальнику и пожаловалась ему, что ее крестьяне ограбили. Анна такъ и сдѣлала. Земскій начальникъ призвалъ къ себѣ старосту и спросилъ у него, что правда-ли это или нѣтъ. Староста все ему разсказалъ подробно, прибавивъ при этомъ, что такъ они поступаютъ съ провинившимися крестьянами своего общества еще испоконъ вѣку. Земскій начальникъ запретилъ ему впредь дѣлать подобное и, въ наказаніе, приказалъ ему отсидѣть въ волости два дня подъ арестомъ. Староста пришелъ ко двору, собралъ сходку и объявилъ всѣмъ на сходкѣ, что на нихъ донесла Апюшка Акуличева земскому начальнику въ томъ, что ее наказали самосудомъ, и что земскій начальникъ запретилъ это впередъ дѣлать, а его посадилъ на два дня подъ арестъ. Тогда на сходку потребовали ея мужа Сергѣя и деверя Семена и порѣшили наказать Анну такъ: прежде всего мужъ долженъ ее высѣчь кнутомъ при всѣхъ, потомъ общество пропьетъ нѣкоторое ея имущество, она же будетъ подвергаться всевозможнымъ насмѣшкамъ и притѣсненіямъ. Придя къ Акуличевымъ, общество приказало Сергѣю вывести свою жену на сходку. Анна вышла. Ее спросили зачѣмъ она жаловалась на нихъ земскому начальнику, развѣ ее наказали невиноватую. Анна стала просить прощенія. Тогда староста приказалъ Сергѣю научить свою жену, какъ надо повиноваться общественному суду. Сергѣю дали кнутъ—хорошій ременникъ, чтобы

онъ далъ своей женѣ тридцать ударовъ безъ всякой пощады, а если общество замѣтитъ, что онъ щалитъ свою жену, то ему достанется отъ нихъ. Сергѣй приказалъ своей женѣ ложиться на землю. Анна стояла молча, ничего ему не отвѣчая и не слушая его. Тогда Сергѣй подошелъ къ женѣ и хотѣлъ было повалить ее на землю. Анна сцѣпила его за волосы и начала волтузить. Крестьяне отняли Сергѣя, повалили Анну и одинъ сталъ ее держать за ноги, а другой за голову и за руки. Сергѣй началъ свою жену сѣчь кнутомъ, что ни есть силы. Послѣ тридцати ударовъ староста остановилъ Сергѣя и отнялъ у него кнутъ. Когда мужъ пошелъ было за женинымъ нарядомъ, чтобы отдать его обществу на пропой, наряда въ сундукѣ не оказалось; Анна снесла его къ своимъ роднымъ въ Балашеву. Съ этихъ поръ на Анну напали семейные за ея поступокъ, потому что она съ сердца начала открыто распутничать. Съ мужемъ Анна дралась каждый день. Такъ какъ по сужденію общества ее всѣ презирали и надсмѣхались надъ ней, а ребятишки нерѣдко въ нее комками швыряли съ крикомъ: „ура“, то она рѣшилась уйти изъ Мѣшковой. Получивъ паспортъ отъ мужа, ушла въ городъ Орелъ, а потомъ въ Одессу, гдѣ и живетъ до сего времени. (Болховск. у. Костинъ).

„Веденіе на показъ, вполъ по деревнѣ, пары, застигнутой въ моментъ прелюбодѣянія съ одеждой женской на мужчинѣ и наоборотъ, нынѣ практикуются рѣдко. Наказаніе подобнаго рода производятся не по суду и не на судѣ“. (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Дилакторскій).

„Одного человѣка у насъ за воровство водили нагишомъ, онъ у женщины рубашку укралъ и въ гущу въ квасъ ее и запихалъ. Наши таки эту рубашку на шестѣ повѣсили, раздѣли его и по всему селу повели и въ ведро били—его срамили. А въ старые годы, этихъ бабъ, что къ чужимъ мужикамъ-то ходили, розгами пороли, да какъ обрѣжутъ половину рубашки, да такъ по селу и

водятъ, а нынче-то ужъ не то пошло: ужъ при женѣ на шею вѣшаются". (Пензенская губ. и уѣздъ Квачевскій).

Въ Трубчевскѣ слушалось дѣло по обвиненію крестьянъ деревни Новоселокъ, Трубчевскаго уѣзда, въ самосудѣ. Одинъ бѣдный крестьянинъ накопалъ въ чужомъ огородѣ полмѣры картофеля, былъ при этомъ замѣченъ, схваченъ и съ поличнымъ препровожденъ къ старостѣ, который вмѣстѣ съ другими крестьянами тутъ же произвелъ обычную расправу: сняли съ вора нижнее бѣлье (порты), завязали концы, насыпали туда краденый картофель и надѣли на шею вора, затѣмъ олѣли что-то въ родѣ барабана и съ оглушительнымъ крикомъ и барабаннымъ боемъ повели вора по деревнѣ изъ конца въ конецъ". („Орловск. Вѣстникъ").

„Крестьяне иногда судятъ за воровство самосудомъ. У насъ въ селѣ Козинкахъ случаи самосуда были такого рода: одна крестьянка нашего села у своего односельчанина взяла барана и зарѣзала его, ее поймали и по случаю этого событія собрали сходъ. Сходъ присудилъ ее къ вожденію по улицѣ съ барапомъ. Послѣ этого рѣшенія собрались всѣ женщины села, взяли кто косы, кто заслонки, трещетки и проч. вещи той женщины, которая украла барана, на шею привязали голову зарѣзаннаго ею барана и съ пѣснями, стукомъ и пляскою повели ее по селу. Обойдя такъ село три раза, виновную отпустили на волю". (Орловск. у. Булгаковъ).

„За растрату общественныхъ суммъ въ Ястребенкѣ полагается такое позорящее общее наказаніе (этому подвергается большею частью общественные сборщики податей и повинностей). Узнавъ, что сборщикъ затратилъ общественныя деньги, крестьяне даютъ ему три дня срока, чтобы онъ доставилъ затраченную сумму. Если сборщикъ за это время не достанетъ денегъ, то его привязываютъ къ столбу лицомъ, а къ народу задомъ въ одной рубашкѣ. Около него кладутъ березовую хворостину. Когда соберется народъ, то староста спрашиваетъ у виновнаго: скоро заплатишь деньги или нѣтъ. Тотъ

отвѣчаетъ: тогда то отдамъ. Староста опять говоритъ: ты зналъ, что за растрату общественныхъ денегъ бываетъ?—„зналъ и знаю“—отвѣчаетъ виновный. А если зналъ, то за нарушеніе вотъ тебѣ.—Съ этими словами староста беретъ хворосту и бьетъ виновнаго по спинѣ два раза, а потомъ отходитъ въ сторону. За старостой подходятъ и остальные и тоже самое бьютъ его хворостиной по спинѣ, но уже по одному разу. И такъ ударяютъ его всѣ крестьяне. Послѣ позорнаго наказанія, староста приказываетъ виновному черезъ недѣлю представить деньги, иначе наказаніе будетъ вдвое строже. Послѣ этого виновнаго отвязываютъ. Если виновный черезъ недѣлю не отдастъ денегъ, то его опять привязываютъ къ столбу, какъ и прежде и уже староста бьетъ розгой четыре раза, а крестьяне всѣ по два. Если виновный не заплатитъ еще денегъ черезъ недѣлю, то его привязываютъ къ столбу въ третій разъ и уже староста бьетъ его розгой по шести разъ, а крестьяне по три раза. Послѣ этого ведутъ виновнаго по деревнѣ съ крикомъ, гамомъ и пѣснями, а потомъ даютъ ему сроку недѣлю и если онъ не заплатитъ опять, то доносятъ начальству, а начальство дѣлаетъ у виновнаго продажу имущества. Привязываніе къ столбу и публичное наказаніе розгой за растрату общественныхъ денегъ, считается за величайшій позоръ. А потому въ Ястребенкѣ растрата общественныхъ денегъ случается очень рѣдко. Такое же позорящее наказаніе за растрату общественныхъ денегъ бываетъ въ деревняхъ Суворовкѣ и Воробьевкѣ. За частный долгъ въ деревнѣ Мошковой, въ Ястребенкѣ, Суворовкѣ, Лабынцевой подвергаютъ виновнаго слѣдующему позорному наказанію: собираютъ сходку и на сходку обязательно десятскіе подъ руки приводятъ виновнаго и ставятъ посреди толпы. Крестьянинъ давшій въ долгъ, спрашиваетъ, будетъ онъ платить или нѣтъ. Послѣ этого плюетъ должнику въ глаза и говоритъ: у тебя безсовѣстные глаза, а на нихъ плюютъ. Потомъ снимаетъ съ него шапку и надѣваетъ на шестъ и несетъ по деревнѣ, а за

нимъ десятскіе ведутъ подъ руки должника. Такъ проведутъ по всей деревнѣ. А послѣ этого должникову шапку на шесту староста ставитъ на крышу своего дома и она стоитъ тамъ двѣ недѣли. Если должникъ за это время не отдастъ, то давшій беретъ у старосты шапку, гадитъ въ нее и при всемъ народѣ бросаетъ ему ее въ лицо, сказавъ: подавись ты моими деньгами.—Протухни ты также, какъ и твоя шапка, висѣвши двѣ недѣли на шесту, на позоръ твоей головы. Всѣ крестьяне кричатъ на должника: ура, ура. Должникъ долженъ взять свою шапку и бѣжать къ двору съ глазъ народа, иначе его затолкаютъ. Это наказаніе бываетъ самое позорное и такому крестьянину послѣ этого никто уже не дастъ одной копѣйки въ долгъ. Кромѣ этого за нимъ всякій имѣетъ право крикнуть: эй, ты пошелъ прочь съ сходки. Отъ тебя воняетъ, пошелъ обмойся, очисти свою голову и оботри шапку.—Такъ будутъ за нимъ кричать и срамить его до тѣхъ поръ, пока онъ при всѣхъ отдастъ свой долгъ. Послѣ отдачи долга, за нимъ хотя такъ и не будутъ кричать, но позоръ остается съ нимъ навсегда. Такъ поступаютъ тогда, когда онъ бралъ деньги или еще что безъ закладa, но при свидѣтеляхъ.

Въ деревнѣ Шиховцахъ за воровство вѣшаютъ за ноги къ ракитѣ и плюютъ на вора, потомъ его отвязываютъ, начкаютъ лицо легтемъ и въ такомъ видѣ проводятъ по деревнѣ, кладутъ на землю внизъ лицомъ и бьютъ ладонями по голой задницѣ. Въ нашей мѣстности провинившихся дѣвушекъ наказываютъ тѣмъ за потерю чести, что отрѣзаютъ ей косу, начкаютъ всю рубашку легтемъ и безъ юбки проводятъ по деревнѣ. Послѣ такого сраму ужъ никто не беретъ замужъ, и она остается въ дѣвушкахъ. Нужно замѣтить, что провинившуюся дѣвушку тогда подвергаютъ такимъ „насмѣшнымъ“ наказаніямъ, когда на это будетъ согласіе ея родителей и родныхъ. Нѣкоторые родители не желаютъ срамить своей дочери, а потому и не позволяютъ ее такъ наказывать, а нѣкото-

рые сами приходятъ на сходку и предлагаютъ обществу наказать виновную, чтобы снять позоръ съ своего семейства и чтобы виновата была одна дочь. (Орловск. у. Костинъ).

Но бываютъ случаи гораздо болѣе жестокой расправы. „Съ воромъ такъ поступили: забили ему кнутовище въ задній проходъ и все тамъ взболтали. Мужикъ послѣ того зачахъ и померъ. Въ Пыщеской волости въ деревнѣ Кривовѣ парня, страшнаго ухаживателя за бабами, мужики поймали и убили, полстрекаемые однимъ только что женившимся молодцомъ. Самосудъ кончился довольно трагично. Молодецъ, начавшій бить изъ ревности, изъ подъ вѣнца пошелъ сразу же на каторгу". (Костромск. губ. Ветлужск. у. Кузнецовъ).

Самый жестокій и сильный еще распространенный видъ самосуда расправы съ конокралами. Крестьяне научены горькимъ опытомъ, насколько разорительно конокрадство и насколько трудно найти украденную лошадь. „Въ деревнѣ украдена лошадь, хозяинъ ея разоренъ въ конецъ. Пріѣхалъ урядникъ, произвелъ дознаніе, передалъ его своему становому, передавшему его, въ свою очередь, земскому начальнику, прекратившему дѣло за непахожденіемъ обвиняемаго. Всѣ спокойны. Все сдѣлано правильно и законно, но не спокоенъ и неудовлетворенъ крестьянинъ. Въ глубинѣ его души десятками лѣтъ тлѣетъ неудовлетворенная злоба, разжигаемая воспоминаніями о тѣхъ тяжело пережитыхъ минутахъ, когда онъ былъ безъ лошади. У сосѣда на мѣстѣ преступленія захваченъ конокралъ. Вотъ когда тлѣвшая у него злоба загорѣлась въ неудержимый пожаръ, потушить который не въ состояніи даже перспектива Сибири, если только онъ способенъ въ данную минуту отдать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ". (Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ).

Однажды для производства дознанія по дѣлу о расправѣ съ конокрадомъ, о которой было извѣстно только по слухамъ, мѣстному уряднику пришлось переодѣться гуртовщикомъ, и подъ видомъ

покупки крестьянскаго скота, пробраться на сходъ той деревни, гдѣ былъ совершенъ самосудъ, и опоить крестьянъ водкой, дабы они сами разсказали подробности совершеннаго злодѣянія. И черезъ небольшой промежутокъ времени подвыпившіе мужики уже безъ стѣсненія разсказали гуртовщику про убійство Сидорки. Убили его, какъ оказалось, чуть ли не всѣмъ селомъ.

Только на утро, когда явился приставъ съ урядникомъ и судебнымъ слѣдователемъ, пьяная ватага поняла, что попалась въ ловушку, начались аресты, допросы, но добиться путнаго ничего не могли: всѣ запирались, говоря, что болтали спьяна. Однако, когда арестовали болѣе трусливыхъ, то добились того, что они объяснили, когда убили Сидора, и гдѣ спрятанъ былъ его трупъ. Добрая половина села (около 300 человѣкъ) была привлечена къ отвѣтственности.

Вотъ какъ объ этомъ разсказываютъ очевидцы: Сидоръ, зная, что народъ на работѣ (былъ сѣнокосъ) забрался въ село объ обѣдъ и увидавъ на дворѣ лошадь, поймалъ ее, обротался, сѣлъ верхомъ и хотѣлъ уже удрать, но его увидали ребятишки, подняли крикъ, „лошадь угнали“. Кое-какіе бывшіе дома мужики повыскакали и бросились догонять. Сидоръ хлесталъ лошадь, колотилъ ногами, но лошадь ни съ мѣста, оказалось, что лошадь Сидору попалась съ воровомъ и подъ верхомъ не ходившая. Видя бѣгущихъ мужиковъ, Сидоръ соскочилъ съ лошади и ударился въ поле. За нимъ бѣжала мало по малу увеличивающаяся толпа, но едвали бы удалось настигнуть конокрада, если бы не догадались двое мужиковъ сѣсть на лошадей. По несчастью конокрадъ бѣжалъ именно въ тотъ оврагъ, и лѣсочекъ, гдѣ мужики косили сѣно. Увидавъ бѣгущую толпу, которая кричала и махала руками, косари бросились къ конокраду на встрѣчу, вооруженные косами. Конокрадъ повернулъ бегомъ въ ржаное поле, но его нагнали двое верховыхъ, смяли, оглушивъ палками, а подбѣжавшая толпа поком-

чила, напавъ съ остервененіемъ на конокра|а. Убивъ, смяли его въ трясину оврага и завалили хворостомъ. Когда трупъ былъ вырытъ, не было возможности сосчитать всѣхъ ранъ какіе ему нанесли, это скорѣе былъ не трупъ, а кусокъ безформеннаго мяса.

При разбирательствѣ дѣла, при спросѣ обвиняемыхъ: кто билъ Сидора? всѣ въ унисонъ отвѣчали: всѣмъ міромъ. Въ правотѣ своей крестьяне глубоко убѣждены; при такихъ расправахъ они не считаютъ убійство даже грѣховнымъ.

Приведу еще одно характерное дѣло самосуда, много надѣлавшее шуму. Это было въ селѣ Долгоруковѣ въ 1887 году. Долгоруковскій народъ—проходимцы: всѣ они промышляютъ торговлей дамскихъ волосъ, для чего отправляются глубокою осенью по деревнямъ, покупаютъ у бабъ косы на головахъ, подчасъ обстригая продавшую; съ этими волосами отправляются они на окраины Руси —Одессу и т. д., а не рѣдко перебираются и за границу. Ни одного года не проходило, чтобы долгоруковцевъ не высылали откуда нибудь изъ за границы черезъ консульство, какъ неимѣющихъ заграничныхъ паспортовъ. Многіе изъ жителей владѣли нѣмецкимъ, французскимъ и турецкимъ языками. Соприкасаясь со всякими людьми, долгоруковцы всѣ почти превратились въ нравственныхъ уродовъ. Земледѣліе у нихъ было плохо развито. Всѣ славились своею грубостью, плутовствомъ и воровствомъ.

Плохо жилось въ этомъ селѣ двумъ вдовамъ—сестрамъ, помѣщицамъ Сатиной и Тучковой, съ буйнымъ народомъ ладу не было, на глазахъ ихъ тащили все, что можно: лѣсъ, дрова, сѣно, даже снопы съ поля. Отъ бывшаго когда то прекраснымъ сахарнаго завода осталась одна развалина. Каждый годъ, каждая жестянка была утащена долгоруковцами. Управляющіе не могли жить на барскомъ дворѣ, или онъ долженъ былъ быть мошенникомъ и обирать вмѣстѣ съ мужиками, или его колотили до полусмерти, поймавъ гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ.

Разорившись въ конецъ несмотря на прекрасное имѣніе, помѣщицы хотѣли уже оставить усадьбу: думали сдать кому нибудь въ аренду, охотниковъ находилось много, которые, узнавъ сущность положенія дѣла, не рѣшались арендовать.

Но въ мартѣ злополучнаго года помѣщицамъ попался надежный человѣкъ, согласившійся стать во главѣ управленія, обѣщая возстановить порядокъ. Это былъ опытный агропомъ, польскій дворянинъ Станиславскій. Обладая недюжиннымъ здоровьемъ (для него ни по чемъ было снести за сотню сажень 25 пудовую чугунную бабку) геркулесъ по виду, ростомъ 2 аршина 14 вершковъ и вѣсомъ 9½ пудовъ, онъ сразу обратилъ на себя вниманіе долгоруковцевъ. Всѣ поняли, что шутить этотъ управляющій не будетъ.

Да Станиславскій самъ заявилъ имъ о себѣ черезъ двѣ недѣли послѣ поступленія на службу, онъ явился на сельскій сходъ, вооруженный револьверомъ и двухстволкой (обычная его манера была ходить вооруженнымъ) и заявилъ: „я знаю, что вы всѣ воры и мошенники, разграбившіе барское имѣніе. Съ поступленіемъ меня въ управляющіе пришелъ конецъ вашему грабежу. Живите лучше по доброй волѣ честно—не воруйте, что надо, лучше спрашивайте и во всемъ въ чемъ можно, отказа не получите. А сами, кто изъ васъ попадется, такъ и знайте, что расправа у меня коротка будетъ,—сверну шею, какъ утенку, или пристрѣлю, какъ собаку.

Рѣчь Станиславскаго произвела громкое впечатлѣніе, мужики увидали, что не только одному, но даже двое-трое ему не попадайся—перевертитъ какъ курятъ. Долго они шумѣли послѣ ухода управляющаго, дѣлая всевозможные планы, какъ извести его. И вотъ на чемъ порѣшили: если приказчикъ (управляющій) вздумаетъ кого обидѣть изъ крестьянъ, то ударить врасплохъ и всѣмъ міромъ покончить съ нимъ. Такъ и заявили всѣмъ:—если молъ, въ церкви ударятъ сполохъ, то значитъ надо бѣжать на барскій дворъ и всѣмъ міромъ расправиться съ прикащикомъ. На сходахъ присут-

ствовали всѣ сельскія и волостныя власти, которыя главнымъ образомъ и руководили заговоромъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, на слѣдующій день крестьяне рѣшили гнать свое стадо пастись на барскія озими, начинающіяся позади барскаго двора. Для этой цѣли отрядили человѣкъ восемь народу. Съ утра пасли на барскомъ „пару“, находящемся на границѣ озимей, безъ разрѣшенія на то съ барскаго двора. Когда проснулся утромъ Станиславскій, ему сказали, что крестьяне безъ разрѣшенія пасутъ скотъ на барскомъ пару; онъ послалъ сказать пастухамъ, чтобы скотъ убрали, иначе обѣщался загнать скотъ къ себѣ на дворъ и взыскать за потраву. На такое требованіе пастухи (крестьяне) отвѣчали грубой руганью и посланный едва спасся отъ побоевъ. Вмѣсто исполненія законныхъ требованій крестьяне перегнали свое стадо на барскія озими.

Получивши такое сообщеніе, Станиславскій страшно былъ возмущенъ, онъ много ожидалъ, но никакъ не могъ ожидать явнаго возмущенія. Не справляясь, много ли народа пасетъ скотъ, онъ вышелъ на дворъ и направился къ пастухамъ, и въ то же время велѣлъ своимъ рабочимъ сѣсть верхами и загонять скотъ на барскій дворъ. Въ полѣ началась перебранка, крестьяне не давали скотъ, но верховые и пѣшіе барскіе рабочіе погнали скотъ на барскій дворъ. Станиславскій остался среди мужиковъ и старался разъяснить имъ, но орава не внимала и плотнѣе обхватывала его кольцомъ. Въ особенности назойливо лѣзъ одинъ плюгавенькій старичишка, осыпая его руганью. Станиславскій вышелъ изъ себя и схвативъ за бороду старика, такъ его дернулъ, что часть бороды осталась въ рукахъ. Старикъ повалился на землю, крича: караулъ, убилъ. Только и ждали этого. Поднялся шумъ: кто-то крикнулъ одному изъ парней: „Николка, бѣги жарь сполохъ“. Церковь была не далеко. Николка со всѣхъ ногъ ударился туда и черезъ минуту послышался набатъ.

Крестьяне бросились изъ села на барскій дворъ, вооружившись, кто чѣмъ попало. Станиславскому приходилось шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ дорогу. Наконецъ увеличивающаяся толпа человѣкъ въ 200—300 сомкнула его плотнымъ кольцомъ, идти далѣе не представлялось возможнымъ: кругомъ ревѣли мужики. Видя невозможность пробраться, Станиславскій взвелъ курки у двустволки, угрожая, что первый, кто загородитъ ему дорогу, будетъ убитъ. Мужики замялись и дали дорогу. Станиславскій медленно сталъ приближаться, оставалось не болѣе 100—150 сажень. Толпа все прибывала и прибывала. Наступившее на минуту замѣшательство, благодаря отовсюду раздающемуся подстрекательству, снова миновало и мужики начали осаждать управителя, загораживая дорогу. Минута была опасная.

Вдругъ одинъ смѣльчакъ бросился сзади на Станиславскаго и схватилъ за стволъ ружья, къ нему на помощь бросились другіе и началась борьба. Станиславкій, вырывая ружье, задѣваетъ за собачку, раздается выстрѣлъ и одинъ изъ мужиковъ съ прострѣленнымъ животомъ повалился на землю.

Народъ отступилъ. На мѣстѣ остался подстрѣленный и Станиславскій, который, растерявшись, выронилъ изъ рукъ ружье. Замѣшательство толпы продолжалось не долго, какъ бы по сигналу всѣ озвѣрѣли и набросились на Станиславскаго, ударяя кто чѣмъ попало. Окровавленный управитель свалился, но черезъ моментъ вскочилъ и бросился бѣжать, сокрушая все на дорогѣ кулаками. Преслѣдователи не отставали, нанося побои, кто чѣмъ попало.

Видя невозможность добѣжать прямо до барскаго двора, Станиславскій бросился въ рядомъ находившійся крутой оврагъ, надѣясь черезъ него добраться въ безопасное мѣсто. Но струившаяся изъ ранъ головы по лицу кровь не давала ему возможности видѣть какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ, за деревомъ въ оврагѣ притаился мужикъ съ желѣзными вилами. Едва Станиславскій поровнялся съ

нимъ, какъ мужикъ воткнулъ ему вилы въ грудь. Голіафъ упалъ на колъ и простирая впередъ руки сталъ умолять пощадить его жизнь ради его семьи. (Разсказъ очевидца на военномъ судѣ, гдѣ разбиралось это дѣло). Но толпа въ это время была кровожадиѣе звѣря. Станиславскій былъ растерзанъ въ оврагѣ. По словамъ очевидца, его били очень долго даже и мертваго. Когда я пріѣхалъ, какъ мелкъ, на мѣсто бойни, что было часа черезъ 4—6 послѣ убійства, то засталъ на барскомъ дворѣ толпу крестьянъ со всего села, они всѣ галдѣли, разбившись на кучки возлѣ раненаго, но еще живого и въ полной памяти мужика, котораго перенесли на барскій дворъ, гдѣ его напутствовалъ священникъ. Помочь раненому было невозможно. Черезъ 10 часовъ онъ умеръ. Станиславскаго я нашелъ на лиѣ оврага, вмятаго въ трясину, на немъ было наброшено сверху оружіе палачей (колья изъ плетней, хворостины, палки и камни). Возлѣ убитаго не было ни одного человѣка.

Судебно-медицинское слѣдствіе показало, что трупъ Станиславскаго представлялъ изъ себя рубленое мясо, сосчитать число ранъ и переломовъ костей не представлялось возможнымъ. На утро на ступила паника, въ страхѣ передъ отвѣтственностью всѣ попрятались.

Любопытно было приглашеніе меня сотникомъ, прискакавшимъ извѣстить о происшествіи.

— „Пожалуйте, говоритъ, скорѣй на барскій дворъ, управляющій убилъ мужика—чуть живъ, кишки наружи“.

— „А управляющій гдѣ?“ спросилъ я сотника.

— „Не знаю, говоритъ, за нимъ побѣжали, онъ бросился въ оврагъ, я на лошадь, да за вами“.

Потомъ оказалось, что сотникъ-то главнымъ образомъ и былъ подстрекателемъ толпы (его приговорили къ смертной казни) и побѣжалъ тогда, когда Станиславскій былъ прикопченъ.

Во время катастрофы все начальство, во главѣ съ волостнымъ старшиной и старостой были на мѣстѣ преступленія и дѣйствовали

за одно съ толпой. Дѣло было передано военному суду, который приговорилъ 34 человѣка къ смертной казни черезъ повѣшеніе и около ста къ ссылкѣ, каторгѣ и тюремному заключенію. Слѣдствіе было не легкое и тянулось очень долго; всѣ виновные отвѣчали одно и тоже, что онъ не билъ и не трогалъ приказчика, или ударилъ только хворостиной, а билъ весь міръ, но кто билъ онъ въ толпѣ разобрать не могъ. (Сарат. губ. Хвалын. у. Мироновъ).

§ 7. Ссылка порочныхъ членовъ по приговорамъ обществъ.

Ссылка сельскими обществами членовъ, признанныхъ порочными, въ административномъ порядкѣ, допускается, согласно закону, по приговорамъ, постановленнымъ $^2/_3$ присутствовавшихъ домохозяевъ, и утверждаемымъ, по заключенію земскаго начальника и уѣзднаго предводителя дворянства, Губернскимъ Присутствіемъ. Для подобной ссылки—составляющей, конечно жалкій суррогатъ настоящаго правосудія, не требуется никакого формальнаго судебнаго производства. По отзыву наблюдателей, ссылка эта на практикѣ примѣняется очень рѣдко, а есть мѣстности, гдѣ она за послѣдніе десятки лѣтъ вовсе не примѣнялась. Есть даже случаи, что крестьяне вовсе не знаютъ о своемъ правѣ (Череповецк. у. Власовъ). Тѣмъ не менѣе, судя по отзыву большинства наблюдателей, по мнѣнію крестьянъ мѣра эта считается справедливой и необходимой. Тотъ фактъ, что она примѣняется рѣдко, объясняется отчасти тѣмъ, что крестьяне понимаютъ всю ея исключительность; но важную роль играетъ и то, что для ссылки порочнаго члена общества должно возмѣстить казнѣ расходы по его отправкѣ въ Сибирь, иногда съ семействомъ; наконецъ и принятіе постановленія на сельскомъ сходѣ возможно лишь при предварительномъ уговорѣ крестьянъ и лишь тогда, когда они заручились согласіемъ на ссылку земскаго начальника; иначе неудавшаяся попытка ссылки поведетъ лишь къ мести со-

стороны подлежащаго ссылкѣ лица. (Саратовск. губ. Куз. у. Смирновъ, Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ, Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ, Нижегородск. губ. Васильсурск. у. Корвинъ-Круковскій и др.).

Что касается имущества ссылаемаго, то движимость онъ можетъ продать по своему усмотрѣнію; надѣлъ же его остается въ пользу его жены и дѣтей, когда они не изъявили желанія послѣдовать за нимъ въ ссылку; въ противномъ случаѣ онъ поступаетъ въ пользу общества. На возрастъ ссылаемаго иногда общество обращаетъ вниманіе и стариковъ ссылаетъ менѣе охотно. Зажиточность, семейное положеніе и другія условія обыкновенно въ разсчетъ не принимаются. Случаевъ ссылки женщинъ не наблюдалось.

Что же касается основаній для ссылки, то здѣсь прежде всего надо указать на постоянную наклонность къ воровству, затѣмъ на конокрадство, подозрѣніе въ поджогѣ. Большею частью ссылаютъ или приговоренныхъ уже судомъ рецидивистовъ, или такихъ, которые по своей ловкости всегда сумѣли избѣгать осужденія по суду, но про дѣла которыхъ среди односельчанъ существуетъ твердое единодушное убѣжденіе. Впрочемъ нерѣдко бываютъ и злоупотребленія со стороны сельскихъ сходовъ своими правами и ссылки въ Сибирь крестьянъ безъ всякаго разумнаго основанія. Наиболѣе характерные разсказы привожу цѣликомъ.

„Случаи ссылки по приговорамъ обществъ не часты въ нашей мѣстности. Одинъ случай на волость приходится въ 15 лѣтъ. Ссылаютъ людей крайне порочныхъ, на исправленіе которыхъ нѣтъ надежды и которые такъ ловко умѣютъ прикрывать свои преступленія, что избѣгаютъ наказанія отъ суда или подвергаются наказаніямъ легкимъ, которыя только усиливаютъ ненависть между обществомъ и преступникомъ. Лѣтъ 20 тому назадъ крестьянинъ Большой Горы по фамиліи Травниковъ, былъ сосланъ по приговору общества. Травниковъ своимъ дурнымъ поведеніемъ крайне надоѣлъ

обществу, которое просто не знало, какъ отъ него избавиться. Много онъ сдѣлалъ преступленій, но какъ то все увертывался отъ рукъ правосудія. Осенью въ праздничный день, темнымъ вечеромъ въ Горѣ случился пожаръ: загорѣлся заборъ у одного богатаго крестьянина. Время передъ этимъ было дождливое, постройка намокла и потому пламя распространялось медленно. Крестьяне скоро сбѣжались, амбаръ раскидали и пожаръ потушили. Нашлись свидѣтели, которые видѣли, какъ Травниковъ бѣжалъ передъ самымъ пожаромъ отъ сгорѣвшаго амбара. Не успѣли мужики розойтись по домамъ, какъ въ другомъ концѣ деревни загорѣлся хлѣвъ. Однако и на этотъ разъ огонь дальше не пустили. Трое крестьянъ съ того конца деревни, гдѣ загорѣлось во второй разъ, спѣшили на пожаръ и видѣли, какъ Травниковъ бѣжалъ изъ хлѣва, который черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ. Травникова сейчасъ же заперли подъ крѣпкій караулъ и послали за слѣдователемъ. Когда слѣдователь пріѣхалъ, то всѣ поголовно стали доказывать, что поджигатель въ обоихъ случаяхъ былъ Травниковъ. Но слѣдователю для привлеченія къ уголовной отвѣтственности по обвиненію въ такомъ важномъ преступленіи этихъ уликъ оказалось не достаточно. Всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что Травниковъ поджогъ, а какъ слѣдователь начинаетъ спрашивать, что не видалъ ли кто, какъ онъ огонь подкладывалъ, или спички вычеркивалъ—никто доказать не могъ. Видятъ крестьяне, что не избавиться имъ отъ Травникова и на этотъ разъ, а такъ оставить нельзя, потому что знаютъ, что Травниковъ имъ этого не проститъ и сдѣлаетъ новый поджогъ, а деревня Большая Гора болѣе ста домовъ, постройки очень крупныя. Составили приговоръ крестьяне, собрали денегъ на дорогу, и отправили его въ Сибирь.

Въ деревнѣ Коротовѣ былъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ отчаянный воръ и убійца, парень лѣтъ 27. Онъ нѣсколько разъ сиживалъ въ острогѣ, но каждый разъ возвращался оттуда еще бо-

лѣе испорченнымъ. У Сереги, такъ звали парня, былъ товарищъ, съ которымъ онъ совершалъ свои преступленія, они были замѣшаны въ двухъ убійствахъ, совершили нѣсколько поджоговъ, а кражъ и не перечесть. Мѣстныя ребята рѣшили съ ними покончить въ нарочно устроенной для того дракѣ. Товарища Серги дѣйствительно покончили, а самъ онъ ускользнулъ и похвалился выжечь деревню. Тогда крестьяне составили приговоръ, собрали денегъ на дорогу и отправили его въ Сибирь. Пять лѣтъ тому назадъ были еще два такихъ случая. Ссылка такихъ крестьянъ является, по мнѣнію остальныхъ, единственной мѣрой избавиться отъ такихъ преступниковъ, которые каждую минуту могутъ угрожать или воровствомъ или поджогомъ, а то и убійствомъ. Такого преступника, съ которымъ надѣются совладѣть домашними средствами— местью, отдачею въ руки правосудія или надѣются на его исправленіе, не будутъ ссылать по приговору. Кромѣ того, что они должны собрать отправляемому довольно значительную сумму денегъ на дорогу, они долго еще находятся подъ страхомъ, что преступникъ можетъ убѣжать изъ острога, съ дороги изъ самой Сибири и жестоко отомстить имъ. Лѣта при подобной ссылкѣ большого значенія не имѣютъ, а руководствуются единственно нравственнымъ обликомъ ссылаемаго и суммой и качествомъ его преступленій, какъ имъ совершенныхъ, такъ и ожидаемыхъ отъ него. Особенное значеніе придается поджогамъ, отъ которыхъ нерѣдко страдаетъ цѣлое общество. Въ селѣ Большая Гора былъ сосланъ хозяинъ и отецъ семейства. Земля, домъ и все его имущество остались наслѣдникамъ. Сосланный изъ деревни Коротова имѣлъ только одну мать. Земля была отобрана въ общество, плохая изба и другое кое-какое имущество осталось у матери. Въ Горской волости былъ сосланъ бездомный бобыль и по профессіи нищій. Изъ деревни Острова былъ сосланъ крестьянинъ домохозяинъ. Хозяйство и все его имущество осталось женѣ и дѣтямъ". (Новгородск. губ. Череповецк. у. Антиповъ).

Лѣтъ около 15 назадъ крестьянамъ деревни Кузнецовой было предложено начальствомъ выслать административнымъ порядкомъ двухъ односельцевъ, только что отбывшихъ тюремное заключеніе за конокрадство. Собралось сельское общество, туда же явились и конокрады, которые между прочимъ вели себя по отношенію къ обществу дерзко и надменно. Приговоръ о высылкѣ ихъ уже составили, но жены конокрадовъ съ дѣтьми валялись, такъ сказать, въ ногахъ общества, умоляя не давать такого приговора. Жалѣя ихъ семьи, общество требовало отъ конокрадовъ покорности, смиренія, обѣщанія бросить преступное ремесло, но тѣ, какъ говорится, и ухомъ не вели; почему—неизвѣстно. Надо полагать, они во время пребыванія въ тюрьмѣ наслушались отъ бывалыхъ арестантовъ разсказовъ о хорошемъ житьѣ въ Сибири.

Общество между тѣмъ ждало отъ нихъ просьбы и прощенія. Жены умоляли своихъ мужей поклониться обществу. Кричали и родственники: поклонитесь міру „Михайла да Яковъ".

— „Мнѣ нельзя кланяться, отвѣчаетъ Михайла, у меня чирій на спинѣ-то".

— „У меня тоже чирій, вотъ нельзя и згибаться то, отвѣчалъ и другой конокрадъ Яковъ".

Такая необыкновенная дерзость окончательно взорвала членовъ сельскаго общества и приговоръ былъ окончательно постановленъ и подписанъ.

— „Ну, коли у васъ чирьи на спинѣ, такъ и лѣчите ихъ въ Сибири", отвѣчали односоціественники.

Русское поселеніе с. Утли. (Великорѣченской волости) въ 1893 году выслало трехъ черемисъ по общественному приговору. Высылка этихъ черемисъ вызывалась слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ концѣ 70 годовъ, между здѣшними черемисами стала распространяться религіозная секта „Кучу-Сарти", представляющая странную смѣсь христіанства, магометанства и язычества. Въ качествѣ

языческаго вѣроисповѣданія она была настолько вредной и опасной, что въ концѣ 80 годовъ противъ нея были приняты весьма крутыя мѣры. По рѣшенію Вятскаго Окружного Суда сектанты с. Утли и сосѣдней деревни были отданы въ опеку односельцамъ крестьянамъ съ отвѣтственностью за эту опеку всего общества. Опека надъ имуществомъ состоятельныхъ хозяевъ представляетъ, конечно, дѣло высшей степени сложное, сопряженное съ массой различныхъ непріятностей болѣе касающихся опекуновъ, чѣмъ опекаемыхъ. Секта между тѣмъ продолжала распространяться. Затрудненія между опекунами и обществомъ съ одной стороны и опекаемыми съ другой усиливались: начался цѣлый рядъ разлоровъ между тѣми и другими, взаимныя отношенія крайне обострились. Такимъ настроеніемъ, исполненнымъ взаимной вражды и недовѣрія, воспользовалось мѣстное духовенство: при содѣйствіи земскаго начальника сравнительно легко былъ полученъ приговоръ объ удаленіи въ Сибирь главарей иногородческихъ сектантовъ и послѣдніе были высланы. Впослѣдствіи крестьяне сильно раскаивались за этотъ приговоръ, который они дали въ моментъ раздраженія и подъ вліяніемъ духовенства и начальства.

Въ селѣ Сметанинѣ съ 74 по 99 годъ было опустошительныхъ пожаровъ шесть, причину, которыхъ искали, какъ водится въ поджогѣ. Подозрѣніе пало на трехъ крестьянъ, ведшихъ довольно безалаберную жизнь. Послѣ пожара 83 года, уничтожившаго три села (11 домовъ) крестьяне такъ были взволнованы и раздражены, что по собственной иниціативѣ составили приговоръ объ удаленіи изъ своей среды трехъ вышеупомянутыхъ крестьянъ и о высылкѣ ихъ въ Сибирь. Мужики были сосланы. Черезъ 6 лѣтъ, въ 1889 году, въ Сметанинѣ произошелъ новый, еще болѣе опустошительный пожаръ; здѣсь было доказана и установлена оффиціально причина пожара—неосторожное обращеніе съ огнемъ: просто-на-просто одинъ молодой крестьянинъ бросилъ непогашеную папиросу въ сухіе щепы и стружки. Крестьяне стали задумываться: „ужъ не

напрасно ли мы сослали и тѣхъ-то ребятъ въ Сибирь, говорили многіе; на грѣхъ мастера нѣтъ. Табакуровъ-то нынче развелось видимо-не-видимо". Сомнѣнія эти въ ближайшемъ времени не замедлили оправдаться. Одинъ молодой мужичекъ, умирая отъ чахотки, заявилъ своимъ сосѣдямъ, что въ пожарѣ 1883 года виноватъ онъ, „заронившій" плохо заплеванную сигарку во дворѣ того дома, съ котораго начался пожаръ. Узнавъ объ этой исповѣди, уже черезъ шесть лѣтъ послѣ пожара, но подъ живымъ впечатлѣніемъ пожара 1889 года, крестьяне села Сметанина составили пріемный приговоръ относительно сосланныхъ крестьянъ. Но изъ нихъ вернулись на родину только двое, третій добровольно остался въ Сибири навсегда" (Вятск. губ. Яранск. у. Наумовъ).

Въ моей практикѣ было три приговора обществъ о ссылкѣ въ административномъ порядкѣ порочныхъ членовъ: два изъ нихъ оказались постановленными единогласно; передъ повѣркой приговоровъ мною была подробно объяснена обществу важность принимаемой мѣры и нравственная отвѣтственность, которую каждый членъ принималъ на себя, но въ двухъ обществахъ, гдѣ въ одномъ (село Стрѣлецъ) на сходѣ было до трехъ сотъ человѣкъ, послѣдовало единогласное подтвержденіе согласія схода на удаленіе порочныхъ членовъ. Отсюда нельзя не заключить, что въ обществѣ есть сознаніе о необходимости указанной мѣры, когда улики противъ преступниковъ бываютъ не достаточны, чтобы судить его. Когда на Стрѣлецкомъ сельскомъ сходѣ я обратилъ вниманіе крестьянъ на трехъ рыдающихъ на колѣняхъ съ грудными ребятами женъ удаляемыхъ, я услышалъ суровый отвѣтъ: „отъ нихъ больше голосятъ". „Зря не стали цѣпляться бы". Однако къ этой мѣрѣ общество прибѣгаетъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Домъ, нажитокъ и земельный надѣлъ ссылаемыхъ поступаетъ въ пользованіе членовъ семьи, или двора, остающагося въ обществѣ.

Главное вліяніе на волю схода по вопросу о ссылкѣ членовъ общества оказываетъ обязанность общества возмѣщать расходы каз-

ны, сопряженные съ ссылкой передаваемыхъ въ распоряженіе правительства лицъ. Эти расходы довольно значительны и, обременяя общество, нерѣдко удерживаютъ его отъ примѣненія названной мѣры,—къ такимъ крестьянамъ, которые безусловно заслуживаютъ ея". (Орловск. губ. Елецк. у. Турбинъ).

Три года тому назадъ былъ случай ссылки въ Сибирь по приговору сельскаго общества. Дѣло было такъ. Нѣкто крестьянинъ Мухинъ по лѣтамъ пасъ стада коровъ, а дѣти его обрабатывали свой надѣлъ. Мухинъ любилъ въ пьяномъ видѣ хвалиться познаніями всего, что дѣлается не только въ Елшанкѣ, но и въ цѣломъ обществѣ. Разъ или два въ кабакѣ Мухинъ нагрубилъ волостному старшинѣ, послѣдній обиду пастуха снести не пожелалъ и началъ подговаривать сначала родню, а потомъ и знакомыхъ, объ удаленіи Мухина не только, какъ вора, но и какъ разбойника, изъ общества. Хотя явныхъ уликъ въ этомъ не было, а были лишь одни подозрѣнія, но за нихъ то и ухватился старшина. Дѣло объ удаленіи изъ общества Мухина и товарища Кобалова тянулось около года, наконецъ, общество поддалось вліянію старшины, былъ составленъ на сельскомъ сходѣ приговоръ, по которому Мухинъ и Кобаловъ удалились изъ села Елшанка на житье въ Сибирь. Бѣднымъ пастухамъ и во снѣ не снилось, что имъ придется когда либо покинуть родину, да не однимъ, а съ женами и дѣтьми, которые пожелали раздѣлить изгнаніе своихъ родителей. Вышеприведенную мѣру народъ считаетъ крайне жестокой и суровой и не видитъ въ ней большой необходимости; по мнѣнію его, дурныхъ людей можно и другимъ, болѣе легкимъ путемъ заставить исправиться. Надѣлъ ссыльныхъ остался въ пользу общества. (Саратовская губ. Хвалынск. у. Мироновъ).

Ссылки по приговорамъ обществъ, хотя и бываютъ, но очень рѣдко и иногда не имѣютъ значительныхъ основаній. Такъ въ 1898 году Сугоновское сельское общество составило сходъ, на которомъ

былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ объ односельчанинѣ Егорѣ Егорчепокъ, котораго общество желало исключить изъ своей среды, мотивируя свое желаніе лишь тѣмъ, что онъ, Егоръ Огорченый, поведенія не трезваго, плохой работникъ, а потому неисправный плательщикъ всѣхъ повинностей и въ домѣ буянъ, и что оно, Сугоновское общество, недоимки, числящіеся за Егоромъ Огорченымъ, платить не намѣрено. Такъ какъ Сугоновское сельское общество не достигаетъ количества на 300 человѣкъ, то тотъ же самый вопросъ о высылкѣ Егора Огорченаго былъ предложенъ на сходѣ волостномъ, который и рѣшилъ его въ утвердительномъ смыслѣ. И бѣдный Егоръ Огорченый былъ дѣйствительно такъ огорченъ, что спустя два дня скончался, оставивъ сиротами трехъ дѣтей и вдову жену. Надѣлъ земельный переходитъ по высылкѣ хозяина во владѣніе дѣтей мальчиковъ, надъ которыми учреждаютъ опеку (Калужск. у. Лебедевъ).

„Въ Юхновскомъ уѣздѣ ссылкѣ подлежатъ исключительно цыгане, приписанные къ обществамъ, не имѣющіе, по обыкновенію, осѣлости и полевого хозяйства. Причина ссылки — конокрадство и вообще воровство во всѣхъ его видахъ, отъ чего претерпѣваетъ ущербъ весь округъ“. (Смол. губ. Юхновск. у. Кушеревъ).

Кромѣ приговоровъ и ссылки порочныхъ членовъ возможны приговоры объ отказѣ въ обратномъ пріемѣ въ общество крестьянъ, отбывшихъ наказаніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, что влечетъ за собою для нихъ ссылку въ Сибирь на водвореніе. Существуютъ указанія на то, что крестьяне охотно принимаютъ обратно такихъ наказанныхъ, которые преступленіями своими не причиняютъ вреда обществу и односельчанамъ. Наоборотъ конокрадовъ и профессіональныхъ воровъ опасныхъ для своего общества, крестьяне обратно не принимаютъ. (Ср. Вятск. губ. Яранск. у. Наумовъ, Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ).

§ 8. Неоффиціальные народные суды, ихъ составъ, предметъ вѣдомства и порядокъ разбирательства ими дѣлъ.

Помимо волостного суда существуетъ еще на практикѣ цѣлый рядъ неоффиціальныхъ судовъ, не имѣющихъ, разумѣется, никакого обязательнаго для тяжущихся значенія и не подчиняющихся какимъ бы то ни было точнымъ формамъ производства. Значеніе такихъ судовъ, въ большинствѣ случаевъ, чисто примирительное. Таковы семейные суды, суды стариковъ и сосѣдей, третейскіе суды, судъ сельскаго старосты и сельскаго схода.

Семейные суды разсматриваютъ проступки членовъ своего семейства, совершенные, какъ въ семейной жизни, такъ и на сторонѣ (Новгородск. губ. Черепов. у. Власовъ). Но въ семейныхъ судахъ нерѣдко производятся дѣйствія прямо произвольныя, граничащія съ жестокимъ самосудомъ. Вотъ примѣры семейныхъ судовъ, описанные тѣмъ же авторомъ.

На одномъ семейномъ судѣ пришлось быть самому, про другой разсказывали сосѣди. 17-го августа, послѣ успенскаго пивного праздника въ селѣ Покровскомъ, къ крестьянину этого села Никифору Трифонову, пришелъ крестьянинъ деревни Шуклина Дмитрій Григорьевъ съ жалобой на сына Никифора, Михаила, который поколотилъ въ праздникъ сына Дмитрія Григорьева. Дмитрій сказалъ Никифору „я по судамъ ходить не люблю, ты самъ Никифоръ накажи сына, а то я въ судъ пойду“. Послали за дѣдомъ, отцомъ Никифора, который живетъ съ другимъ сыномъ. Дѣдъ явился. Никифоръ разсказалъ ему дѣло и спросилъ: „что съ нимъ, подлецомъ дѣлать, тятька?“—„А вотъ что:“ и старикъ вскочилъ съ лавки съ несвойственной его лѣтамъ поспѣшностью, подбѣжалъ къ драчуну внуку, сначала далъ ему двѣ плюхи, потомъ припялся трепать за волосы. Внукъ не сопротивлялся: всѣ присутствующіе хранили молчаніе. „Фу, окаянный, усталъ, не могу больше, больше не будешь“,

сказалъ дѣлъ, опускаясь опять на лавку. Дмитрій Григорьевъ былъ удовлетворенъ за обиду сына и суду уже не жаловался. Другой случай въ деревнѣ Князевѣ: три года тому назадъ одна молодая женщина вошла въ любовную связь съ холостымъ братомъ своего мужа. Свекровь застала любовниковъ на мѣстѣ преступленія и довела до свѣдѣнія сына-мужа. Хотя мужъ очень глуповатый парень, но все-таки понялъ, что жена не ладно сдѣлала, поколотилъ ее. Но свекровь баба прожженая, ей этого показалось мало; она созвала семейный совѣтъ-судъ, на который былъ приглашенъ еще старшій братъ рогоносца, живущій отдѣльнымъ домомъ и вотъ втроемъ, постановили наказать „гулену“ хорошенько. По совѣту матери и брата мужъ заворотилъ сарафанъ и рубаху на голову жены, завязалъ ихъ на головѣ веревкой, поставилъ такимъ образомъ жертву въ полную невозможность сопротивленія и самозащиты или, въ крайнемъ случаѣ, бѣгства. Потомъ началось истязаніе: сначала мужъ билъ ременнымъ кнутомъ, когда усталъ, вручилъ кнутъ матери, а свекровушка конечно, не положила охолку на руку, и насытившись, передала кнутъ старшему сыну, онъ тоже билъ. Все тѣло несчастной представляло, говорятъ, одну сплошную рану. Она лежала больше мѣсяца при смерти. Соблазнитель остался ненаказаннымъ.

Другой видъ неоффиціальнаго разбирательства—суды стариковъ и суды сосѣдей. Суду стариковъ иногда предоставляется разборъ случаевъ объ обидахъ и оскорбленіяхъ. „Въ такого рода дѣлахъ старики считаются болѣе безпристрастными судьями на томъ основаніи, что они въ виду близкой смерти не захотятъ брать грѣха на душу и не захотятъ быть обвиненными поговоркой: одной ногой въ гробу стоитъ, а все неправду говоритъ; считаются они и болѣе подходящими судьями, такъ какъ отъ стариковъ не такъ обидно выслушивать выговоръ и даже брань, безъ чего не обходится разбирательство такихъ дѣлъ. Обращаются къ суду стариковъ и при семейныхъ ссорахъ и дракахъ, основываясь на вышеприведенныхъ

причинахъ". (Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Привожу характерные примѣры суда стариковъ по семейнымъ дѣламъ, бывшіе въ Орловской губерніи. (Орловскій у. Михеевъ).

Судъ стариковъ въ деревнѣ практикуется: въ этомъ году былъ слѣдующій случай въ селѣ Архангельскомъ: старуха Захарова возненавидѣла жену внука, за что послѣдняго хотѣла согнать со двора, говоря: „я его (внука) принаю, а ее не принаю". Внукъ обратился къ старостѣ, который собралъ сходку. На сходку явилась бабка Захарова со внукомъ. Тутъ бабку все общество пристыдило, разбранило и усовѣстило такъ, что она сразу смирилась и оставила свои замыслы, а хозяйство поручила внуку, какъ потребовала сходка крестьянъ. Крестьяне руководились тѣмъ, что Захаровъ малый смирный, не пьяница, хозяйствомъ можетъ управлять. При дѣлежѣ имущества также обращаются къ сходкѣ, при чемъ голосъ стариковъ всегда за обиженныхъ, такъ напримѣръ: одну старуху обижала невѣстка, а сынъ никогда не вступался за мать и жену не останавливалъ, да кромѣ того и сыну своему позволялъ обижать свою бабку, которая выйдя изъ терпѣнія, обратилась къ суду стариковъ съ слѣдующими словами: православные старички, какъ вы мнѣ присудите быть, вамъ всѣмъ извѣстно какъ мнѣ обижаетъ Хаврюха (такъ звали невѣстку). На это вся сходка въ одинъ голосъ закричала: гони ихъ всѣхъ бабка метлой изъ избы, твоя изба. Послѣ того старуха дѣйствительно выгнала свою семью изъ хаты и сынъ былъ принужденъ построить себѣ хату. Вообще къ суду стариковъ обращаются обиженные, но не желающіе доходить до волостного суда.

Но большею частью суду стариковъ, равно какъ и суду сосѣдей подлежитъ экспертиза подлежащихъ возмѣщенію убытковъ, главнымъ образомъ при потравахъ. „Судъ стариковъ или сосѣдей состоитъ изъ неопредѣленнаго числа лицъ въ присутствіи сельскаго старосты. Порядокъ разбирательства дѣла въ этомъ судѣ примирительный и заключается въ слѣдующемъ: крестьянинъ напримѣръ, при потравѣ у него

хлѣба, или огорода чужимъ скотомъ, при перекосѣ ли травы на лугахъ или хлѣба въ полѣ или же при перепашкѣ конопляника, либо огородной или полевой земли, заявляетъ объ этомъ жалобу сельскому старостѣ, который приглашаетъ, либо нѣсколькихъ человѣкъ стариковъ, или же сосѣдей потерпѣвшаго и виновнаго, въ присутствіи которыхъ староста со стариками и сосѣдями: при потравѣ осматриваютъ самую потраву и опредѣляютъ причиненный скотомъ убытокъ, при перекосѣ травы или хлѣба, при перепашкѣ земли осматриваютъ спорную мѣстность и въ случаѣ надобности одной изъ сторонъ, а также размѣръ убытка, если таковой былъ уже извѣстенъ. Послѣ этого они стараются свести стороны на миръ. Если дѣло кончится примиреніемъ, то такъ оно и прекращается безъ всякаго письменнаго приговора, а если нѣтъ, то потерпѣвшій приноситъ въ волостной судъ жалобу, причемъ старосту и стариковъ или сосѣдей выставляетъ свидѣтелями въ подтвержденіе своей жалобы или иска (Орловск. губ. Кромск. у. Козловъ, тоже Вятск. губ. Орлов. у. Гребеневъ, Новгородск. губ. Череповецк. у. Власовъ, Тамбовск. губ. Елатомск. у. Кондрашевъ, Орловск. губ. Карачевск. у. Морозовъ).

Нерѣдко бываютъ въ крестьянскомъ быту и третейскіе суды. По своему составу они мало чѣмъ отличаются отъ вышеописанныхъ. Порядокъ разбирательства въ нихъ не формальный. Подъ третейскими судами слѣдуетъ вообще разумѣть такіе, къ которымъ тяжущіеся прибѣгаютъ по соглашенію между собой. Тѣмъ не менѣе понятіе нравственной обязательности рѣшеній третейскихъ судовъ для спорящихъ еще мало развито въ крестьянскомъ быту. „Постановленія третейскаго суда никуда не записываются и не имѣютъ обязательной силы. Это ни что иное, какъ добрый совѣтъ незаинтересованныхъ людей. По совѣту этому въ большинствѣ случаевъ спорящіе слѣдуютъ. А, если разъ они послушались совѣта добрыхъ людей, то послѣ возобновлять дѣло и передавать его на судъ оффиціальный считается предосудительнымъ“. (Новгородск. губ. Че-

репов. у. Антиновъ). Впрочемъ, очень рѣдкіе случаи третейскихъ разбирательствъ, занесенныхъ въ книгу волостного правленія и приведенныхъ въ исполненіе старшиною, можно указать (Новгородск. губ. Черепов. у. Власовъ, насчиталъ въ одной изъ волостей три только случая съ 1862 года).

Бываютъ въ крестьянскомъ быту также случаи обращенія къ разрѣшенію споровъ сельскими старостами. Всѣ эти виды разбирательства споровъ примирительнымъ порядкомъ не имѣютъ оффиціальнаго значенія и потому не могутъ быть точно разграничены между собою. Можно лишь намѣтить болѣе или менѣе характерные способы примирительнаго суда, существующаго въ крестьянскомъ быту вообще, что мы только что и сдѣлали.

Нѣсколько иное значеніе имѣетъ судъ „громады“ или сельскаго схода. Существуетъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ дѣлъ правоваго характера, подвѣдомственныхъ сельскому сходу на основаніи закона. Таковы, въ особенности, семейные раздѣлы,*) передѣлы мірской земли, учетъ опекуновъ, удаленіе изъ общества или временное устраненіе порочныхъ членовъ (ст. 62, п. 3, 6, 7 и 8 Общ. Пол. о крестьян. изд. 1902 года). Вѣдомство сельскаго схода приблизительно также очередно большинствомъ корреспондентовъ по бывшему этнографическому бюро кн. В. Н. Тенишева. Можно, однако указать на примѣры, когда сельскій сходъ беретъ на себя разборъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства суда. Привожу разсказъ корреспондента Череповецкаго у. Новгородской губ. Власова.

Порядокъ разбирательства дѣлъ сельскими сходами (громалами ихъ у насъ не зовутъ) лучше всего виденъ изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ.

1. Восемь лѣтъ тому назадъ у покровскихъ бабъ сбило сильною бурею ленъ, постланный на общемъ лугу, и замело въ большіе кучи къ огородамъ и кустамъ. Прибѣжавшія бабы подняли

*) Что отмѣнено Высочайшимъ Указомъ 5 октября 1906 года.

вой, какъ передъ свѣтопреставленіемъ, начали хватать ленъ изъ кучъ кто сколько можетъ. Поднялась брань, перешедшая въ иныхъ мѣстахъ въ драку. Въ четверть часа весь ленъ былъ расхваченъ. Бабы снова начали было стлать его по лугу, но оказалось, что часть владѣлицъ льна, не подозрѣвавшая о льняномъ кризисѣ, сидѣла спокойно дома въ то время, какъ происходило расхищеніе. Онѣ тоже побѣжали на лугъ, потребовали свою часть и не получивъ таковой, пошли жаловаться мужьямъ и сельскому старостѣ. Собрался сельскій сходъ и отправился на мѣсто происшествія. Сходъ прежде всего распорядился, чтобы ленъ опять былъ собранъ въ одну общую кучу, потомъ попросилъ каждаго домохозяина сказать по совѣсти, сколько рѣшетъ сѣмянъ льна у него было посѣяно и сосчетавъ, сколько рѣшетъ сѣяно у всѣхъ, разложивъ ленъ на полученное число кочекъ, не обращая вниманія на качество льна, и раздѣлилъ.

2. Крестьянинъ села Никольскаго Алексѣй Зиновьевъ въ прошломъ году нарубилъ три воза дровъ въ общественномъ заповѣдномъ лѣсу. По качеству дровъ односельчане догадались, гдѣ они нарублены. Собрался сельскій сходъ, произвелъ осмотръ порубки на мѣстѣ, виновнаго порядкомъ постыдили, и „пощували“, а дрова приказали сейчасъ же отвести къ своей приходской церкви, не подвергая больше никакому взысканію Зиновьева. Приказаніе схода немедленно было исполнено“.

Таковы, въ общихъ чертахъ, различные виды сельскихъ судовъ. При всей ихъ неопредѣленности, при всей неясности предметовъ ихъ вѣдомства и неточности порядка производства въ нихъ дѣлъ и необязательности ихъ рѣшеній, нельзя не отмѣтить, что они обладаютъ нѣкоторыми существенными преимуществами передъ волостными судами. „Все здѣсь высказывается просто, безъ ухищреній, безъ умалчиваній, что бываетъ нерѣдко на волостномъ судѣ и что значительно вредитъ интересамъ правосудія. Благодаря откровеннымъ показаніямъ, дѣло на сельскомъ судѣ часто выясняется гораздо болѣе, чѣмъ на

волостномъ. Это сознаютъ и сами тяжущіеся, почему охотно и обращаются къ подобному суду, чтобы болѣе выяснить себѣ дѣло, такъ какъ одинъ умъ хорошъ, а два-три лучше. Не уклоняются отъ сельскаго схода и на томъ основаніи, что судъ этотъ въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ карательнаго значенія, и, слѣдовательно, противъ желанія самихъ тяжущихся ни къ чему не обязываетъ. Послѣднему обстоятельству тяжущіеся придаютъ особенную цѣну и благодаря ему, считаютъ мнѣнія и рѣшенія такого суда болѣе безпристрастными, потому, что судьи лично не заинтересованы въ дѣлѣ и не подчиняются въ выраженіи своихъ мнѣній ничьему вліянію, тогда какъ вліяніе писаря въ волостномъ судѣ извѣстно каждому и подрываетъ авторитетъ этаго суда. Сельскіе суды имѣютъ большое значеніе въ крестьянской жизни. Благодаря имъ, множество дѣлъ улаживается домашнимъ миролюбивымъ образомъ. Благодаря имъ поддерживается миръ семьи, авторитетъ старшихъ, укрѣпляется въ народѣ сознаніе правъ личности и собственности вообще; наконецъ благодаря имъ, не развивается въ крестьянской средѣ сутяжничество и кляузничество, такъ вредно отражающіяся на нравственномъ и матеріальномъ строѣ крестьянской жизни". (Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Примѣчаніе: Примѣровъ разбирательства сельскими сходами дѣлъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію согласно общему положенію, не привожу, ибо они относятся къ другому отдѣлу: административному устройству крестьянъ и организаціи спеціально крестьянскаго самоуправленія.

ГЛАВА III.

Волостные суды.

§ 9. Составъ волостныхъ судовъ. Порядокъ избранія судей. Ихъ права.

1. Для того, чтобы имѣть точное понятіе о составѣ волостныхъ судовъ и о порядкѣ избранія волостныхъ судей, необходимо имѣть въ виду текстъ закона. (Общ. Полож. о крест. изд. 1902 г.), который мы здѣсь и приводимъ:

Ст. 113. Волостной судъ состоитъ изъ четырехъ судей, при чемъ одинъ изъ нихъ, по избранію уѣзднаго съѣзда, назначается предсѣдателемъ. Съѣздъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ возложить обязанности предсѣдателя на мѣстнаго волостного старшину.

Ст. 114. Каждое сельское общество избираетъ одного кандидата въ волостные судьи, при чемъ, однако, общее число избранныхъ лицъ не должно быть менѣе восьми. Если волость состоитъ менѣе чѣмъ изъ восьми сельскихъ обществъ, то недостающее до означеннаго комплекта число кандидатовъ избирается тѣми обществами, которымъ это будетъ предоставлено уѣзднымъ съѣздомъ. Изъ состава избранныхъ лицъ, земскій участковый начальникъ утверждаетъ четырехъ въ должностяхъ волостныхъ судей на три года, а остальныхъ назначаетъ кандидатами къ нимъ на тотъ же срокъ. Кандидаты замѣняютъ волостныхъ судей въ случаѣ ихъ выбытія изъ должностей ранѣе истеченія трехлѣтняго срока или временнаго

отсутствія, при чемъ соблюдается порядокъ и очередь, установленные для сего земскимъ начальникомъ.

Ст. 115. На должность волостного судьи избираются крестьяне домохозяева, достигшіе 35 лѣтъ отъ роду, пользующіеся уваженіемъ своихъ односельцевъ, и, по возможности, грамотные. Не могутъ быть избираемы: 1) лица, судившіеся за кражу, мошенничество, присвоеніе или растрату чужого имущества и судебными приговорами не оправданные, а равно подвергшіеся по суду тѣлесному наказанію, заключенію въ тюрьмѣ или иному болѣе строгому наказанію; 2) содержатели заведеній для раздробительной торговли напитками, и 3) лица, занимающія другія должности по волостному или сельскому управленію.

Самый порядокъ производства выборовъ закономъ не установленъ и на практикѣ также не можетъ считаться твердо укрѣпившимся. Нерѣдко избраніе происходитъ посредствомъ простого открытаго голосованія, ведущаго на практикѣ къ побѣдѣ тѣхъ, кто громче кричитъ. „Обыкновенно кричатъ 5—10 человѣкъ, а остальные молчаніемъ выражаютъ согласіе“. (Рязанск. губ. Скопин. у. Чепуринъ). Болѣе употребителенъ, впрочемъ порядокъ выборовъ посредствомъ расхожденія избирателей по сторонамъ: желающихъ выбрать даннаго кандидата въ правую, не желающихъ въ лѣвую сторону. (Скопин. у. Чепуринъ, Орлов. у. Михѣевъ, Дмитровск. у. Тамбовск. губ. Лишецк. у. Петровъ, Новгородск. губ. Черен. у. Антиповъ, Власовъ, Казанск. губ. Спасск. у. Ивановъ). Менѣе распространенъ, хотя и весьма нерѣдко встрѣчается наиболѣе правильный способъ производства выборовъ—баллотировка шарами. (Орловск. у. Михѣевъ, Костр. губ. Макарьевск. у. Костинъ, Саратовск. губ. Хвалынск. у. Мироновъ).

2. Что касается качествъ, требующихся на практикѣ для того, чтобы быть избраннымъ волостнымъ судьею, то по этому вопросу трудно придти къ какому либо опредѣленному заключенію.

Какъ мы видѣли, законъ ставитъ только два точныхъ условія: избираемый долженъ быть не моложе 35 лѣтъ и долженъ быть домохозяиномъ. Чтобы избираемый долженъ былъ быть непремѣнно главой нераздѣльной семьи, изъ текста закона не видно, и на практикѣ допускается избраніе не главы семейства. (Напримѣръ: Хвалынск. у. Мироновъ). Другое качество, играющее на практикѣ существенную роль—домовитость и зажиточность. Бываютъ, однако, случаи, когда крестьяне избѣгаютъ выбирать слишкомъ зажиточныхъ односельчанъ изъ боязни, что они передъ бѣдными будутъ гордиться и доступъ къ нимъ будетъ затруднителенъ. (Кромск. у. Козловъ). Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, выбираютъ преимущественно болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Иногда зажиточность цѣнится даже болѣе грамотности. Трезвость избираемаго, несомнѣнно, также принимается въ расчетъ. Такое же значеніе имѣетъ грамотность. Впрочемъ, какъ мы видѣли, самъ законъ не ставитъ грамотности условіемъ избранія, а лишь рекомендуетъ выбирать грамотныхъ, на практикѣ же бываетъ нерѣдко и утвержденіе неграмотныхъ судьями. Сказать, какое условіе считается болѣе важнымъ при выборахъ—зажиточность, домовитость или грамотность, въ видѣ общаго правила, конечно, невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ богатые крестьяне смотрятъ на должность волостного судьи въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаково; можно указать немало случаевъ, когда они добиваются этой должности, какъ почета, но нерѣдко бываетъ и обратное—что зажиточные крестьяне готовы даже откупиться отъ должности волостного судьи, считая ее хлопотливой и боясь нажить себѣ черезъ нее враговъ. (Орловск. у. Михѣевъ, Грязовецкій у. Каменевъ). Нерѣдки, такимъ образомъ, случаи, когда крестьянъ угощаютъ за то, чтобы они не выбирали, и столь же возможно обратное—угощеніе за избраніе. Послѣднее настолько распространено, что нерѣдко избранными оказываются совершенно недостойныя лица, „иногда положительные міроѣды“. (Никольскій у. Ржаницынъ). А бываетъ и такъ, что

крестьяне сознательно выбираютъ худшихъ и наиболѣе лѣнивыхъ односельчанъ, говоря: „мы оброкъ платимъ, подушную носимъ, а онъ только гуляетъ, да зубы скалитъ—его то, ребята, и слѣдуетъ выбрать въ судьи". (Грязовецкій у. Каменевъ).

Недобросовѣстныя дѣйствія нерѣдки и при представленіи избранныхъ на утвержденіе земскаго начальника. Особенно, когда земскій начальникъ мало еще знаетъ крестьянъ своего участка, и довѣряется мнѣнію волостного старшины, послѣдній рекомендуетъ къ утвержденію лицъ, ему выгодныхъ и послушныхъ. Есть случаи, что старшина „свою рекомендацію чуть не съ публичнаго торга продаетъ: кто сумѣетъ лучше удовлетворить старшину попойкой, взяткой деньгами или хозяйственными продуктами, того онъ рекомендуетъ начальству, какъ самого достойнаго. Мнѣ извѣстно, что съ одного кандидата, проведеннаго въ судьи, старшина взялъ петель, а съ другого, попавшаго въ предсѣдатели, бралъ третью часть получаемаго имъ жалованья (33 р. 33 коп. въ годъ). (Череповецк. у. Власовъ).

Такова общая безотрадная картина того, какъ у насъ комплектуются волостные суды. Поэтому разсказъ корреспондента Орловской губерніи Сахарова, о томъ, что земскій начальникъ утвердилъ въ должности писаря волостного суда одного изъ судей, бывшаго прежде полковымъ писаремъ, и что при отличномъ подборѣ судей судъ данной волости сталъ пользоваться большимъ уваженіемъ среди населенія и о взяткахъ и пьянствѣ въ немъ не было и помина; что при разборѣ дѣла одного священника, когда судьи лишь къ вечеру окончили дѣло, они ни за что не согласились на предложеніе священника зайти къ нему и закусить, но голодные возвратились въ свои дома, весь этотъ разсказъ слѣдуетъ несомнѣнно признать рѣдкимъ исключеніемъ изъ обрисованнаго нами весьма грустнаго общаго правила.

3. Привилегіи волостныхъ судей заключаются въ освобожденіи отъ натуральныхъ повинностей. По закону они также были

освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, но съ отмѣной, Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 11 Августа 1904 года, тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ вообще обывателей, привилегія эта утратила свое значеніе.

Что же касается жалованья, получаемаго волостными судьями, то оно весьма различно. Чаще всего оно колеблется между 40 и 60 рублями для судей и между 60 и 100 рублями для предсѣдателя. Высшій размѣръ жалованья для предсѣдателя—120 руб. въ годъ. Есть однако случаи весьма низкаго вознагражденія, напримѣръ: судьямъ тридцать шесть рублей, предсѣдателю сорокъ восемь рублей. (Сарат. губ. Хвалынск. у. Мироновъ). Или волостнымъ судьямъ 15 р. въ годъ, а кандидатамъ по 20 коп. за каждое рѣшенное ими дѣло. (Псковск. губ. Порховск. у. Куницынъ). Безплатную должность предсѣдателя суда я нашелъ, въ общемъ сводѣ данныхъ, въ одномъ только случаѣ (Сарат. губ. Хвалын. у. Мироновъ).

Опредѣлить, въ зависимости отъ какихъ причинъ происходитъ вышеописанное колебаніе оклада жалованія волостныхъ судей, представляется по имѣющимся даннымъ—невозможнымъ. Играетъ ли тутъ роль дороговизна жизни въ данной мѣстности, или накопленіе судебныхъ дѣлъ—все это является лишь предметомъ гадательныхъ предположеній.

§ 10. Общій обзоръ порядка разбирательства дѣлъ волостными судами.

Порядокъ разбирательства дѣлъ въ волостныхъ судахъ одинъ и тотъ же повсемѣстно. Усмотрѣть какія либо мѣстныя особенности по разнымъ раіонамъ не представляется возможнымъ. Этотъ порядокъ въ общихъ чертахъ слѣдующій:

Жалобы и исковыя прошенія принимаются словесныя и пись-

менныя и заносятся въ особую книгу. Предсѣдатель суда, по соглашенію, въ большинствѣ случаевъ, съ волостнымъ писаремъ, назначаетъ дни засѣданій суда и дѣла, подлежащія разбору въ каждое засѣданіе. Тяжущіеся вызываются въ судъ повѣстками. Засимъ въ назначенный день собираются судьи, и когда они займутъ свои мѣста, предсѣдатель объявляетъ засѣданіе открытымъ, приглашая всѣхъ присутствующихъ соблюдать тишину. Засимъ читаются и докладываются по очереди дѣла, назначенныя къ слушанію. По каждому дѣлу вызываются тяжущіеся. Истцу или обвинителю предлагается предсѣдателемъ словесно изложить суду мотивы жалобы или иска. Потомъ предоставляется слово обвиняемому или отвѣтчику въ опроверженіе жалобы или иска. Далѣе предсѣдатель старается склонить стороны къ примиренію. Если мировая сдѣлка состоится, она заносится въ книгу рѣшеній. Если же стремленіе помирить тяжущихся не увѣнчается успѣхомъ, судъ приступаетъ къ разбору дѣла по существу. Производится допросъ свидѣтелей. Свидѣтели, въ большинствѣ случаевъ, предварительно удаляются въ особую комнату, и допрашиваются каждый порознь. Допросу предшествуетъ напоминаніе предсѣдателемъ обязанности говорить правду съ предупрежденіемъ о возможности для свидѣтеля быть спрошеннымъ по тому же дѣлу подъ присягой. Допросъ производится предсѣдателемъ суда, иногда и членами онаго. Нерѣдко бываетъ, что и самимъ тяжущимся предоставляется задавать свидѣтелямъ вопросы. По окончаніи допроса свидѣтелей дѣло иногда откладывается, если противная сторона проситъ вызвать новыхъ свидѣтелей и если необходимо производство мѣстнаго осмотра. Дальнѣйшее производство дѣла ведется въ этомъ случаѣ такимъ же порядкомъ. Наконецъ судьи удаляются въ совѣщательную комнату для постановленія резолюціи. По окончаніи совѣщанія предсѣдатель прочитываетъ рѣшеніе суда вслухъ и объясняетъ тяжущимся срокъ и порядокъ обжалованія. Резолюція суда выслушивается всѣми присутствующими стоя.

Что касается соблюденія порядка въ засѣданіяхъ волостныхъ судовъ, то необходимо, конечно, признать, что далеко не вездѣ разборъ дѣлъ ведется правильно. Нерѣдко бываетъ, что тяжущіеся перебиваютъ другъ друга и даже бранятся. Бываетъ и то, что свидѣтелей передъ допросомъ вовсе не удаляютъ изъ комнаты, гдѣ происходитъ засѣданіе и не допрашиваютъ ихъ порознь, а всѣхъ вмѣстѣ. Бываютъ случаи, когда тяжущіеся бранятъ свидѣтелей. (Вологод. у. Соколовъ). Конечно, всѣ описанныя явленія—въ большинствѣ случаевъ послѣдствіе неумѣлаго веденія дѣла и трудно учесть ихъ распространенность по имѣющимся у автора даннымъ.

Повѣрка доказательствъ производится волостнымъ судомъ нерѣдко. Мѣстный осмотръ чаще всего производится при спорахъ о землѣ, также при нарушеніи строительнаго устава.

При совѣщаніи судей писарь, въ большинствѣ случаевъ, играетъ немаловажную роль. Когда писаремъ состоитъ одинъ изъ судей, онъ же въ совѣщательной комнатѣ редактируетъ и пишетъ резолюцію. Когда писаремъ служитъ лицо, не принадлежащее къ составу суда, то и здѣсь нерѣдко его приглашаютъ судьи въ совѣщательную комнату во время совѣщанія и совѣтуются съ нимъ, какъ по закону правильнѣе рѣшить дѣло. Бываетъ впрочемъ и такъ, что судьи въ совѣщательной комнатѣ лишь уговариваются между собою о существѣ рѣшенія, а когда выходятъ объявлять, то шепчутъ писарю на ухо или передаютъ на клочкѣ бумаги рѣшенія, а писарь уже потомъ записываетъ его съ мотивировкой и судьи подписываютъ окончательно составленное писаремъ рѣшеніе. (Вятск. губ. Котельн. у. Мышкинъ, Рязанск. губ. Скопинск. у. Чепуринъ, Саратовск. губ. Кузнецк. у. Смирновъ, Новгородск. губ. Тихвинск. у. Закатовъ).

По вопросу о способахъ обжалованія рѣшеній судовъ слѣдуетъ отмѣтить, что выдачи со стороны суда квитанціи на принятіе апелляціонной жалобы не полагается. Это иногда ведетъ къ прямымъ злоупотребленіямъ. Бываетъ, что писарь самъ пишетъ одной изъ

сторонъ жалобу (чего онъ не имѣетъ права дѣлать), а потомъ, принявъ ее, кладетъ подъ сукно, получивъ за это взятку отъ другой стороны. Нельзя, впрочемъ, допустить, чтобы такіе случаи были часты (одинъ такой случай разсказамъ А. Баловымъ, Ярославск. губ. Романоборисоглѣбскій, Любимскій и Даниловскій уѣзды).

Вотъ образчикъ разбирательства дѣла въ Троицкомъ волостномъ судѣ: обвинительницей была одна молодая дѣвушка, обвинявшая свою сосѣдку въ томъ, что та нанесла ей три удара кулакомъ въ спину. На судъ, тоже въ качествѣ обвинителя явился отецъ обиженной дѣвушки. Когда отецъ съ дочерью вошли въ залу, судьи сначала прочли ей ея жалобу и спросили: вѣрно или нѣтъ. Та отвѣчала, что это дѣйствительно ея жалоба. Здѣсь же присутствовала и обвиняемая. Предсѣдатель обращается къ дѣвушкѣ: „Ну, Авдотья Жеребцова, разсказывай, какъ дѣло было? Дѣвушка, краснѣя и путаясь, начала сбивчиво передавать ходъ дѣла, а въ концѣ концовъ совершенно сконфузилась и замолчала, такъ что судьи обратились къ отцу и дѣвушка только изрѣдка поправляла его. Въ Троицкомъ считается зазорнымъ и неприличнымъ дѣвушкѣ судиться и рѣдкая дѣвушка обращается въ судъ. Онѣ большею частью расправляются за свои обиды при помощи своихъ поклонниковъ-парней, которыхъ всегда довольно даже у 14—15 лѣтней дѣвченки, не говоря уже про болѣе взрослыхъ, и парень всегда стойко стоитъ за избранницу своего сердца, которая почти всегда бываетъ его любовницей. И въ данномъ случаѣ дѣло возбудила собственно не дѣвушка, а ея отецъ. Судьи это отлично знаютъ и обратились къ дѣвушкѣ, собственно говоря, лишь для формы, поэтому, когда она замолчала, они уже больше почти ее не тревожили и обратились къ отцу: „Ну, разсказывай ты, а то, вишь, она точно вѣшать ее собираются“. Отецъ началъ: „Да вотъ, господа судьи, я, признаться сказать, въ эвто самое время и дома то не былъ, а вотъ она говорила: сидѣла, это значитъ, дѣвка моя у избы съ подружками въ

карты играла, подбѣгаетъ къ ней Матрешка (дочь обвиняемой) и говоритъ ей: Дуняшка, поверти меня, она знать маленькая, ребятъ то любитъ, они и льнутъ къ ней". Въ это время обвиняемая встаетъ: „не только маленькихъ и большихъ слышь, любитъ и то же слышь больно льнуть къ ней". Судьи приказали ей замолчать, говорятъ, что и до тебя де очередь дойдетъ; бабенка не останавливается, „чаго молчать то, ай у меня языка нѣтъ". Старшина пригрозилъ обвиняемой, что если она не уймется, то онъ ее сейчасъ засадитъ на сутки подъ арестъ, а дѣло рѣшится заочно. Отецъ продолжаетъ: „Вотъ, господа судьи, завсягды така, слова не дастъ вымолвить. Ну, Дуняшка сначала, говоритъ, отогнала ее отъ себя, а Матрешка-то опять липнетъ, поверти да поверти, Дуняшка, знаешь, встала, да кругомъ себя три раза и повернула, а потомъ и пустила. Пустила ее и она побѣжала, да и заплакала. Вдругъ Акулина, какъ вылетитъ, да какъ охватитъ ее по спинѣ три раза, да и приговариваетъ: вотъ тебѣ, вотъ, мой кулакъ то вѣдь тяжелый, будешь помнить. Вотъ какъ дѣло было, господа судьи". Предсѣдатель спрашиваетъ дѣвушку: такъ отецъ разсказалъ, аль пропустилъ што? Та говоритъ—такъ. Писарь записалъ показанія отца. Ну, теперь говори ты, обращаются къ обвиняемой. Обвиняемая говоритъ, что дѣло не такъ разсказали, а вотъ какъ оно происходило; „Сижу я у себя въ избѣ вдругъ слышу моя дѣвченка оретъ благимъ матомъ, я хотѣла было выдти, смотрю она вбѣжала въ избу, да какъ грохнется на земь, а язъ ней пѣна, пѣна, такъ и хлыщетъ и хлыщетъ, я это всплеснула руками, матушки мои, отцы родные, умираетъ дѣвченка, да скорѣй ее водой, съ ведро здакъ вылила на нее, очнулась немного дѣвка моя, я спрашиваю ее, што ты? Она и слово то путемъ вымолвить не можетъ, говоритъ только Дуняшка, Дуняшка, а она ели вымолвитъ, Дуняшка взяла, говоритъ, меня за ноги да кругомъ себя". Судьи многозначительно перемигнулись „за ноги? вишь ты"... (А дѣвченка то мало чѣмъ поменьше самой дѣвки).

Баба продолжаетъ: „Да, родимая, за ноги да кругомъ себя. Я, значитъ, въ сердцахъ то выбѣжала да и говорю, ахъ ты, окаянная ты этакая, што ты съ дѣвченкой то надѣлала, вѣдь ты у меня дѣвченку то уморила, она на меня, сама ты окаянная, вѣдьма, колдунья, а я вотъ, провалиться мнѣ сквозь землю, этимъ дѣламъ незаймалась, меня ужъ тутъ горя то взяло, я ее слегка одинъ разъ въ бокъ ширнула, плюнула да и пошла, а дѣвченка то теперь каженную ночь разъ по пяти вскакиваетъ и оретъ дуромъ, я ужъ и къ дохтору съ ней ходила, да вотъ хошь спросите ее самой". Предсѣдатель подозвалъ къ себѣ дѣвченку.—„Ну, милая, Дунька вертѣла тебя?—Вертѣла.—Зачѣмъ она тебя вертѣла?—Я ее просила.—За что же она тебя вертѣла? За ноги?—За ноги.—И долго вертѣла?—Долго.—И больно тебѣ было?—Больно.—Ну, а когда она тебѣ вертѣла, голова то у тебя гдѣ была вверху или внизу?—Вверху.—Да какъ же вверху, вѣдь ты говоришь, она тебя вертѣла за ноги?—Ну что же, а голова была вверху". Да что вы ее сбиваете то, вступилась мать, дѣвчонка маленькая, чего съ нея взять то? Ей приказали молчать. Опять обратились къ дѣвочкѣ. „Ты, милая, говори правду, тебя видно мать научила? Врать грѣхъ; нутка покажи-ка, какъ она тебя вертѣла, вонъ на Дуняшкѣ, Дуняшка, подька сюды". Дѣвушка подошла, дѣвочка смѣло подошла къ дѣвушкѣ, взяла ее за руки и перевернулась. Предсѣдатель говоритъ: Такъ вы и тогда вертѣлись?—Такъ. Ну вотъ, видишь, ты ее взяла за руки, значитъ и тогда она тебя вертѣла за руки, а не за ноги, какъ ты говорила. Дѣвочка молчитъ. Ну, а къ дохтору вы съ матерью ходили?—Нѣтъ ща идемъ только.—Зачѣмъ?—У меня горло больно.—А зачѣмъ ты тогда плакала, когда Дуняшка вертѣла тебя, вѣдь ты сама просила?—Мнѣ руку было больно. Ну, а мать била Дуняшку?—Я не видала. Ну, ступай, да больше никогда не ври, а то Богъ накажетъ. „Да, што же, опять вступилась мать, дѣвченку какъ угодно можно бить, чаво съ нея взять

то, она, глупенькая, на свою голову несетъ, ву сейка Дуняшка и вовсе было утопила ее, малость дѣвки вытащили, а то вовсе было ухлябалась.—Ну это ты послѣ когда нибудь скажешь. Велѣли позвать свидѣтелей, старуху и двухъ дѣвушекъ; свидѣтели подтвердили тоже самое, что разсказывалъ отецъ и дѣвочка. Рѣшеніе суда: „по дѣлу такому-то крестьянку Акулину Башлыкову волостной судъ за самоуправство, доказанное личнымъ сознаніемъ, и свидѣтелями, приговорилъ къ аресту на семь сутокъ". (Пензенск. губ. Краснослободск. у., Лентовскій).

§ 11. Вліяніе постороннихъ лицъ на волостные суды.

Волостные суды, стоящіе вполнѣ независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній и на высотѣ своего призванія—весьма рѣдко встрѣчаются на практикѣ. По имѣющимся матеріаламъ на такое благопріятное исключеніе указываютъ менѣе одной десятой части всѣхъ представленныхъ описаній.

Огромное же большинство матеріаловъ приводитъ къ выводу, что крупное вліяніе на рѣшеніе волостныхъ судовъ оказываютъ волостные старшины, а еще болѣе волостные писаря. О какихъ либо другихъ вліяніяхъ, дѣйствующихъ на суды непосредственно (а не черезъ писаря или старшину), данныхъ почти не имѣется.*) Вліяніе сельскихъ старостъ въ большинствѣ случаевъ совершенно незначительно и даже не заслуживаетъ вниманія.

Что касается вліянія волостного старшины на рѣшенія волостныхъ судовъ, то необходимо замѣтить, что оно далеко неповсѣмѣстно имѣетъ важное значеніе. Вліяніе старшины болѣе нравствен-

*) Единственный случай въ этомъ родѣ (Смол. губ. Вязем. у. Титовъ). «Въ данной мѣстности есть помѣщикъ Шиловъ. Онъ страшный сутяга, перессорился со всѣми крестьянами. Уже два раза горѣло его имѣніе. Крестьяне по злобѣ поджигали его. Гдѣ намъ, говорятъ крестьяне, судиться съ нимъ, онъ приходитъ въ волостное правленіе прямо на судъ и прямо въ канцеляріи садится рядомъ съ писаремъ и судьями, а ты стоишь на порогѣ, да и то съ оглядкой. Тутъ, братъ, судиться плохо».

наго характера: въ формѣ совѣта, даннаго судьямъ передъ разборомъ дѣла, или просьбы за того или другого тягущагося. Есть волости, гдѣ допускается прямо вмѣшательство старшины въ судоговореніе (Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ). Можно наоборотъ, указать случаи, гдѣ вмѣшательство старшины въ производствѣ дѣлъ въ волостномъ судѣ безусловно не допускается. (Напр. Калужск. у. Лебедевъ).

Совершенно исключительное значеніе имѣетъ вліяніе волостного писаря (или писаря волостного суда, когда дѣлопроизводство суда возложено на особое лицо) на рѣшенія волостныхъ судовъ. Судя по громадному большинству имѣющихся матеріаловъ, вліяніе писарей огромно и является настоящей язвой нашихъ волостныхъ судовъ. Да, оно и понятно. Волостные судьи въ большинствѣ малограмотные, а законовъ совершенно не знаютъ, Волостной же писарь грамотенъ и знаетъ законъ, во всякомъ случаѣ, много лучше судей. Вслѣдствіе этого нигдѣ секретарь такъ не господствуетъ надъ присутствіемъ, какъ здѣсь. Добросовѣстностью же писаря не отличаются, и потому посредствомъ подкупа писаря, тяжущіяся иногда достигаютъ весьма многого. Сравнивая вліяніе старшины и вліяніе писаря, можно сказать, что если первое косвенно, то второе непосредственно въ самомъ прямомъ смыслѣ слова. У писаря вся письменная сторона судебнаго дѣла въ рукахъ: онъ пишетъ протоколъ, онъ же и мотивы рѣшенія, а судьи, менѣе его грамотные, не въ состояніи его пропроконтролировать. Вслѣдствіе этого ему легко употреблять пріемы, посредствамъ которыхъ дѣло должно рѣшиться не по справедливости, а по желанію писаря. Пріемы эти сказываются въ слѣдующемъ:

Одинъ изъ самыхъ главныхъ видовъ злоупотребленій заключается въ умышленно-невѣрномъ изложеніи протокола судебнаго засѣданія. Писарь нерѣдко пишетъ завѣдомо не то, что говорилось и происходило въ засѣданіи. Если потомъ свидѣтелю прочитывается

его показаніе, то писарь читаетъ скороговоркой, такъ что безграмотный свидѣтель не въ состояніи за нимъ услѣдить и злоупотребленіе его проходитъ незамѣченнымъ.

„Я совсѣмъ не того, не такъ показывалъ, да и свидѣтель тоже показывалъ иначе, говоритъ судящійся писарю. Мало-ль, что вы писать будете, отвѣчаетъ писарь, всего не запишешь, потому болтовня одно. Одначе тутъ совсѣмъ по другому.—Что надо, то и писано, а не доволенъ рѣшеніемъ, жалуйся.—Жалоба, жалобой, а все же путать не закопъ.—Что, что? Кричитъ писарь, много ты смыслишь... видно въ кутузку захотѣлъ?—Мужикъ молчитъ, хотя дѣйствительно правъ, такъ какъ писарь по просьбѣ другой стороны совершенно исказилъ показанія первой стороны и сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы дѣло не было выиграно и во второй инстанціи, куда въ большинствѣ случаевъ не являются къ разбору дѣла и гдѣ судьямъ приходится довольствоваться главнымъ образомъ копіями рѣшеній волостного суда“ (Смол. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Искаженіе протокола засѣданія есть, конечно, злоупотребленіе болѣе важное, чѣмъ безсмысленная мотивировка рѣшенія, ибо съ неправильно составленнымъ протоколомъ вынуждена считаться и вторая инстанція. Иногда такое искаженіе протокола дѣлается даже съ тою цѣлью, чтобы дать сторонѣ, недовольной рѣшеніемъ суда, возможность добиться отмѣны его уѣзднымъ съѣздомъ.

Съ тою же цѣлью создать поводъ для отмѣны рѣшенія волостного суда, состоявшагося вопреки желанію писаря, послѣдній пишетъ рѣшеніе съ умышленно неправильной мотивировкой.

Другой видъ злоупотребленій писаря—неосновательные отказы въ пріемѣ просьбъ и жалобъ за неподсудностью волостному суду. Немаловажное значеніе имѣютъ и произвольныя, совершенно невѣрныя ссылки на обычное право. „Ссылки, дѣлаемыя въ приговорахъ на обычаи, составляютъ одну фантазію волостного писаря, особенно когда писарь происходитъ изъ городскихъ обывателей, или изъ ду-

ховнаго званія". (Кромск. у. Козловъ). Затѣмъ еще крупный видъ злоупотребленій—крайнее неравенство въ назначеніи наказаній за совершенно одинаковые проступки. „Драки между пьяными мужиками похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды; благодаря вліянію писаря, судъ приговариваетъ за нихъ къ различнымъ наказаніямъ: одного къ розгамъ, другого къ аресту, третьяго къ штрафу и при томъ въ разной мѣрѣ отъ 10—20 ударовъ, отъ одного до пятнадцати дней и отъ 50 к. до 10 р. Относительно дракъ, есть такія постановленія: какъ зачинщика драки наказать розгами, или арестовать; такъ какъ драка была обоюдная, дѣло прекратить, а то обоихъ подравшихся за нарушеніе общественной тишины и спокойствія наказать розгами. Ясно, что при постановкѣ такихъ противорѣчивыхъ приговоровъ судьи смотрѣли на обвиняемыхъ глазами писаря и руководились его симпатіями и антипатіями къ нимъ. Есть такія постановленія суда, гдѣ писарь попираетъ и законъ и здравый смыслъ: въ книгѣ рѣшеній волостного суда 13 января 1890 года, № 8, записано: Три крестьянскія дѣвушки села Никольскаго просятъ присудить принадлежащую имъ часть недвижимаго имущества, оставшагося послѣ смерти отца ихъ и захваченнаго самовольно мачихою. Послѣдняя на судѣ объяснила, что ничего падчерицамъ дать не желаетъ. Судъ постановилъ въ просьбѣ дѣвицамъ Никитинымъ отказать по преждевременности (вдова была любовницей писаря). Несмотря на то, что отвѣтчики на судѣ признали себя должниками, 11 марта 1890 года за № 18 состоялось постановленіе: а такъ какъ дѣло было у нихъ четыре года тому назадъ, а потому постановили: въ просьбѣ Ефима Егорова за давностью лѣтъ отказать. Наконецъ въ той же книгѣ 1890 г. № 24 написано постановленіе: Артемьева наказать розгами десятью ударами розогъ. А между текстомъ постановленія и подписью судей очень мелко и совсѣмъ другими чернилами написано „за примиреніемъ сторонъ дѣло прекратить" (Новгород. губ. Черен. у. Власовъ).

Привожу другой характерный разсказъ о томъ, какое иногда огромное вліяніе оказываетъ подкупъ писаря на рѣшеніе дѣла, (Смоленск. губ. Краснинск. у. діаконъ Смирягинъ 1897. п. 49).

Въ волостномъ судѣ воротилою всѣхъ дѣлъ является волостной писарь, который принимаетъ отъ разныхъ просителей просьбы и записываетъ ихъ въ установленную книгу жалобъ. Повѣстки разсылаетъ писарь заблаговременно, такъ недѣли за 2—3 до суда, а иногда и наканунѣ разбора дѣла, конечно за подписомъ прелсѣдателя, сдѣлавшаго подпись свою на повѣсткахъ почти за 3 мѣсяца впередъ. Противная сторона, получивъ повѣстку, думаетъ, что дѣлать: отдавать долгъ не чѣмъ, дай схожу къ волостному писарю, тотъ все умнѣе растолкуетъ, онъ человѣкъ хорошій; говоритъ крестьянинъ женѣ, и оба порѣшили идти въ волостное правленіе. Приходятъ въ волость, писарь сидитъ за столомъ съ перомъ въ рукѣ, ласково привѣтствуетъ пришедшаго и руку ему подастъ, окинувъ его глазами съ ногъ до головы и говоритъ ему,—на тебя жалоба подана.—Да я объ этомъ, г. писарь, и пришелъ къ вашей милости. Ну теперь не время и не мѣсто съ тобой толковать—знаешь... —Знаю, отвѣчаетъ нуждающійся въ немъ и выходитъ вонъ изъ правленія. Ставъ на крыльцѣ зданія, думаетъ, что дѣлать: домой ли идти или еще куда? Почесавъ въ затылкѣ, надумалъ: нужно идти въ кабакъ и взять для писаря горькухи, она ему очень пользительна. Приходитъ въ кабакъ и по совѣту сидѣльца беретъ на 45 коп. горькухи и отправляется въ жилое уже помѣщеніе писаря, ставитъ бутылку на столъ и сидитъ тамъ до прибытія писаря. Писарь, кончивъ дѣло, идетъ домой, гдѣ встрѣчаетъ на столѣ полштофъ съ виномъ и съ восторгомъ говоритъ посѣтителю,—вотъ самая порція передъ обѣдомъ, и бросаетъ взглядъ подъ кровать, гдѣ всегда помѣщаются бутылки съ пивомъ, приносимыя посѣтителями, но не найдя ни одной бутылки, говоритъ посѣтителю: когда дѣло дѣлать,—такъ дѣлать. Крестьянинъ догадывается въ чемъ

дѣло и спрашиваетъ чего не достаетъ?—Да какъ же, сейчасъ ко мнѣ придетъ предсѣдатель суда и ему надо горло заткнуть, чтобы онъ за тебя въ судѣ словечко промолвилъ. Значитъ надо сходить за пивомъ, а его въ кабакѣ нѣтъ, что же купить для него?—Наливки, коли пива нѣтъ, жретъ, отвѣчаетъ писарь,—ладно, говоритъ крестьянинъ и отправляется въ кабакъ, откуда приноситъ наливку. Въ это время является предсѣдатель суда. Садятся обѣдать, писарь съ семействомъ и предсѣдатель. Писарь за два пріема осушилъ свою бутылку, а предсѣдатель долго чванился. Нужно, говоритъ послѣдній, Ивана на судѣ защитить, онъ еще поднесетъ, а у истца и безъ его долга денегъ много. Ну, будь покоенъ, все будетъ по нашему. А писарь говоритъ Ивану, когда предсѣдатель уѣхалъ: я даромъ хлопотать не буду, если хочешь дѣло выйграть, давай 3 рубля, а если судьи будутъ не на твоей сторонѣ, то я все сдѣлаю такъ, что постановленіе ихъ на съѣздѣ отмѣнятъ, это въ моихъ рукахъ. Подошли и др. просители, къ которымъ обратился такъ: ты Дарья, представь мнѣ пять рублей и мы прикажемъ сельскому сходу составить приговоръ, чтобы отъ Прокона Григорьева отнять надѣлъ земли и представить твоей двухлѣтней дочери, которая хотя по праву и не можетъ пользоваться землею, но это дѣлаемъ только для тебя, а г. земскій начальникъ два раза отказывалъ сходу въ таковомъ приговорѣ. А ты, Степанъ, давай 10 р., мы составимъ духовное завѣщаніе зятю твоему, онъ все подпишетъ дочери твоей и хотя онъ умретъ, она всѣмъ имуществомъ и землею будетъ пользоваться, нужно утвердить завѣщаніе, а для этого нужны деньги. Писарь со старшиной отправились къ больному его зятю и застали его едва дышащимъ, а духовное завѣщаніе оставалось только подписать завѣщателю, который былъ уже безъ чувствъ. Писарь взялъ руку больного, обмокнулъ въ чернило и началъ водить своею рукою руку больного подъ завѣщаніемъ. Здѣсь было много сосѣдей, но многихъ писарь выпроводилъ изъ избы. Объ этомъ донесли земско-

му начальнику, который по доброте своей не предалъ писаря суду. Настало время судебнаго засѣданія. Вызываются стороны. Писарь, уже закупленный, пишетъ въ протоколѣ показаніе по своему, а не какъ свидѣтель показываетъ. Свидѣтель выясняетъ дѣло своимъ знаніемъ. Писарь пишетъ, что онъ ничего по дѣлу не знаетъ и такимъ путемъ виновный оправдывается. Такимъ образомъ всегда кончаются волостные суды и судьи не обращаютъ вниманія на свидѣтельскія показанія, а какъ писарь записалъ. Кто заплатитъ писарю—тотъ и правъ.

§ 12. Отводы судей въ волостныхъ судахъ.

Законъ (ст. 119 Общ. Пол. о кр. пзд. 1902 г.) говоритъ: „въ рѣшеніи каждаго дѣла, разсматриваемаго волостнымъ судомъ, должны участвовать не менѣе трехъ судей, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя. Волостной судья не въ правѣ принимать участія въ разрѣшеніи дѣла, касающагося его самого или неотдѣленныхъ членовъ его семейства".

Какъ видно, рамки, указанныя закономъ для права сторонъ въ дѣлѣ отводить судей и для обязанности самихъ судей устранять себя отъ разбора дѣлъ—весьма узки. На практикѣ однако какъ отводъ волостного судьи, такъ и устраненіе имъ себя происходятъ въ гораздо болѣе обширномъ кругу случаевъ. Приведу каждый изъ этихъ случаевъ. Именно, на практикѣ допускается отводъ судьи или самъ судья устраняетъ себя:

2) когда онъ состоитъ вообще въ близкомъ родствѣ, либо свойствѣ, а иногда и кумовствѣ или сватовствѣ съ одной изъ сторонъ, участвующихъ въ дѣлѣ.

2) когда судья матеріально заинтересованъ въ исходѣ дѣла;

3) когда судья состоитъ въ тяжбѣ съ одной изъ сторонъ;

4) когда одною изъ сторонъ въ дѣлѣ является то сельское

общество, къ которому принадлежитъ судья и отъ котораго онъ выбранъ кандидатомъ судьи;

5) когда судья подлежитъ допросу въ качествѣ свидѣтеля по тому же дѣлу.

Кромѣ того по практикѣ автора настоящаго труда необходимо указать на то, что уѣздные съѣзды признаютъ обязательнымъ устраненіе не только судей отъ извѣстныхъ дѣлъ, но цѣлыхъ волостныхъ судовъ. Такъ кассируются и передаются другому волостному суду дѣла въ коихъ стороною является волостной старшина, той же волости, либо предсѣдатель суда или неотдѣленный членъ семьи предсѣдателя суда, разобравшаго дѣла, хотя бы въ послѣднемъ случаѣ предсѣдатель суда и устранилъ себя отъ разбора дѣла.

ГЛАВА IV.

Участвующія въ процессѣ лица.

§ 13. Порядокъ вызова въ судъ тяжущихся. Послѣдствія неявки въ судъ.

Законъ (ст. 118 Общ. Пол. о кр. изл. 1902 года) требуетъ, чтобы волостной судъ собирался не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, преимущественно по воскреснымъ и другимъ праздничнымъ днямъ. Въ случаѣ надобности, волостной старшина вправѣ созывать его и чаще, въ другіе дни. Изъ этого требованія закона слѣдуетъ періодичность засѣданій волостного суда. Бываетъ и такъ, что росписанія этихъ засѣданій составляются на цѣлый годъ впередъ и утверждаются земскимъ начальникомъ (Псковск. губ. Порховск. у. Куницынъ), но этого законъ не требуетъ. Во всякомъ случаѣ время судебныхъ засѣданій заранѣе извѣстно судьямъ и въ большинствѣ случаевъ судьи являются безъ спеціальнаго вызова. Бываетъ и такъ, что предсѣдатель суда сообщаетъ членамъ онаго о днѣ засѣданій на словахъ. Что касается вызова сторонъ и свидѣтелей, то они приглашаются самимъ судомъ повѣстками. Повѣстки эти посылаются властью предсѣдателя суда и за его подписью. Передаются они волостному старшинѣ, послѣдній же направляетъ ихъ сельскимъ старостамъ для врученія тѣмъ, кому онѣ адресованы. Второй экземпляръ повѣстки возвращается суду по врученіи перваго экземпляра адресату.

Когда волостной судъ созванъ спеціально старшиной, согласно праву, предоставленному ему по закону, онъ же приглашаетъ какъ судей, такъ и сторонъ и свидѣтелей.

Законъ (ст. 133 Общ. Пол.) говоритъ, что въ назначенный для разбирательства день, стороны, если онѣ принадлежатъ къ числу лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, обязаны явиться въ судъ лично. То же говоритъ ст. 134 относительно свидѣтелей, если они также принадлежатъ къ числу лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду. Въ виду такого указанія закона съ одной стороны, и не указанія на право суда подвергать спеціальному штрафу за неявку въ судъ—съ другой, юридически возможно и на практикѣ нерѣдко бываетъ сообщеніе судомъ о неявкѣ сторонъ или свидѣтелей волостному старшинѣ для наложенія для нихъ административнаго взысканія. Согласно ст. 79 Общ. Пол., такое взысканіе можетъ состоять въ назначеніи на общественныя работы до двухъ дней, штрафа до одного рубля и ареста до двухъ дней. Въ матеріалахъ есть указаніе на штрафы до пяти рублей и даже наказаніе розгами до 15 ударовъ за неявку свидѣтеля—(Псковск. губ. Пороховск. у. Куницинъ), но такіе случаи надо признать явно незаконными.

Оштрафованіе волостнымъ судомъ сторонъ за неявку имѣетъ мѣсто рѣдко. Весьма употребительно однако прекращеніе даже гражданскаго дѣла въ случаѣ неявки истца въ судъ (что незаконно). Прекращеніе же частно-уголовнаго дѣла въ случаѣ неявки обвинителя обязательно по закону. Неявка обвиняемаго или отвѣтчика, въ большинствѣ случаевъ, не останавливаетъ производства дѣла, а влечетъ за собою заочное рѣшеніе дѣла.

§ 14. Право тяжущихся замѣнять себя на судѣ ближайшими родственниками.

Законъ (ст. 133 Общ. Пол.) говоритъ, что лица, проживающія внѣ предѣловъ волости и далѣе 15 верстъ отъ мѣста нахож-

денія суда, имѣютъ право замѣнить себя представителемъ изъ числа своихъ родныхъ, домашнихъ или односельцевъ, если только эти послѣдніе не занимаются ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе. Такая замѣна можетъ быть разрѣшаема судомъ также и другимъ лицамъ, при существованіи уважительныхъ причинъ, препятствующихъ личной ихъ явкѣ къ разбирательству.

Переходя къ разсмотрѣнію имѣющихся данныхъ о практическомъ примѣненіи только что указаннаго закона, нужно указать, что вообще онъ толкуется ограничительно.

Такъ, напримѣръ, есть суды, гдѣ замѣна тяжущагося родственникомъ допускается только подъ условіемъ письменной довѣренности. Есть, наоборотъ, случаи, гдѣ признается достаточнымъ словесное заявленіе одного только довѣреннаго. Наиболѣе утвердившимся представляется однако обычай, по которому допускаются лишь родители за дѣтей и наоборотъ, одинъ супругъ за другого и младшій членъ семьи за старшаго и на оборотъ, но при условіи, что замѣняющій живетъ въ одной общей семьѣ съ замѣняемымъ. Иногда тотъ же признакъ употребляется для допущенія замѣны безъ письменной довѣренности. Когда же замѣняющій и замѣняемый живутъ не въ одной семьѣ, требуется письменное удостовѣреніе о порученіи явиться въ судъ. Таковы существующіе на практикѣ варіанты въ примѣненіи вышеописаннаго закона. Замѣна свидѣтелей не допускается, но возможенъ, согласно ст. 134 Общ. Пол. въ нѣкоторыхъ случаяхъ допросъ ихъ по мѣсту ихъ жительства черезъ полицію или волостного старшину.

§ 15. Адвокаты по крестьянскимъ дѣламъ.

Для точнаго выясненія объема дѣятельности крестьянской адвокатуры необходимо, прежде всего, указать на законодательныя постановленія, непосредственно ее затрагивающія.

Въ волостныхъ судахъ по правиламъ 1889 года замѣна стороны повѣреннымъ, занимающимся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ въ видѣ промысла, не допускается (Общ. Пол. о крестьян. изд. 1902 года, ст. 133) замѣна стороны кѣмъ либо изъ ея родственниковъ и даже односельчанъ допустима въ уважительныхъ случаяхъ, также указанныхъ закономъ или принятыхъ судомъ. Въ томъ же случаѣ, когда участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ является цѣлое общество, оно обязано представить въ судъ уполномоченныхъ. Эти уполномоченные выбираются большею частью изъ числа крестьянъ, наиболѣе опытныхъ въ судебныхъ дѣлахъ, хорошихъ говорильщиковъ, людей толковыхъ и дѣловитыхъ.

По общественнымъ дѣламъ на судъ крестьяне выбираютъ изъ своей среды говорильщиковъ, тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и выборныхъ на разныя общественныя должности, при чемъ отдаютъ предпочтеніе тѣмъ, которые болѣе смѣлы, упрямы, а не тѣмъ, которые умнѣе и потому могли бы быть дѣльнѣе. Выборнымъ говорильщикамъ по общественному дѣлу полагается отъ міра содержаніе за всѣ дни, которые они проведутъ въ дорогѣ по дѣламъ общества, а также и дорога на счетъ общества. Если по желѣзной дорогѣ и подвода, если лошадьми. Говорильщики весьма бываютъ довольны своимъ положеніемъ и можно сказать гордятся передъ своими сельчанами. На судѣ противъ другихъ крестьянъ, пришедшихъ на судъ держать себя болѣе важно, какъ бы говоря: объ насъ плохо не думай—мы-де повѣренные цѣлаго общества. Да и при отвѣтахъ судьямъ держатъ себя какъ то своболнѣе, сравнительно съ пришедшими по своему дѣлу. Таковые говорильщики и выпиваютъ за общественный счетъ. Придя домой, одинъ передъ другимъ начинаютъ выставлять свои заслуги передъ обществомъ на судѣ. Былъ случай выбора говорильщика и вообще ходока на судъ отъ лица нѣсколькихъ крестьянъ, обвиняемыхъ однимъ владѣльцемъ въ томъ, что они среди лѣта, несмотря на условія ушли съ работъ. Нѣкъ

былъ предъявленъ въ рублей 400 и вотъ обвиняемые изъ своей среды выбрали говорильщика, дали ему довѣренность и конечно, заплатили за это и напоили винцомъ. (Орловск. губ. Карачевск. у. Морозовъ).

По дѣламъ, производящимся у земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и въ уѣздныхъ съѣздахъ, законъ въ принципѣ допускаетъ замѣну сторонъ повѣренными. Для права быть повѣренными постановленія закона различны относительно дѣлъ уголовныхъ съ одной стороны и гражданскихъ съ другой (прил. къ п. 4 ст. 5 и ст. 8 прав. произв. суд. 29 декабря 1889 года) обобщая это различіе, надо сказать, что по уголовнымъ дѣламъ повѣреннымъ можетъ быть всякій, кромѣ тѣхъ, кому это спеціально запрещено—напримѣръ лицъ несовершеннолѣтнихъ, учащихся, имѣющихъ духовное званіе, опороченныхъ по суду, исключенныхъ изъ обществъ, сословій и изъ духовнаго званія). По гражданскимъ дѣламъ повѣреннымъ можетъ быть не всякій, а лишь тотъ, кто получилъ на сіе спеціальное разрѣшеніе отъ уѣзднаго съѣзда, при чемъ съѣздъ можетъ отказать въ правѣ ходатайства по чужимъ дѣламъ не по однимъ только формальнымъ основаніямъ, но и дискреціонною властью.

Таковы постановленія закона. Зная ихъ, мы уже безъ труда можемъ замѣтить характерные типы деревенскихъ адвокатовъ. Первый изъ нихъ—лица, вовсе не имѣющія права практики и занимающіеся лишь составленіемъ прошеній. Такъ какъ послѣднія подписываются не адвокатами, а самими заинтересованными лицами, то совершенно понятно, что дѣятельность такихъ адвокатовъ не можетъ подлежать никакому контролю и, не нуждаясь въ дозволеніи, тѣмъ самымъ не требуетъ никакого ценза ни участеннаго, ни, тѣмъ болѣе, нравственнаго. Нѣсколько выше, въ смыслѣ нравственнаго ценза, стоятъ лица, имѣющія права практики по дѣламъ уголовнымъ, и значительно выше, какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и нравственномъ, стоятъ тѣ, кто имѣетъ спеціальное разрѣшеніе на веденіе гражданскихъ дѣлъ.

Этимъ намѣченнымъ мною типамъ ходатаевъ по чужимъ дѣламъ почти соотвѣтствуютъ два главныхъ типа адвокатовъ, существующихъ въ дѣйствительности: типъ мелкаго деревенскаго ходатая съ одной стороны, все равно будь то горожанинъ или крестьянинъ, и типъ болѣе крупнаго городского повѣреннаго—съ другой. Послѣдній живетъ въ уѣздномъ городѣ и къ нему стекаются жители уѣзда по дѣламъ представляющимъ болѣе крупный интересъ.

Наиболѣе распространенный типъ деревенскаго „аблаката"—типъ недоучки, или вѣрнѣе неудачника, оказавшагося неспособнымъ ко всякому другому болѣе производительному занятію и составляющаго всевозможныя прошенія за плату. Такой „адвокатъ", ничему не научившійся и ничего не знающій, единственный интересъ котораго заключается въ мелкомъ заработкѣ на хлѣбъ или чаще, на водку, разумѣется, приноситъ крестьянскому населенію одинъ только вредъ, побуждая къ предъявленію множества неосновательныхъ исковъ, жалобъ и домогательствъ. „Происходятъ эти люди большею частью изъ недоучившихся сыновей лицъ духовнаго званія, изъ выгнанныхъ со службы волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ, изъ бывшихъ письмоводителей земскихъ начальниковъ и становыхъ, словомъ изъ разныхъ неудачниковъ, не могущихъ пріискать себѣ постоянныхъ занятій, сомнительной нравственности и почти всегда пьяныхъ. Берется обыкновенно такой аблакатъ за всякое дѣло—правое и неправое, и, благодаря обилію дѣлъ онъ бываетъ всегда, по народному выраженію, сытъ, пьянъ и носъ въ табакѣ". (Тихвинск. у. Закатовъ). „Деревенскими адвокатами бываютъ обыкновенно недоучки, поповичи, прогнанные со службы писаря и изъ своихъ крестьянъ, насобачившіеся съ отточенными языками, которые не брезгаютъ и маленькими подачками вродѣ полбутылки водки, они въ достаточномъ количествѣ имѣются при каждой волости". (Вяземск. у. Гриневъ). „Лебедевъ явился въ наше село въ качествѣ цирульника, но такъ какъ это ремесло не можетъ служить достаточнымъ средствомъ къ жизни, то

онъ занялся адвокатурой. Другой адвокатъ Новенскій, тоже изъ Ветлуги, не имѣетъ ни знаній, ни опытности Лебедева, но едва ли не превосходитъ его совѣстностью. Переплетчикъ по профессіи, онъ за прошенія бралъ почти исключительно бутылками вина. Одна дѣвка изъ богатаго дома вступила въ связь съ сосѣдомъ—парнемъ и забеременѣла. Тогда родители, въ видахъ огражденія чести своей дочери, обратились къ Невенскому, который и составилъ отъ имени парня росписку съ обѣщаніемъ жениться на ней. Дѣло пошло по суду и подлогъ открыли, Невенскаго сослали въ Сибирь на поселеніе". (Вологодск. губ. Никольск. у. Иваненскій). „Говорильщиками бываютъ или крестьяне, или бывшіе писаря, пропойцы, или же отставные и прогнанные со службы чиновники". (Рязанск. губ. Скопинск. у. Чепуринъ).

Другой, менѣе вредный для населенія типъ деревенскаго адвоката—ходатай изъ мѣстныхъ же крестьянъ. Таковы, напримѣръ, бывшіе волостные старшины и судьи или лица, занимавшіе вообще какую либо общественную должность. Крестьяне этого типа—въ большинствѣ случаевъ люди зажиточные и имѣющія нѣкоторыя практическія свѣдѣнія по судебнымъ дѣламъ.

Привожу рядъ характерныхъ описаній типовъ деревенскихъ ходатаевъ.

Уваженіе народа вообще къ знанію судебной практики заставляетъ народъ уважать не только настоящихъ адвокатовъ, но и разныхъ эксплоататоровъ, выдающихъ себя за знатоковъ закона. Вслѣдствіе этого какой нибудь отставной волостной писарь, выгнанный со службы за взятки и пьянство, нерѣдко пользуется въ народѣ уваженіемъ и даже почетомъ, какъ „лихой докa" по судебной части. Такимъ докой въ Сосницкой волости и за ея предѣлами считается безземельный крестьянинъ д. Фателькова Орловъ. Онъ сынъ діакона, выгнанный за лѣность и дурное поведеніе изъ духовнаго училища и лишенный затѣмъ, за кражу, духовнаго званія. Въ нѣкоторое время

онъ служилъ въ канцелярiи полицейскаго управленiя, а потомъ во многихъ волостяхъ своего и сосѣднихъ уѣздовъ и благодаря взяточничеству и вообще проступкамъ по службѣ, получилъ такую извѣстность, что его рѣшительно нигдѣ не стали принимать на должности. Тогда Орловъ началъ заниматься народной адвокатурой. Онъ берется за какое угодно дѣло и нерѣдко запутываетъ своего клiента умышленно, чтобы болѣе отъ него попользоваться. За написанiе прошенiя онъ беретъ отъ одного до 5 рублей, смотря по состоянiю клiента, а также и по его дѣлу. За руководство дѣломъ, которое должно рѣшаться въ нѣсколькихъ инстанцiяхъ, беретъ отъ 20 и до 50 руб. и болѣе, и находятся такiе простаки, которые выплачиваютъ означенную сумму, несмотря на то, что „лока аблакатъ“ во многихъ случаухъ обманываетъ своихъ просителей самымъ очевиднымъ образомъ. (Смоленск. г. Юхновск. у. Кушнеревъ).

Говорильщикъ или адвокатъ по крестьянскимъ дѣламъ, большею частью бываютъ изъ тѣхъ крестьянъ, которые въ обществѣ избираются судьями и вообще занимаются по судейской части. Въ Мѣшковой находятся въ настоящее время только „три“ знаменитыхъ говорильщика. Изъ нихъ Лукьянъ Передѣльскiй считается даже среди судей своей волости за самаго популярнаго. Про Лукьяна знаютъ не только въ своей волости, но и въ другихъ волостяхъ. Началъ онъ свою дѣятельность недавно, лѣтъ пять тому назадъ. Лукьянъ сначала жилъ вмѣстѣ съ братьями и, такъ какъ въ семействѣ управлялись и безъ него, то онъ большею частью находился на чужой сторонѣ. Лѣтъ шесть тому назадъ онъ отдѣлился отъ своихъ братьевъ, тѣ почему то не выдали ему полной части изъ имущества и онъ началъ съ ними судиться. Судъ присудилъ въ его пользу. Лукьянъ еще нѣсколько разъ судился съ братьями, а потомъ и съ посторонними и постоянно одерживалъ верхъ. Но самую славу онъ получилъ года два тому назадъ, когда былъ на судѣ по довѣренаго у земскаго начальника за драку, такъ что крестьяне думали,

что дравшагося обязательно посадятъ въ острогъ. А между тѣмъ земскій начальникъ разсудилъ дѣло безъ послѣдствій, потому что была обоюдная драка. Крестьяне это приписали искусству Лукьяна. Крестьяне не любятъ его, но уважаютъ и бояться. За глаза называютъ его сутягой, плутомъ, а при встрѣчѣ низко ему кланяются и называютъ Лукьянъ Петровичъ. Остальные говорильщики такіе же, какъ и Лукьянъ, хотя и не такъ плутуютъ, какъ онъ. Вознагражденіе говорильщикъ беретъ не равное глядя по дѣлу: если дѣло не особенно большое, то берутъ по 75 коп. за день и подвода хозяина, за кого онъ бываетъ на судѣ; если же дѣло предстоитъ серьезное, большое, то говорильщикъ менѣе рубля за день не беретъ. Угощеніе, конечно, бываетъ на счетъ нанимающаго. Говорильщика скорѣе выберутъ въ волостные судьи, старшины въ старосты. (Болховск. у. Костинъ).

Въ нашей волости остался одинъ доморощенный адвокатъ, крестьянинъ Иванъ Бѣляевъ. Бѣляевъ слишкомъ 35 лѣтняя пьявка крестьянинъ Шухтовской волости. До освобожденія онъ былъ казачкомъ въ домѣ своего помѣщика, гдѣ какъ то ухитрился читать и писать, а послѣ 19 февраля возвращенъ въ деревню къ отцу. Барскій слуга не привыкъ къ тяжелому и грязному труду земледѣльца, нашелъ себѣ занятіе полегче, въ должности помощника волостного писаря въ Шухтовскомъ правленіи; затѣмъ вскорѣ сдѣлался писаремъ, а черезъ три года волостнымъ старшиной и почти безсмѣнно состоялъ въ этой должности до 1887 года. Много разсказовъ ходитъ между здѣшними жителями про то, какъ Бѣляевъ, состоя старшиной, „пилъ кровь крестьянскую“ („много онъ выпилъ кровушки изъ насъ“, жаловался мнѣ одинъ старикъ), но мошенничества Бѣляева описывать не буду, скажу лишь, что унаслѣдовавъ отъ отца полуразвалившуюся хату и одну коровенку, въ 1887 году вышелъ изъ старшинъ очень состоятельнымъ человѣкомъ, хотя жалованія получалъ только сто рублей въ годъ: къ этому времени у

него выстроенъ просторный домъ въ нѣсколько комнатъ, полный какъ чаша добра всякаго, и торговля краснымъ товаромъ. За время долголѣтней службы старшиной, Бѣляевъ, по выраженію крестьянъ „наблашнился“ въ дѣлахъ т. е. постигъ суть крючкотворства и какъ ловкій и смѣтливый человѣкъ обратилъ его въ ремесло,—сдѣлался адвокатомъ и пишетъ крестьянамъ всевозможныя прошенія для подачи во всевозможные суды, пишетъ условія, довѣренности, духовныя завѣщанія, векселя, расписки и даже простыя письма. За работу беретъ все, что кто можетъ только дать, деньгами, работой всякой, яйцами, масломъ, овчинами, мясомъ, хлѣбомъ и др. всякими продуктами крестьянскаго хозяйства. Цѣна назначается смотря по важности дѣла: напишетъ прошеніе за 20—30 копѣекъ, возьметъ за прошеніе и пять рублей. Мужики часто обращаются къ Бѣляеву и хвалятъ его „писанье“, „напишетъ, да какъ почнетъ вычитывать—ажно иное слеза пробьетъ“. Вотъ маленькая выписка изъ написаннаго Бѣляевымъ прошенія съ сохраненіемъ орѳографическихъ ошибокъ:“

„По сему настоящему дѣлу волост. судъ 19 апрѣля 1898 года разбиралъ жалобу просителя, которую нашолъ что свидѣтельскимъ показаніемъ въ полнѣ подтвержена въ слѣдствіе чего на основаніи 17—25 и 33 вр. пр. о вол. суд. и 38 ст. уст. о нак. нал. миро.: суд. приговорилъ меня заочно на 10 дней“. (Изъ апелляціон. прошенія).

Хоть и говорятъ, что Бѣляевъ пишетъ жалобно, но добраго слова о немъ никто не скажетъ. „Деретъ подлецъ съ живого и съ мертваго, съ праваго и виноватаго, а выйдетъ ли еще что“. Хорошо иллюстрируетъ отношеніе народа къ адвокатамъ, да пожалуй и взглядъ народный на нихъ, случай, бывшій въ сосѣдемъ Шухтовскомъ волостномъ правленіи: въ 1869 году волостной судъ приказалъ выпороть адвоката—крестьянина, явившагося въ судъ для защиты дѣла, чтобъ не мутилъ народъ. (Черепов. у. Власовъ).

Въ прежнее время тяжущіеся нерѣдко избирали на судъ за себя адвокатовъ, въ особенности въ мировыхъ судахъ, но съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, роль деревенскихъ адвокатовъ, какъ говорильщиковъ на крестьянскихъ судахъ, сошла со сцены; но нельзя сказать, чтобы адвокатъ не имѣлъ значенія въ деревнѣ и въ настоящую пору. Безъ адвоката, глядишь, и не пошелъ бы иной разъ крестьянинъ въ судъ потому, что не знаетъ какъ и дѣло начать, другой и пойдетъ самъ, да броситъ въ первой инстанціи, когда узнаетъ, что его соперникъ, съ адвокатомъ совѣтовался, надо и себѣ найти. Типъ деревенскаго адвоката — особенный крайне не желательный въ деревнѣ, но крестьянинъ его любитъ, не смотря на то, что сознаетъ, что не будь его — онъ рѣже бы ходилъ на судъ. Деревенскихъ адвокатовъ можно разбить на два разряда. Первый горожанинъ. Какой либо отставной писарь мирового судьи или пропившійся чиновникъ, живущій чуть не постоянно въ кабакѣ и подыскивающій тамъ себѣ кліентовъ — самый опасный типъ въ томъ смыслѣ, что не къ нему идетъ тяжущійся, а онъ его завлекаетъ и находитъ и наталкиваетъ на судъ. Обыкновенно въ базарный день онъ ютится въ какомъ либо базарномъ трактирѣ или кабачкѣ. Если и на домъ къ нимъ кліентъ зайдетъ, то бутылка на первомъ ходу.

Подобные имъ встрѣчаются въ деревнѣ -адвокаты, самоучки, конечно, тѣ и другіе безъ правъ. Живя въ деревнѣ, они занимаются торговлей мелкой или земледѣліемъ и какъ подспорьемъ къ своему хозяйству — адвокатурой. Пишутъ прошенія въ разные инстанціи судовъ и кромѣ этого даютъ разные совѣты крестьянамъ, которые иной разъ дорого обходятся таковымъ. Бѣда той деревнѣ и тому раіону, въ которомъ поселился этотъ типъ деревенскаго адвоката. Былъ такой въ сосѣдней съ описываемой мѣстностью случай и крестьяне не знали какъ избавиться отъ него. — „Бѣда, одно слово, всѣхъ пересудилъ. Дѣло не дѣло, лишь бы только кто о чемъ по-

жаловался ему, такъ себѣ въ разговорахъ: а онъ сейчасъ и на судъ подстрекаетъ. Конечно, онъ на свою руку бьетъ: хобару лишь бы заполучить".

Былъ и въ нашей мѣстности такой года два три тому назадъ съ крестьянами онъ просто—барина изъ себя не играетъ, но только авторитетность свою любитъ выставлять на показъ. Если ему что либо говорятъ про волость, или судъ, онъ начинаетъ горячиться. Что они тамъ говорятъ? Вамъ они говорить могутъ—вы ротъ разинете, да и слушаете басни ихъ, они сами еще въ законахъ не дюже тяжелы. Сказали бы они мнѣ, я имъ бы разсказалъ бы. А ты пиши ка, что я тебѣ, да и валяй туда. Пусть не возьметъ, мы еще мѣсто найдемъ и дальше. И авторитетъ его вслѣдствіе такихъ изворотовъ рѣчи растетъ. Ты, дядя Митрій, про его плохо не кажи: онъ и судей за поясъ заткнетъ. У него, кажутъ, такая книга есть, что усѣ законы посписаны. Видалъ, что на столѣ то лежитъ—толстая въ одну книгу усѣ книги собраны, и синяя, и красная, и зеленая, глянько, что твоя библія лежитъ. Разсказываетъ, что она ему отъ стараго барина досталась, тотъ по судамъ дока была. Вотъ и изъ заграницы выпечаталъ тамъ что съ нимъ бывало, не одинъ баринъ, у судъ не станетъ уступать. Усѣ изворотьі знаетъ. Приходитъ обыкновенно крестьянинъ къ таковымъ, не стѣсняясь. Пріѣдетъ, еще поругается, сядетъ на лавкѣ, либо на крылечкѣ, закуритъ отъ одной бумажки цигарочку,—поговорятъ о хозяйствѣ, еще кое-какихъ непричастныхъ дѣлу вещахъ и затѣмъ уже приступитъ къ объясненію цѣли своего посѣщенія.

Адвокатъ разсматриваетъ представленные ему документы, переворачиваетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Думаетъ и наконецъ говоритъ: „Что дуракъ, что до сихъ поръ ждалъ. Ну все равно: мы за все взыщемъ". Дѣлаетъ опросы, которые и накидываетъ на бумагѣ и обѣщаетъ прошеніе приготовить къ завтра. Бываетъ, что сначала заводитъ торгъ, который всегда улаживается. Проситель затѣмъ заводитъ какой либо другой разговоръ.

Сторонскіе—т. е. жители сосѣднихъ деревень, приходя къ адвокату такому безъ всякихъ предисловій приступаютъ къ дѣлу высказывая цѣль своего посѣщенія, выкидывая сразу принесенный подарочекъ и прося написать прошеніе. Бабы несутъ холстъ, яйца, куренка, мужики деньги и ветчину, поросенка, гусенка. Придя и изложивъ цѣль своего прихода, проситель въ заключеніе вытаскиваетъ изъ мѣшочка принесенный подарочекъ. –Вотъ я тебѣ сударь мой за хлопоты подарочекъ принесъ. Прими, только пожалѣй меня, жалкова, ужъ я въ долгу не останусь, поплачусь еще чѣмъ либо. Вотъ свинка опоросится – сосочка принесу. Деньгами за написаніе прошенія меньше 10 коп. не берутъ. Сторонскіе рѣдко приходятъ за совѣтами, а идутъ прямо прошеніе написать. Подать писанную просьбу считается болѣе цѣннѣе. Самъ то усего не скажетъ, да и казать то станетъ и усѣ какъ то не такъ, какъ на бумагѣ, да ктому же привычны къ этому дѣлу напишетъ, али нашъ братъ кажетъ—совсѣмъ другое дѣло выйдетъ—обыкновенно говорятъ крестьяне и потому не жалѣютъ двугривенныхъ. На бой идешь скульевъ беречь нечего (Карачевскій у. Морозовъ).

Приводимъ наиболѣе характерныя описанія типовъ городскихъ адвокатовъ, практикующихъ по болѣе сложнымъ дѣламъ. Обобщить эти разсказы было бы произвольно, но если судить по нимъ, едвали можно признать, чтобы помощь подобныхъ повѣренныхъ, даже и получившихъ официально право на веденіе чужихъ дѣлъ, могла быть признана сколь нибудь удовлетворительной.

„Это типъ, знающій себѣ цѣну и живущій совсѣмъ особымъ образомъ отъ вышеописанныхъ. Живетъ онъ въ городѣ своимъ домомъ или имѣетъ мало мальски порядочную квартиру. Онъ или опальный адвокатъ или какой либо писарь мирового судьи—словомъ тоже безъ правъ голоса на судѣ, но человѣкъ болѣе знающій и не только эксплоатирующій, какъ первые два. Хотя онъ и беретъ дороже несравненно, но уже не старается подстрекнуть одного на

другого, и не дастъ тѣхъ ложныхъ путей къ дѣлу, которые по недоразумѣнію и потому, что лишь бы только схватить что, а тамъ чертъ съ тобой—моей шкурѣ не больно—даютъ первые. И крестьянинъ, если идетъ къ таковымъ, то по болѣе серьезнымъ дѣламъ и вообще можно сказать, что такой адвокатъ болѣе доступенъ только тѣмъ изъ крестьянъ, которые живутъ болѣе или менѣе въ достаткѣ. Относится къ нимъ крестьянинъ съ почтеніемъ. Желая попасть къ нему, войдетъ сначала съ чернаго хода, или просто на просто на кухню освѣдомиться: дома ли баринъ и получивъ утвердительный отвѣтъ посылаетъ прислугу доложить, а то хозяюшку. Для большого апломба адвокатъ заставляетъ обождать съ ½ часика, передавъ, что или занятъ дѣлами, или человѣкомъ, тоже приходящимъ по дѣламъ, несмотря на то, что въ это время или читаетъ газету или потаскиваетъ ребенка. Наконецъ зовутъ, объявляя пришедшему крестьянину, что баринъ зоветъ. Входитъ еще въ корридоръ скинувъ шапку, озираясь на ноги, чисто ли. Войдя, не старается стать на постилку, а прямо на полъ, желая сберечь чистоту постилки, коверъ у церкви господамъ стелятъ—а не нашему брату. Становится въ дверяхъ. Черезъ минуту въ передней показывается фигура адвоката, въ халатѣ. важно выступающаго. Вошедшій отвѣшиваетъ поклонъ. Если кліентъ уже знакомъ, то болѣе мягко освѣдомляется о цѣли посѣщенія: ну что, братецъ ты мой, чѣмъ я тебѣ понадоблюсь. Съ болѣе зажиточными крестьянами вѣрнѣе съ тѣми, отъ которыхъ приходилось болѣе порядочные куши получать, здоровается даже давая руку, и приглашаетъ войти въ кабинетъ и даже присѣсть. И крестьяне, хотя и не упускаютъ изъ виду почтительность, но все же держатъ себя болѣе фомильярно. Пришедшій, стоя, излагаетъ свое дѣло, и тогда адвокатъ, смотря по человѣку, предлагаетъ или же войти съ нимъ въ кабинетъ, или же заставляетъ обождать въ передней, пока онъ послѣ тамъ напишетъ прошеніе. Есть, говорятъ, крестьяне въ Карачевѣ, одинъ изъ та-

ковыхъ, который дѣлаетъ оцѣнку при писаніи прошеній, напримѣръ написать прошеніе на волостной—рубль, къ земскому два, на съѣздъ три и такъ далѣе, смотря по инстанціи. Чѣмъ выше инстанція, тѣмъ и цѣна прошенія выше. Кабинетъ у адвокатовъ послѣдняго типа тоже обставляется съ бьющимъ на эфектъ комфорточъ: больше бумагъ и толстыхъ книгъ. Чѣмъ больше бумагъ на столѣ, тѣмъ больше довѣрія со стороны крестьянъ. Тѣ изъ крестьянъ, которымъ часто приходится притолковаться къ этому сорту адвокатовъ, не забываютъ про нихъ. Онъ и язычекъ къ Святой пришлетъ и баранчика къ Петрову дню. Народъ хотя и идетъ къ адвокату, но смотритъ на нихъ не съ особымъ уваженіемъ. Какой онъ человѣкъ, коли нашимъ и вашимъ служитъ. Ты пришелъ, правъ не правъ онъ за тебя берется. Другой попрежъ пришелъ, онъ за него. Правый, виновный, лишь бы ему деньги платилъ;—онъ всѣхъ защищать будетъ, допрежъ аблакатовъ этихъ не было и судовъ менѣе было и тому под.“ (Карачевск. у. Морозовъ).

„Крестьяне уѣздовъ: Вологодскаго, Кадниковскаго и Грязовецкаго обращаются по большей части къ адвокату-дворянину А. Е. Головачеву, не—юристу. Мужику нуженъ такой адвокатъ, съ которымъ можно говорить свободно. Это именно такой, мужики у него въ комнатѣ ведутъ себя свободно, курятъ махорку, когда хорошо напишетъ, ударяютъ его по плечу. Когда онъ имъ читаетъ написанное, иногда одобряютъ, иногда грубо замѣчаютъ, что этого не нужно, это не было. Но онъ не сердится, развѣ прикрикнетъ хорошенько. Мужики хотятъ, чтобы адвокатъ пилъ вино, а этотъ выпьетъ съ ними принесенную бутылку, а иногда и вторую, что мужикъ дѣлаетъ съ радостью, думая, что пьяный возьметъ дешевле. Если онъ видитъ, что дѣло плохо, научитъ мужика, какъ вывернуться. Такъ напримѣръ д. Поподьина, Макаровъ, проспалъ какъ нибудь оправдать его по обвиненію въ воровствѣ изъ сундука изъ подъ двухъ замковъ. Адвокатъ послалъ его за бутылкой вина.

Когда принесли другую, адвокатъ и началъ объяснять какъ лучше вывернуться. На вопросъ, какъ ты попалъ подъ замокъ въ горницу (гдѣ стоялъ этотъ сундукъ),—скажи, что я былъ въ горницѣ ранѣе, когда она была не закрыта, я пришелъ искать васъ, хозяевъ, и сталъ разсматривать ихъ. Вы же, не осмотрѣвъ комнату, не слышно для меня заперли ее и такимъ образомъ я оказался запертымъ (въ дѣйствительности же онъ забрался подъ кровать). Когда вы ушли къ обѣднѣ и легъ на кровать, рѣшившись васъ дожидаться, такъ какъ замѣтилъ, что мнѣ не выйти. Тутъ моя болѣзнь побудила меня совершить преступленіе (клептоманія, которую объяснилъ ему адвокатъ и велѣлъ найти свидѣтелей). Такъ и въ каждомъ судебномъ дѣлѣ онъ придумываетъ разныя смягчающія вину обстоятельства. Особенно онъ старается какъ не можно больше найти лжесвидѣтелей, хотя имъ приходится принять присягу. Въ Грязовецкомъ уѣздѣ убили мужика. Одинъ изъ преступниковъ Мазалевъ, нанялъ Головачева защитить его, но самъ умирающій при народѣ назвалъ его. Тогда онъ по наученію Головачева нанялъ 8 человѣкъ лжесвидѣтелей, которые припяли присягу, что въ то время какъ били этого крестьянина, онъ находился дома.“ (Вологодскій у. Соколовъ).

Къ настоящимъ адвокатамъ—присяжнымъ и частнымъ повѣреннымъ крестьянину приходится обращаться рѣдко. Юридическая помощь этого рода ему почти недоступна—по дороговизнѣ ея, такъ особенно по дальности разстоянія до губернскаго или уѣзднаго города, гдѣ живетъ присяжный повѣренный.

„Во всемъ Пошехонскомъ уѣздѣ на 100 слишкомъ тысячъ жителей имѣется только одинъ заправскій адвокатъ“. (Пошехонск. у. Баловъ).

„Обращаются крестьяне и къ настоящимъ адвокатамъ, т. е. къ тѣмъ, которые имѣютъ право голоса на судахъ, но только по болѣе крупнымъ дѣламъ, и конечно зажиточные, имѣющіе купленую

землю и по дѣламъ спорнымъ о ней. Къ послѣднимъ же прибѣгаютъ по общественной, т. е. когда судится съ кѣмъ либо общество, оно и нанимаетъ повѣреннаго". (Карачевск. у. Морозовъ).

Знаніе и искусство настоящихъ адвокатовъ однако народъ цѣнитъ и восторгается имъ, когда только ему приходится съ нимъ сталкиваться. Привожу слѣдующій характерный разсказъ:

„Адвокаты и говорильщики на судъ не допускаются. Вообще крестьяне смотрятъ на адвокатовъ съ уваженіемъ (я подразумѣваю присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ). Онъ (адвокатъ) тебѣ со дна моря все достанетъ. Когда еще дѣло было при царѣ Горохѣ, когда сивъ горѣлъ, соломой тушили, и дѣды и прадѣды не запомнятъ, а онъ откопалъ данную. Поди сколько книгъ поднялъ (поднять книги значитъ отыскать документъ давно прошедшаго времени). Хотя и взялъ, да не задаромъ, гдѣ бы намъ отыскать, сторожа каклаго боишься, а онъ, приходитъ это мы къ старшему нотаріусу такъ молъ и такъ, вотъ этому мужику безпремѣнно непремѣнно данная нужна. Били, били, искали, искали, нѣтъ. Какъ въ воду канула. Вижу чиновникъ уже бросилъ книгу, плюнулъ и говоритъ, пропалите вы пропадомъ, пусто вамъ будетъ съ вашимъ мужичкомъ. Меня ажно морозъ по спинѣ прохватилъ, ну, думаю, пропали мои три десятины. Другой бы ушелъ, что же искать, коли нѣтъ, а онъ (адвокатъ) и говоритъ; не было ли у твоего дѣда клички, а нѣтъ прозвища какого. Тутъ только я вспомнилъ, что дѣда и точно Денисовымъ прозывали. Стали искать, въ одинъ секутъ (секулу) нашли. Чиновникъ ажно выругался, что же ты такой сякой, не мазаный, раньше намъ этого не сказалъ, цѣлый часъ бьемся. Дѣдъ твой Денисовымъ писался, а ты говоришь Яшинымъ. Какъ дразнили бывало, не тѣмъ будь помянутъ, разсердился кто ихъ такъ не знаетъ... А дома то у него (адвоката) утромъ я пришелъ, еще спалъ... Баринъ съ барыней ложидаются и офицеръ какой то... Лакей лучше нашего помѣщика одѣмшись (одѣтъ). А законовъ то наставлено

страсть сколько. Ну какъ ему то дѣло проиграть, всѣ статьи знаетъ. Лакей говорилъ: нашъ баринъ не простой повѣренный, присяжный, присягу принялъ, что значитъ никого не обманетъ... А когда вводился я во владѣніе, разбиралось одно дѣло... два аблоката рѣзались (спорили). Одинъ говоритъ: на основаніи такихъ то и такихъ законовъ прошу взыскать, а—другой говоритъ, ты скажи спасибо, что я съ тебя не ищу, потому то и потому то, и тоже все законы... Да вѣдь какъ рѣжутся то. Ну, думаю себѣ, теперь вѣкъ сходится (встрѣчаться) не будутъ. Глядь кончили дѣло, они какъ ни въ чемъ не бывало посмѣиваются и пошли вмѣстѣ курить. А у насъ ежели кто съ кѣмъ судится, слѣдъ за слѣдъ не находятъ (невстрѣчаются), лютуютъ (сердятся) другъ на друга... Такъ передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія крестьянинъ, бывшій у присяжнаго повѣреннаго". (Орловск. губ. Хотын. Сахаровъ).

§ 16. Община, какъ обвинитель по дѣламъ частно-уголовнымъ.

Общество крестьянъ, какъ лицо юридическое, выступаетъ въ качествѣ обвинителя по дѣламъ частно-уголовнымъ обыкновенно тогда, когда является по закону на то имѣющимъ право: именно, когда общество, какъ цѣлое, понесло вредъ или убытки отъ преступнаго дѣйствія. Таковы случаи: лѣсныхъ порубокъ въ общественномъ лѣсу, потравы общественныхъ луговъ, кражи общественнаго сѣна или иного общественнаго имущества, изувѣченіе животныхъ, принадлежащихъ обществу, умышленное уничтоженіе межевыхъ знаковъ, поджоговъ общественнаго имущества и такъ далѣе.

Но кромѣ этихъ случаевъ, когда община имѣетъ непосредственное право выступать въ качествѣ обвинителя, будучи потерпѣвшею въ юридическомъ смыслѣ, на практикѣ нерѣдки случаи, когда цѣлая община беретъ на себя обвиненіе и по такимъ дѣламъ, гдѣ потерпѣвшимъ является отдѣльный домохозяинъ, общество же несетъ лишь

косвенный вредъ, да и то съ большею натяжкою этотъ вредъ уловимъ. Таковы напримѣръ случаи обвиненія обществомъ отдѣльныхъ крестьянъ въ безпатентной торговлѣ виномъ (Данил. Любимовск. Романо-Борисоглѣбск. у. Баловъ); другой болѣе характерный примѣръ привожу полностью.

„Въ одномъ дѣлѣ вступается цѣлое общество за простую и ничтожную по совѣсти кражу (гражданскій искъ за украденные портки судомъ ограниченъ 20 коп.), совершенную у одного изъ членовъ общества, фактъ кражи подтверждаетъ своимъ приговоромъ и поручаетъ сельскому старостѣ привлечь воровку къ отвѣтственности. Я былъ поставленъ въ тупикъ, не зналъ чему приписать заботу цѣлаго общества объ убыткѣ 20 копеекъ, который понесъ только одинъ крестьянинъ, а не все общество, поэтому обратился за разъясненіемъ къ осѣевскимъ мужикамъ и оказалось, что воровка Семенова занималась кромѣ того, сближеніемъ молодыхъ дѣвушекъ съ холостыми парнями, давая имъ пріютъ для разврата въ своей избенкѣ и получая отъ послѣднихъ за это деньги и украденные ими у родителей домашніе продукты: муку, крупу, мясо, и т. п., чѣмъ сильно возбудила противъ себя общество. Если бы кража портковъ была произведена другимъ лицомъ, обществу неантипатичнымъ, крестьяне, вѣроятно, только посмѣялись бы, но такъ какъ въ сводничествѣ они Семенову уличить не могли, а фактъ кражи между тѣмъ на лицо, то общество вздумало хоть этимъ донять ее: авось, молъ, свидѣтельству цѣлаго селенія судъ больше придастъ вѣры и построже накажетъ виновную“. (Черепов. у. Власовъ).

Можно указать еще на случаи когда общество за понесенный имъ вредъ или убытокъ само своимъ судомъ расправляется съ виновными, но подобныя дѣйствія должны быть подводимы уже подъ категорію самосуда. Таковъ, напримѣръ обычай, существовавшій въ томъ же Череповецкомъ уѣздѣ,—наказывать общественнымъ судомъ за запрещенный сборъ ягодъ или заповѣднаго гороха. За послѣднее

производилось даже наказаніе розгами, а за первое при поимкѣ виновнаго его приводили на сходъ, немедленно созываемый старостою для суда надъ нимъ. „Яголы отбираются и съѣдаются на сходѣ, а виновнаго иногда проведутъ разъ-другой по деревнѣ. Раньше виновныхъ раздѣвали и проводили по улицѣ нагими, будь то женщина или дѣвушка. Теперь этотъ обычай сохранился развѣ только въ самыхъ глухихъ деревняхъ, да и то примѣняется къ однимъ мущинамъ. (Черепов. у. Антиповъ).

§ 17. Отвѣтственность цѣлой общины за укрывательство преступника.

Община, какъ лицо юридическое, не можетъ быть отвѣтственною за преступленіе отдѣльныхъ своихъ членовъ и на практикѣ въ уголовномъ порядкѣ никогда не отвѣчаетъ. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы это вполнѣ безспорное съ юридической точки зрѣнія положеніе всегда понималось волостными судами. Былъ, напримѣръ, случай, когда за убитую у крестьянина корову, волостной судъ постановилъ взыскать стоимость коровы со всѣхъ жителей сосѣдней деревни, въ полѣ которой была найдена мертвая корова, т. е. присужденіе гражданскаго иска вытекающаго изъ преступнаго дѣянія, неизвѣстно кѣмъ совершеннаго, съ общества, къ которому принадлежалъ вѣроятный виновный (Вятск. г. Орловск. у. Гребеневъ). Понятно, что подобныя рѣшенія всегда отмѣняются уѣздными съѣздами.

Другое дѣло—прямая гражданская отвѣтственность общества, какъ лица юридическаго, имѣющая мѣсто тогда, когда общество посредствомъ формальнаго приговора приняло привлеченнаго въ качествѣ обвиняемаго на поруки или внесло за него залогъ въ порядкѣ указанномъ уставомъ уголовнаго судопроизводства. На подобные примѣры встрѣчаются въ матеріалахъ прямыя указанія.

Совершенно иное значеніе имѣетъ отвѣтственность цѣлаго ряда отдѣльныхъ лицъ (хотя бы всѣхъ жителей данной деревни) за укрывательство преступниковъ. Здѣсь отвѣчаетъ именно цѣлый рядъ физическихъ лицъ, а не община, какъ юридическое лицо, и въ этомъ случаѣ поголовная отвѣтственность всѣхъ или большинства жителей цѣлой деревни въ уголовномъ порядкѣ—дѣло вполнѣ мыслимое и не рѣдко бывающее на практикѣ. Такіе случаи описываются въ матеріалахъ и распадаются или на массовыя укрывательства со стороны всѣхъ жителей извѣстнаго всѣмъ преступника, или же на дѣйствія толпою или скопомъ. Эти случаи, конечно, не могутъ быть признаны за видъ перекладыванія отвѣтственности съ одного виновнаго на другихъ невиновныхъ. Здѣсь каждый отвѣчаетъ по мѣрѣ содѣяннаго.

Привожу интересный разсказъ по поводу укрывательства цѣлою деревнею одного вора.

„За укрывательство воровъ въ нашей мѣстности бывали случаи, что за нихъ отвѣчала цѣлая община. Лѣтъ 30 тому назадъ въ домѣ Мѣшковой былъ извѣстный воръ Игнатъ Гуровъ. Крестьяне мѣшковскіе его не преслѣдовали, а даже укрывали. Онъ у своихъ мѣшковскихъ не воровалъ, а защищалъ ихъ отъ чужихъ воровъ, запрещая имъ трогать своихъ односельчанъ. Кромѣ укрывательства Игната, еще брали у него воровскія вещи за безцѣнокъ. Окрестные крестьяне долго терпѣли безобразія Игната, наконецъ рѣшились изловить вора и уличить мѣшковскихъ укрывателей. Въ домъ Квасовой Игнатъ съ товарищами обобрали четыре амбара и двѣ мельницы. Зная, что въ Мѣшковой находится извѣстный по всей мѣстности воръ, квасовскіе въ числѣ шести человѣкъ, утромъ пріѣхали къ Мѣшкову съ обыскомъ и вызвали старшину, разсказали ему, зачѣмъ пріѣхали. Староста имъ отвѣчалъ на это: не знаю, братцы, что вамъ на это сказать. Я знаю хорошо, что Игнатъ вотъ ужъ цѣлую недѣлю лежитъ нездоровъ. Я знаю, вы мнѣ не повѣрите, такъ пойдемте, сами по-

смотрите. И въ сопровожденіи квасовскихъ мужиковъ пошелъ къ Игнату. Какъ только семейные Игната увидали, что въ Мѣшкову идутъ съ обыскомъ, то сейчасъ же сообщили объ этомъ Игнату. Игнатъ, не медля ни минуты, растянулся подъ святыми на приготовленномъ заранѣе мѣстѣ, его одѣли сверху дерюгой и онъ, принялъ страдальческій видъ, заохалъ. Маленькихъ всѣхъ вывели изъ хаты къ сосѣдямъ, чтобы они не проговорились, когда ихъ будутъ пытать. Когда староста съ квасовскими и сотскимъ подошли къ Игнатовой избѣ и услышали плачъ, то староста сказалъ квасовскимъ: я говорилъ вамъ, что онъ уже давно нездоровъ. Что-то голосятъ, ужъ не скончался-ли. Поклонившись, староста сказалъ, обращаясь къ Игнатовой семьѣ: ну, какъ Игнатъ?—Охъ, голубчикъ ты мой бѣдный, умираетъ, другъ мой сердешный. Долженъ быть скоро покочится: сталъ хрипѣть и языкъ отнялся. –Староста спросилъ у квасовскихъ: ну, что теперь будемъ дѣлать? Вишь онъ умираетъ. Давайте, сдѣлаемъ у него обыскъ, если вамъ не вѣрится. Квасовскіе отвѣали: что ты, что ты? Да развѣ мы нехристи что ли какіе? Человѣкъ умираетъ, а мы будемъ послѣдніе часы безпокоить. Поѣдемте, ребята, видно искать въ другомъ мѣстѣ. Просимъ прощенія за безпокойство.—Съ этими словами квасовскіе и сотскій распрощались съ старостой и уѣхали домой. Встрѣчавшіеся крестьяне останавливались передъ квасовскими и говорили съ сожалѣніемъ: вы видно пріѣзжаете сдѣлать обыскъ у Игната? Онъ у насъ нездоровъ, вотъ уже цѣлую недѣлю, но врядъ ли живъ останется. Идите въ другіе мѣста.—Это еще болѣе утверждало, что Игнатъ нездоровъ, а потому и не онъ воровалъ въ Квасовой. Такъ они и дома объявили, что Мѣшковскій воръ околѣваетъ. Добычу воры раздѣлили между собой, а кое что роздали крестьянамъ безплатно. Въ скорости послѣ этого Игнатъ обокралъ три амбара въ Чалищевой. Чалищевскіе пріѣзжали въ Мѣшкову, сдѣлали обыскъ, но ничего не нашли. Затѣмъ опять къ Игнату собрались его сообщники и вмѣстѣ стали производить воровство по

всей окрестности. Когда же обнаружилось укрывательство Мѣшковскихъ крестьянъ, то судъ присудилъ каждаго домохозяина отсидѣть въ волости недѣлю подъ арестомъ; крестьянъ, у которыхъ были найдены воровскія вещи, на два мѣсяца въ острогъ. Послѣ шестилѣтняго заключенія Игната въ арестантскихъ ротахъ всѣ крестьяне безъ исключенія отказали принять его въ свое общество и его сослали на поселеніе. (Волховск. у. Костинъ).

Что же касается народныхъ пословицъ: „Воръ попался, а міръ поплатился“, „воръ воруетъ, а міръ горюетъ“, „одинъ въ грѣхѣ, а всѣ въ отвѣтѣ“,—то въ настоящее время они примѣнимы только къ тому, что при совершеніи въ предѣлахъ деревни преступленій община фактически несетъ неизбѣжные убытки: отводы квартиръ полиціи и судебнымъ властямъ, снаряженіе для нихъ подводъ, отправка преступника или свидѣтелей въ городъ, иногда за 25—30 и болѣе верстъ. Но поговорки эти сложились конечно не подъ вліяніемъ подобнаго рода фактовъ. Въ старину, въ эпоху крѣпостного права, существовала, и при томъ въ широкихъ размѣровъ, дѣйствительно, административный пріемъ привлеченія къ отвѣту цѣлаго ряда людей—членовъ одного общества—за дѣйствія отдѣльныхъ членовъ того же общества. Пріемъ этотъ практиковался какъ помѣщиками, такъ и административными и судебными властями того времени. Пріемъ этотъ употреблялся какъ средство допытаться, кто совершилъ преступленіе, а также, какъ административная кара на всѣхъ членовъ общества за предполагаемое укрывательство односельчанина, совершившаго проступокъ.

„За проступокъ, совершенный противъ помѣщика, или по капризу его, часто безнравственному, разорялся корень, т. е. виновника или ослушника отдавали безъ зачета въ солдаты, что равнялось въ то время смерти, остальные члены семьи или разсылались по отдѣльнымъ барщинамъ, или продавались другимъ помѣщикамъ, женщины же брались на барскій дворъ въ разныя должности,

тягло же отбиралось. Нерѣдко, если помѣщикъ узнавалъ, что какая нибудь кража совершена кѣмъ либо изъ его же крѣпостныхъ, онъ отдавалъ приказъ, чтобы къ извѣстному времени крестьяне сами выдали вора, грозя въ противномъ случаѣ пороть всѣхъ мужчинъ или десятаго, что и приводилось въ исполненіе". (Орлов. губ. ст. Хотынецъ, Сахаровъ).

„Однажды нашлось въ нашемъ полѣ мертвое тѣло, не далеко отъ деревни. Богъ его знаетъ, такъ ли Господь послалъ мужику, убилъ ли его кто или самъ онъ замерзъ, только тѣло нашлось. Собрались мы въ деревнѣ, помужевали (посовѣтовались), хотѣли отвезти покойника подальше отъ деревни, да думали, хуже не надѣлать бы. Пріѣхали члены и дохтуръ. Пригнали мужиковъ изъ другой деревни, велѣли насъ всѣхъ перевязать и по разнымъ хлѣвамъ посадить. Допрашивали насъ по одному, у всякаго обыскъ въ домѣ дѣлали. Какъ деньги находили, ихъ отбирали, говорили, что эти деньги убитаго мужика. Четыре дня допрашивали насъ. Почти всѣхъ куриць у насъ пріѣли, двухъ молодухъ обезчестили, одну дѣвку испортили. Насъ всякій день драли не по одному разу, да спрашивали: гдѣ деньги убитаго мужика? Всѣ свои деньги мы спосили имъ. Потомъ уѣхали и дали похоронную. Вотъ такъ то и расхлебывали мы въ чужомъ пиру похмѣлье. За хрѣхи Господь паказалъ, видно, закончилъ старикъ". (Новгородск. губ. Череповецк. у. Власовъ).

Въ Кривцовой лѣтъ 15 тому назадъ начальство наказало за укрывательство вора Стефана Торшина, кого арестомъ, а кого острогомъ. Крестьяне говорятъ, что за старину, такъ лѣтъ 60 назадъ, начальство строже наказывало за воровство и что черезъ это воровства меньше было въ нашей мѣстности. Особенно много сохранилось преданій, какъ за воровство наказывалъ крестьянъ голова. Лѣтъ 60 назадъ въ Мѣшковой случилось крупное воровство. Крестьяне, пойдя съ обыскомъ, нашли покраденныя вещи у своего

односельчанина. Воръ сталъ просить у общества прощенія, обѣщаясь за это угостить ихъ. Общество простило, крестьянинъ, у котораго покрали вещи, остался этимъ неловоленъ, потому что воръ не всѣ вещи ему отдалъ, и пошелъ жаловаться къ головѣ. Пріѣхавъ въ Мѣшкову, голова закричалъ, чтобы сейчасъ же были собраны всѣ до одного домохозяина. Крестьяне живо были собраны. Когда голова вышелъ на сходку, то закричалъ на крестьянъ: вы какъ смѣете прощать воровъ? Вы не уничтожаете ихъ, какъ это дѣлаютъ въ другихъ деревняхъ, а еще пріучаете къ этому. Староста, пойди ко мнѣ.—Староста подошелъ. Голова взялъ его за виски и началъ трепать—только у него голова поколыхивалась. Староста сталъ просить прощенія, а за старостой и всѣ крестьяне. Голова о прощеніи и слышать не хотѣлъ.—„Прости васъ, вы опять станете сами какихъ нибудь негодяевъ прощать и давать имъ волю. Тогда отъ васъ добрымъ людямъ житья не будетъ. Розогъ давайте сюда, розогъ!—Понятые принесли двѣ охапки розогъ (розги голова съ собой привезъ изъ волости). Староста, ложись, ты начальникъ Мѣшковой, ты долженъ первый наказанъ быть.—Староста растянулся на землѣ, его трое понятыхъ стали держать, закатили 45 ударовъ. Послѣ этого начали сѣчь мужиковъ, которымъ тоже закатили по 45 розогъ. Когда всѣхъ повысѣкли, голова потребовалъ къ себѣ самого вора и его семейныхъ (воръ было не пошелъ на сходку и спрятался въ полполье). Два десятскихъ отправились за нимъ, но скоро возвратились и со страхомъ сказали головѣ, что воръ спрятался куда то. Голова еще болѣе разсердился и пошелъ вмѣстѣ съ народомъ къ вору. Придя къ дому, голова потребовалъ къ себѣ семейныхъ вора. Семейные вышли. Староста былъ тутъ же и дѣлалъ знаки семейнымъ, чтобы они молчали про вора. Голова это замѣтилъ и закричалъ на старосту: тебѣ стало быть, это мало. Какіе ты дѣлаешь знаки?—Староста молчитъ.—Дать ему еще 10 ударовъ, чтобы онъ былъ умнѣе.—Старостѣ еще дали 10 розогъ.

Голова началъ спрашивать семейныхъ, куда спрятался воръ. Семейные отвѣчали, что не знаютъ.—Розогъ сюда, и кладите подъ розги его жену;—женщину положили, голова приказалъ бить до тѣхъ поръ, пока не скажетъ, гдѣ находится ея мужъ. Когда женѣ закатили 10 ударовъ, она закричала, что мужъ ея спрятался въ подполье. Увидѣвъ его, голова затопалъ ногами: розогъ 70 ему ударовъ.—Вора разложили и начали нещадно пороть. Послѣ этого голова приказалъ его связать и отправить въ волость. Когда Василія (вора) отправили въ волость, голова приказалъ крестьянамъ какъ неможно строже наказывать воровъ: кого поймаете въ воровствѣ, бейте его до полусмерти, чуть живого отправляйте въ волость, я ему еще добавлю. Позволяю вамъ разорять имущество воровъ и, вообще, дѣлать съ ними, что угодно; за это васъ начальство не накажетъ, а похвалитъ. Если же опять я узнаю, что вы потакаете ворамъ, то опять всѣхъ перепорю; за одного вора въ вашей деревнѣ постоянно вамъ всѣмъ отвѣчать, потому что вы должны за ними усматривать и не давать имъ воли.—Василія голова посадилъ въ острогъ. По разсказамъ стариковъ, послѣ этого воровства въ Мѣшковой не было слышно лѣтъ 10. (Волхов. у. Костинъ).

ГЛАВА V.

Судебныя доказательства.

§ 18. Общій обзоръ судебныхъ доказательствъ.

Судебныя доказательства, имѣющія значеніе при разбирательствѣ дѣлъ въ волостныхъ судахъ, суть: 1) собственное признаніе; 2) показанія свидѣтелей; 3) вещественныя доказательства; 4) присяга и божба; 5) жребій; 6) бирки; 7) письменныя доказательства; 8) различные виды косвенныхъ уликъ.

1. По общему отзыву, собственное признаніе обвиняемымъ своей вины и отвѣтчикомъ суммы иска признаются въ волостныхъ судахъ наиболѣе безспорнымъ видомъ судебнаго доказательства. Признаніе обвиняемаго, данное суду чистосердечно, почти всегда считается основаніемъ для смягченія наказанія. Сознаніе является почти всегда достаточнымъ основаніемъ для прекращенія дальнѣйшаго судебнаго слѣдствія и для отказа суда отъ допроса свидѣтелей, въ виду выясненности дѣла.

2. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ единственнымъ судебнымъ доказательствомъ въ волостныхъ судахъ должны быть признаны показанія свидѣтелей. При допросѣ свидѣтелей суды обращаютъ вниманіе какъ на личное достоинство свидѣтеля, на его репутацію, такъ и на сущность его показаній. Весьма высокое значеніе имѣетъ показаніе свидѣтеля, про котораго можно сказать, что „давай ему золото, и то врать не

станетъ". Но тѣмъ не менѣе суды выясняютъ и сущность показаній, дѣлаютъ свидѣтелямъ дополнительные допросы, когда нужно, и очныя ставки. Когда въ дѣлѣ есть противорѣчивыя показанія разныхъ свидѣтелей, судъ принимаетъ одни, отвергаетъ другія, смотря по тому, насколько тѣ или другія соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ дѣла.

3. Вещественныя доказательства имѣютъ также немаловажное значеніе. Такими доказательствами могутъ служить, напримѣръ, при потравахъ, пойманныя животныя, при кражахъ поличное, т. е. найденный при ворѣ или посредствомъ обыска у него похищенный предметъ. Но болѣе запутаннымъ представляется доказательство кражи тогда, когда вещественнымъ доказательствомъ является предметъ, имѣющійся въ сходномъ видѣ, какъ у обвиняемаго, такъ и у потерпѣвшаго, напримѣръ, сѣно, зерно, рожь въ снопахъ. Тогда при обыскахъ уже производится сличка предмета, найденнаго у подозрѣваемаго, съ однороднымъ предметомъ потерпѣвшаго. „На одного крестьянина пало подозрѣніе, что онъ увезъ чужіе снопы. Явились къ нему на гумно сотникъ, десятникъ и понятые съ потерпѣвшимъ. У подозрѣваемаго всѣ снопы сложены въ кошу. Стали изъ разныхъ мѣстъ кошы выдергивать по одному снопу. Потерпѣвшій смотритъ. Вытащили нѣсколько сноповъ, онъ все еще не признаетъ. Но вотъ, вытащили снопъ, осматриваетъ: „это мой", говоритъ потерпѣвшій, „вотъ смотрите, у меня сноха крутитъ поясныя на лѣво, этотъ на лѣво крученъ". Рядомъ оказалось три такихъ снопа. Гдѣ ты это взялъ, спрашиваютъ у подозрѣваемаго. Онъ началъ говорить, что у него парень такъ же вяжетъ снопы. Предложили ему принести свой снопъ. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ не было такихъ сноповъ, то пришлось повиниться". (Симбир. губ. Алатырск. у. Роздинъ). Или вотъ характерный примѣръ слички холста: „Хозяйка пропавшаго холста разсказала слѣдующія примѣты: холстъ мой основанъ на 12 пасемъ, раздѣленъ на три стѣны, каждая изъ

тѣхъ стѣнъ имѣетъ 10 ф. и отмѣчена двумя нитками красной бумаги, нитки эти затканы съ одной стороны не больше вершка длиною. Наконецъ она показала холстъ основанный и вытканный вмѣстѣ съ украденнымъ. Смѣрили ширину, сличили примѣты, пересчитали нитки,—все было какъ въ найденномъ холстѣ. Судъ призналъ доказательства справедливыми. (Калужск. губ. Жиздринск. у. Зоринъ). Къ числу вещественныхъ же доказательствъ относятся, при земельныхъ спорахъ, границы спорныхъ участковъ. Судъ производитъ въ этомъ случаѣ мѣстный осмотръ участковъ.

4. Присяга или божба, употребляемыя обвиняемыми или отвѣтчиками, какъ судебныя доказательства неправильности предъявленнаго къ нимъ обвиненія или иска, по смыслу закона, не могутъ быть допускаемы; но на дѣлѣ они все же существуютъ въ нѣкоторыхъ волостныхъ судахъ. „Цѣлованіе иконы, снятой со стѣны, или шейнаго креста здѣсь практикуются и служатъ достаточнымъ доказательствомъ правдивости показаній". (Смоленск. губ. Юхновск. у., Кушеревъ). Къ нормальной присягѣ обвиняемые, впрочемъ, въ волостныхъ судахъ никогда не приводятся, а допускается лишь божба, какъ доказательство. Болѣе сильный видъ божбы божба съ заклятіемъ. Она не производится въ засѣданіи суда, но можно привести характерный примѣръ, какъ фактъ подобной божбы, произнесенной дома, потомъ устанавливался на судѣ свидѣтельскими показаніями въ удостовѣреніи невинности обвиняемаго. С. Е. обвиняетъ своего брата П. Е. въ кражѣ холста. Братъ всячески завѣрялъ въ своей невинности и чтобы убѣдить брата, прибѣгаетъ къ клятвѣ черезъ своихъ дѣтей. Онъ посадилъ ихъ въ красный уголъ на лавку и въ присутствіи постороннихъ и брата сталъ клясться своими дѣтьми, призывая и накликая на нихъ отъ Бога всякія бѣды и напасти, если онъ на самомъ дѣлѣ виноватъ въ преступленіи, въ которомъ его заподозрѣлъ братъ. Однако потерпѣвшій, будучи сердитъ на брата и имѣя съ нимъ какіе то личные счеты, не повѣрилъ искренности этой клятвы,

подалъ на него прошеніе въ судъ и на судѣ поддерживалъ свое обвиненіе противъ брата. Обвиняемый повторилъ на судѣ свое заявленіе о невинности, сослался на фактъ сдѣланнаго имъ заклятія. Судъ удостовѣрился въ этомъ черезъ свидѣтелей божбы черезъ дѣтей, призналъ обвиняемаго невиновнымъ и по суду рѣшилъ считать его оправданнымъ". (Вологодск. губ. Кадниковск. у., Дилакторскій). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы волостные суды повсюду и безъ разбора считали божбу абсолютнымъ доказательствомъ и вездѣ придавали ей вѣру. Иногда суды рѣшительно не признаютъ значенія божбы. „А ты безъ божбы докажи, что дѣло твое правое, вотъ и рѣшатъ по твоему, говорятъ иногда крестьяне" (Кинздрин. у. Зоринъ).

О существованіи другихъ доказательствъ, вытекающихъ въ значительной мѣрѣ изъ суевѣрій, почти не имѣется данныхъ. Напримѣръ о выпутіи земли изъ подъ лѣвой пяты вовсе не имѣется свѣдѣній. Одно только указаніе имѣется на обхожденіе межи съ комомъ земли на головѣ (Костромск. губ. Ветлужск. у. Кузнецовъ).

5. О жребіи, какъ именно судебномъ доказательствѣ, основанномъ также на суевѣріи, не имѣется никакихъ указаній. Вынутіе жребія допускается при совершеніи раздѣловъ безъ суда семейнаго движимаго имущества, при раздѣлѣ земли, и при выборахъ на общественныя должности, когда имѣется нѣсколько кандидатовъ, избранныхъ одинаковымъ количествомъ голосовъ. (Вологодск. губ. Кадник. у. Дилакторскій).

6. О биркахъ, какъ судебномъ доказательствѣ, имѣется также весьма мало данныхъ. Привожу единственное указаніе, заслуживающее вниманіе. „Бирки въ нашемъ уѣздѣ имѣютъ единственно примѣненіе лишь въ мелкомъ кожевенномъ производствѣ и дѣлаются изъ деревянныхъ палочекъ съ надрѣзами. Одна изъ расщепленныхъ палочекъ оставляется заводчикомъ у себя и прикрѣпляется къ шкуркамъ, отданнымъ въ дѣло, а другая отдается хозяину шкурки. Въ судебной практикѣ пока не было случая предъявленія исковъ на

основаніи представленныхъ бирокъ". (Вологодск. губ. Кадниковск. у., Дилакторскій).

7. Письменныя доказательства въ волостныхъ судахъ не всегда имѣютъ безспорное значеніе. Законъ допускаетъ доказательство, въ волостныхъ судахъ безденежности векселей и факта уплаты по нимъ даже и свидѣтельскими показаніями, что въ этихъ судахъ весьма нерѣдко практикуется. Вообще, однако, крестьянинъ понимаетъ цѣну и значеніе письменныхъ доказательствъ. При этомъ народъ не обращаетъ вниманіе на то, правиленъ или нѣтъ документъ съ формальной стороны, а цѣнитъ смыслъ его, содержаніе. „Народъ не можетъ понять, что письменный документъ совершенный иногда не по формѣ, не имѣетъ силы и по причинѣ такого непониманія сельское населеніе дѣлается нерѣдко жертвою эксплоататоровъ, напр. при владѣніи землею по запроданной записи собственникъ земли легко можетъ притѣснить крестьянъ внезапнымъ отказомъ совершать купчую". (Смоленск. г. Юхновск. у. Кушнеревъ).

8. Что касается косвенныхъ доказательствъ и уликъ, то необходимо отмѣтить, что въ видѣ общаго правила наши волостные суды придаютъ имъ несравненно менѣе значенія, чѣмъ прямымъ доказательствамъ. Однимъ изъ характерныхъ видовъ косвенныхъ уликъ являются слѣды, оставленные воромъ и ведущіе къ его дому. Иногда производится сличка слѣдовъ съ сапогами подозрѣваемаго. „Сличили слѣды, оставленные воромъ, на которыхъ оказалось столько же гвоздей, сколько и у заподозрѣннаго на сапогѣ. Но обвиняемый просилъ сдѣлать осмотръ на мѣстѣ и судъ его просьбу уважилъ. Оказалось, что мужикъ этотъ въ эту ночь въ отлучкѣ былъ, сапожникъ шилъ всѣмъ сапоги на одну колодку и гвоздей всѣмъ одинаково вбивалъ. Судъ обвиняемаго оправдалъ, такъ какъ при обыскѣ у него ничего не оказалось". (Тихвинск. у. Матвѣевъ). Привожу другой характерный примѣръ обвиненія на основаніи косвенныхъ уликъ.

Одинъ крестьянинъ изъ дер. Коротова возвращался домой, съ нимъ была собака. Въ полуверстѣ отъ деревни начинался лѣсъ, въ который собака и свернула. Вдругъ раздался выстрѣлъ, а минуты черезъ три показалась его окровавленная собака. За ней бѣжала другая. Крестьянинъ свою собаку положилъ на телѣгу, а самъ пошелъ за другою собакою, которая направилась въ сторону выстрѣла. Въ 100 саж. онъ увидалъ съ ружьемъ пастуха, который повидимому, былъ хозяиномъ собаки. Крестьянинъ вернулся въ деревню Коротово и заявилъ о случившемся сельскому старостѣ. По осмотрѣ раненой собаки, оказалось, что морда и передняя нога перестрѣлены крупной дробью. Староста взялъ понятыхъ и вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ отправился въ конецъ деревни, куда пастухъ скоро долженъ былъ явиться со своимъ стадомъ. Виновнымъ онъ себя не призналъ. Прямыхъ уликъ не было, но потерпѣвшій все таки подалъ въ волостной судъ жалобу и привлекъ его къ уголовной отвѣтственности по 153 ст. за нанесеніе ранъ и увѣчій животныхъ. Судъ, руководствуясь тѣми соображеніями, что та собака, которая гналась за раненою собакою крестьянина, принадлежитъ пастуху, что дробь, которою была ранена собака, похожа на дробь пастуха, что случай этотъ произошелъ въ такое время (въ сѣнокосъ), когда другихъ охотниковъ въ лѣсу не могло быть, да таковыхъ въ деревнѣ Коротовѣ и не имѣется, постановилъ: подвергнуть пастуха, деревни Коротова, Илью Волнухина, на основаніи 153 ст. устава о наказаніяхъ, на 12 дней ареста при волостномъ правленіи. (Новгород. г. Черепов. у. Антиповъ).

Къ разряду косвенныхъ уликъ должны быть, конечно, отнесены, и такъ называемыя, нравственныя улики: выраженіе лица, форма показанія и прочіе оттѣнки. „Правду говоритъ, потому нутромъ выговариваетъ“, „самъ говоритъ, а самъ ветъ, значитъ не обманываетъ“, „не хотя не заплачешь“, „все морду на бокъ воротитъ, и въ глаза глядѣть стыдится, значитъ вретъ“, „и говоритъ

и по договариваетъ, и видѣлъ, и не видалъ, значитъ шельмитъ" „какъ стали допрашивать, ажъ поблѣднѣлъ, мигъ... мигъ... и сказать ничего не сможетъ, стало виноватъ",—вотъ цѣлый рядъ народныхъ выраженій для оцѣнки нравственныхъ уликъ. Вотъ примѣръ осужденія на основаніи нравственнаго доказательства: „У П. К. пропалъ тулупъ, увезенный неизвѣстно кѣмъ. Послѣ случившейся пропажи нѣкто П. Д. судившійся ранѣе за кражу, заявилъ въ трактирѣ, что онъ можетъ найти этотъ тулупъ. Судъ, основываясь однако только на вышеупомянутыхъ словахъ П. Д., присудилъ взыскать съ него въ пользу потерпѣвшаго или тулупъ, или же за неимѣніемъ его стоимость послѣдняго въ размѣрѣ 25 рублей. (Вологодск. г. Калликовск. у. Дилакторскій).

Нерѣдки также случаи, когда волостной судъ при существованіи однихъ косвенныхъ доказательствъ, считая обвиненіе и вытекающій изъ него искъ недостаточно доказаннымъ, присуждаетъ потерпѣвшему съ подозрѣваемаго **половину** стоимости пропавшаго предмета (грѣхъ пополамъ). Такихъ случаевъ, къ сожалѣнію, бываетъ много. Съ точки зрѣнія правовой, подобныя рѣшенія являются очевидной безсмыслицей.

§ 19. Собственное признаніе обвиняемаго и отвѣтчика. Пріемы, употребляемые въ народномъ быту для принужденія къ сознанію.

Можно считать вполнѣ удостовѣреннымъ, что никакихъ особыхъ пріемовъ для выпытыванія сознанія въ **волостномъ** судѣ не употребляется. Зато внѣ суда, тотчасъ послѣ совершенія преступленія и ранѣе обращенія къ суду, когда нѣтъ поличнаго и отсутствуютъ вѣскія улики, могущія служить судебнымъ доказательствомъ, крестьяне употребляютъ всевозможные пріемы для вынужденія сознанія, и не останавливаются передъ пытками и „пристрастными допросами"

обвиняемыхъ. При этомъ подобныя дѣйствія производятся крестьянами не только когда они являются потерпѣвшими въ дѣлѣ, но и сельскими властями, иногда при участіи полицейскихъ урядниковъ и даже становыхъ. Лишь въ немногихъ мѣстностяхъ подобныя пріемы вовсе не употребляются, есть другія мѣстности, гдѣ сельскія власти ихъ не допускаютъ, и гдѣ они употребляются только потерпѣвшими, тайно отъ сельскихъ властей.

Первоначально, обыкновенно допрашиваютъ обвиняемаго и убѣждаютъ его сознаться. Когда онъ не сознается заставляютъ принять присягу въ знакъ своей невинности. Въ случаѣ принятія присяги обвиняемаго оставляютъ въ покоѣ, кромѣ случаевъ, когда въ его виновности окружающіе совершенно убѣждены. Привожу характерныя слова, произносимыя при подобной присягѣ: „Вавила умылъ руки, распоясался, растегнулъ воротъ рубашки, а староста поцалъ ему комокъ земли; онъ взялъ его, перекрестился и сказалъ: если я произволилъ кражу у Осипа, то почерпѣю какъ эта матушка земля. Не дай мнѣ, Господи, увидѣть моихъ дѣтей. Накажи меня, Господи, громомъ, молніей, болѣзнями, градомъ, голодомъ и всякими невзгодами. Если я не виноватъ, оправдай меня Господи, а если виноватъ, накажи меня. Потомъ взялъ, откусилъ отъ комка и проглотилъ. И дѣлалъ такъ до трехъ разъ“. (Орловск. у. Костинъ).

Что касается пріемовъ, употребляемыхъ для принужденія къ сознанію, то отъ чисто нравственныхъ пытокъ (приводъ обвиняемаго въ убійствѣ къ тѣлу убитаго, при чемъ существуетъ повѣріе, что въ тѣлѣ убитаго должна пойти кровь) доходятъ до истязаній въ самомъ реальномъ и жестокомъ смыслѣ этого слова (выворачиваніе рукъ, взвѣшиваніе на веревку и крученіе, сдавливаніе головы, сѣченіе крапивой, всовываніе палки въ задній проходъ). (Костромск. губ. Макарьев. у. Костинъ, Курск. губ. Обоянск. у. Соловьевъ, Орловск. г. Болховск. у. Перьковъ, Вятск. г. Котельнич. у. Сазоновъ, Вятск. г. Орловск. у. Гребеневъ и др.).

Привожу цѣлый рядъ характернѣйшихъ разсказовъ о пыткахъ, употребляемыхъ въ крестьянскомъ быту для принужденія къ сознанію. Въ деревнѣ Харламовской Горской волости одинъ крестьянинъ былъ сердитъ на двоихъ своихъ сосѣдей: онъ подозрѣвалъ ихъ въ кражѣ ржи у себя изъ амбара и ждалъ случая, имъ отомстить. Однажды крестьяне этой деревни возили старое желѣзо—браковъ мѣстному торговцу. Суботкинъ (такъ звали мужика, у котораго была украдена рожь)—замѣтилъ въ браку толстую желѣзную палку, обломокъ отъ какого то стержня. Онъ выпросилъ эту желѣзину себѣ, сказалъ, что она ему пригодится. Какъ то поздно вечеромъ послѣ мѣстнаго праздника онъ зазвалъ къ себѣ обоихъ подозрѣваемыхъ въ гости, напоилъ ихъ до пьяна и пошелъ провожать. Въ сѣняхъ онъ прихватилъ принесенный имъ раньше обломокъ стержня. Какъ только вышли на улицу, онъ одного изъ своихъ гостей такъ ударилъ по головѣ желѣзной трубиной, что тотъ больше и не всталъ. Другой хотѣлъ было защищаться, но такъ какъ въ рукахъ ничего не имѣлъ, то тоже былъ убитъ нѣсколькими ударами тяжелой желѣзной штуки. Убитыхъ Суботкинъ сволокъ подъ ихъ крыльца. Утромъ вся деревня отъ такого страшнаго преступленія была въ сильномъ волненіи. Подозрѣніе пало на Суботкина, потому, что хотя онъ и не былъ раньше въ явной ссорѣ съ убитыми, но былъ на нихъ сердитъ. Это знали сосѣди. Припомнили нѣкоторые и его желѣзную палку, которую онъ выпросилъ у торговца, сказавъ, что она ему пригодится. Но уликъ явныхъ не было. Тогда убійцу рѣшили подвести къ трупамъ убитыхъ. Многіе убѣждены, что убитый дастъ какъ нибудь знать, когда приблизится къ нему убійца: глазъ откроетъ, ногой или рукой шевельнетъ и самъ пошевельнется. Суботкинъ, какъ стали его подводить къ первому трупу, сознался. Фактъ этотъ мнѣ передавалъ одинъ изъ свидѣтелей этого случая, довольно развитой крестьянинъ.—А ты вѣришь въ то, что мертвый въ самомъ дѣлѣ можетъ выдать убійцу,—спросилъ я его. Многіе,

отвѣтилъ мнѣ крестьянинъ, да и большая часть, пожалуй, вѣритъ, что мертвецъ какъ нибудь да обличитъ убійцу. Я то самъ въ это не вѣрю,— продолжалъ крестьянинъ,— а думаю, что убійца самъ себя выдастъ. Попробуй подойти къ такому мертвецу, и съ чистой совѣстью, такъ и то морозъ по кожѣ продеретъ. А ну-ка убійца. Да ни за что не скрыть, ни въ жизнь не утаить: онъ весь и задрожитъ, какъ осиновый листъ, а особливо какъ вѣритъ, что мертвый покажетъ на него. Курицу рѣзать и то непріятно, а тутъ нако —человѣка, да никому не скрыть—закончилъ онъ. (Новгородск. г. Череповец. у. Антиповъ).

Когда свидѣтелей нѣтъ, то обвиняемаго въ преступленіи сажаютъ подъ арестъ при волости, не даютъ ни ѣсть, ни пить по двое сутокъ, напр. заподозрѣннаго въ поджогѣ посадили подъ арестъ; становой постоянно входилъ къ нему и требовалъ собственнаго сознанія и при этомъ билъ его кулаками. Старшина говоритъ ему: „не запирайся, сгніешь тогда въ Сибири подъ землею“. За это старшинѣ отъ этого мужика былъ большой магарычъ, когда его выпустили на свободу, потому, что улик было мало. Преступниковъ очень бьютъ, одного старшина такъ ударилъ по головѣ желѣзной палкой, что тотъ потерялъ сознаніе и лежалъ какъ мертвый часа три на землѣ; нѣкоторыхъ даже отливаютъ водой, а становой въ это время съ старшиной ногами пробуютъ по лицу, что онъ живъ, или нѣтъ: „ну-ка я его по носу —не поднимется ли онъ“, вообще надъ преступниками издѣваются всегда. Напримѣръ одна дѣвушка крестьянская была въ связи съ мужикомъ, родила ребенка, котораго мужикъ въ ту же ночь отнесъ въ рѣчку и утопилъ. По этому дѣлу пріѣхалъ урядникъ, приказалъ привести виновную и посадить въ нетопленную арестантскую и отобралъ у нея всю одежду чтобы вынудить ея признаніе. Виновная такъ простудилась, что въ скоромъ времени умерла. Одна женщина попалась въ воровствѣ, старшина приказалъ раздѣть ее и оставить въ сѣняхъ въ лютый морозъ, пока

она не сознается во всемъ. (Орловская г. и уѣздъ, М. Михеевъ).

Въ 1882 году у мѣстнаго благочиннаго украла 800 рублей крестьянка нашей волости, деревни Ярцевы Прасковья Богданова. Она жила у благочиннаго въ работницахъ, но укравши деньги, отошла. Благочинный обратился къ нашему волостному старшинѣ Бѣляеву, который немедленно арестовалъ воровку при волостномъ правленіи. „Я цѣлый день добивался отъ нея сознанія, но ничего не могъ подѣлать, разсказываетъ Бѣляевъ“, подъ вечерокъ сошелъ въ арестантскую и съ крикомъ: „сказывай, а то зашибу“, далъ ей двѣ добрыхъ ленты по рылу. Струсила баба, созналась: „грѣшна, моя вина, говоритъ“. Сказывай, гдѣ деньги. Баба замялась. Я ей еще ленту. „Въ сестриной новой избѣ, подъ матицей лежатъ, въ чулокъ завернуты“. Я мигомъ въ Ярцево, взялъ тамъ понятыхъ и съ ними отыскалъ деньги. Вотъ, какъ мы прежде орудовали. А нынче что, благочинный мнѣ четвертной подарилъ. (Череповец. у. Власовъ).

При большихъ кражахъ и съ большими подозрѣніями, но безъ ясныхъ уликъ, воровъ часто у насъ заставляютъ сознаваться и отдать украденное. Такой случай былъ въ 1887 году у крестьянъ Пожеревицкой волости, деревни Захонья. Въ одну ночь пропало три лошади разныхъ домохозяевъ, нашлись „видаки“, которые видѣли проходившаго ночью по задворкамъ извѣстнаго въ той мѣстности конокрада, крестьянина деревни Бѣлятникова, Сорокинской волости, крестьяне не долго думая собрались всѣ и рѣшили ѣхать прямо къ вору: по дорогѣ они спрашивали не видалъ ли кто лошадей и опять нашлись люди, которые видѣли, что одинъ мужчина, чуть свѣтъ, велъ 3-хъ лошадей.

Описали и наружность, которая какъ-разъ подходила къ заподозрѣнному вору. Цѣлою гурьбою подкатили они къ дому, изъ котораго въ это время вышла его хозяйка, растерявшаяся и блѣдная, и на вопросъ, гдѣ твой хозяинъ, объявила, что онъ вотъ уже

третій день на покосѣ. Но крестьяне ей не повѣрили и стали его искать по всѣмъ постройкамъ, но нигдѣ не нашли. Рѣшили было уходить. Только выѣхали они за деревню, какъ встрѣтили одну женщину которая шопотомъ и съ просьбою не выдавать ее сказала, что воръ дома и спрятался подъ печку. Крестьяне снова вернулись въ деревню, вошли всѣ въ избу (ихъ было 15 человѣкъ) и стали требовать у хозяйки—указать мужа. Та стала отпираться, на что одинъ изъ понятыхъ сказалъ: давайте-ка ребята сами поищемте и если только найдемъ, то уже ему легче не будетъ—посмотрите-ка подъ печкой". Вотъ взяли зажгли лучину; смотрѣли, смотрѣли ничего нѣтъ, принесли кочергу, начали ею шарить и въ одномъ углу нащупали вора. Стали его честью просить выдти, но онъ не подавалъ голоса. Тогда одинъ крестьянинъ разыскалъ гдѣ то пожарный багоръ, зацѣпилъ имъ и хотѣлъ вытащить, но и тутъ воръ нейдетъ на немъ изорвали на куски всю рубяшку и штаны, а все-таки вытащить не могли. Тогда уже рѣшили разломать печку, что и сдѣлали въ какихъ нибудь 15 минутъ и вора достали, и стали его допрашивать, обѣщали пальцемъ до него не дотронуться, если только онъ укажетъ лошадей, но тотъ на отрѣзъ отказался, говоря: „я и знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю", а на вопросъ, зачѣмъ же ты спрятался подъ печку, онъ говоритъ: „боялся что меня будутъ бить". Многіе изъ крестьянъ не вытерпѣли, схватили его и начали бить, но толку не добились и начали уже по одному уходить, какъ вдругъ воръ сѣлъ на лавку и говоритъ „вы хоть меня на куски разрѣжьте, а коней вамъ своихъ не видывать". Крестьяне разозлились за подобныя слова и снова начали его бить. Одинъ схватилъ багоръ и ударилъ его по ногѣ: нога сломалась пополамъ. Второй сломалъ руку, выбили глаза, свернули на сторону челюсть, однимъ словомъ искалѣчили, какъ только могли и со словами: „нажъ коли такъ, помни насъ. Самъ раззорять не будешь добрыхъ людей и десятерымъ закажешь", вышли изъ дому. Побитый на второй день

умеръ. Лошадей такъ и не нашли. Многіе изъ участниковъ въ дракѣ были посажены въ острогъ до суда. Ихъ судили окружнымъ судомъ, и только благодаря адвокату Корабчевскому, нанятому за 500 рублей, ихъ оправдали.

Такой же случай былъ и въ деревнѣ Хмѣлевищахъ, Пажеревицкой волости. Одинъ крестьянинъ ночью услышалъ шорохъ около конюшни, сталъ всматриваться и видитъ, что воръ снимаетъ замокъ и когда послѣдній уже вошелъ въ конюшню, то хозяинъ живо заложилъ ее на защелку и сталъ кричать: „караулъ“. Собрались сосѣди, и узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшили поймать вора. Принесли огонь, обступили конюшню, отперли дверь, нашли вора, забившагося подъ ясли и взяли его безъ всякаго сопротивленія. Послѣ этого стали рѣшать, что съ нимъ дѣлать. Нѣкоторые совѣтывали отправить его къ становому, а большая часть говорила: „ну чтожъ становой, ну посадятъ его мѣсяца на три въ острогъ да и все онъ, поди еще больше будетъ красть, лавайте ка лучше сами его накажемъ“. „Ну давайте“. Только смотрите ребята, горазъ не бить чтобы не брать грѣха на душу и не быть въ отвѣтѣ, кладите-ка его на полъ вверхъ брюхомъ, да прижмите поплотнѣе колѣни, а я полѣномъ постукаю по пяткамъ, чтобы меньше ходили по чужимъ дворамъ. Такъ и сдѣлали: ударилъ полѣномъ по пяткамъ два раза, отчего воръ и до сихъ поръ безъ костылей ходить не можетъ, а въ судъ такъ и не пошелъ. (Псковск. г. Порохов. у. Куницынъ).

Въ 1885 году подъ масляницу у крестьянина Антона Ѣськова ночевалъ Вербниковскій крестьянинъ, нищій Романъ. Ночью Романъ укралъ десяти рублевую бумажку, которую онъ примѣтилъ, какъ прятала жена Антона, а на утро, поблагодарилъ хозяина „за теплую квартиру“, Романъ ушелъ. Послѣ завтрака Антонова жена хватилась денегъ и не нашла ихъ, Семья рѣшила, что деньги взялъ никто иной, какъ Романъ. Антонъ одѣлся поскорѣе и вмѣстѣ съ тестемъ пошелъ отыскивать Романа. Узнавъ, что Романъ направился

къ деревнѣ Муравлевой, Антонъ съ тестемъ пошли туда, отыскали Романа и стали у него спрашивать про деньги, но Романъ сказалъ, что онъ даже и въ глаза ихъ не видалъ и отказался идти въ Мѣшкову. Тогда Антонъ обратился къ Муравлевскому старостѣ. Староста далъ ему двухъ человѣкъ крестьянъ, связать Романа и довести его до Мѣшковой. Антонъ съ тестемъ привели Романа прямо къ себѣ въ домъ. Въ домѣ Антонъ сталъ опять допрашивать Романа и уговаривать его отдать деньги. Романъ отказался незнаніемъ. Тогда Антонъ насильно разулъ Романа, вывелъ его на дворъ и привязалъ къ столбу, поставивъ голыми ногами на снѣгъ. Романъ продолжалъ отпираться. Тогда Антонъ началъ стегать его кнутомъ по ногамъ и спрашивать: „Ради Бога скажи куда деньги дѣлъ“.— „Не мучь меня, отвяжи, я тада скажу“.—Антонъ съ Тарасомъ (тестемъ) отвязали его привели въ хату, развязали руки и Романъ полѣзъ на печку отогрѣваться. Антонъ сказалъ своимъ, чтобы они его не выпускали, пошелъ къ старостѣ и разсказалъ ему все, что случилось. Староста посовѣтовалъ накормить Романа селедками, запереть въ жарко вытопленную ригу и не давать ему воды, тогда онъ все разскажетъ. Видя, что съ Романомъ ничего не подѣлаешь по чести, Антонъ рѣшилъ сдѣлать такъ, какъ его научилъ староста. Онъ принесъ двѣ селедки, нарѣзалъ хлѣба и сталъ кликать Романа съ печки обѣдать: „иди, Романъ, пообѣдай. А то, ты небось ѣсть захотѣлъ. Вотъ я не такой, какъ ты, видишь, селедочки тебѣ принесъ“. Романъ слѣзъ съ печи сѣлъ за столъ и началъ ѣсть селедки. Антонъ приказалъ своему тестю пожарче вытопить ригу и, чтобы не выпустить духъ послѣ топки припереть ее. Поѣвъ селедки, Романъ запросилъ пить. Тогда Антонъ связалъ ему назадъ руки, кликнулъ трехъ человѣкъ сосѣдей и его повели въ ригу „париться“. Тарасъ постарался вытопить ригу хорошо; было до того жарко, что духъ захватывало. Тогда рѣшились немного выпустить духу, боясь, какъ бы не уморить Романа и не отвѣчать бы за него. Затѣмъ

втолкнули туда Романа и закутали за нимъ дверь на щеколду. Когда Романа „разобрало“ и слишкомъ захотѣлось пить, онъ началъ просить крестьянъ выпустить его. Ему отвѣчали, что до тѣхъ поръ не выпустятъ, пока онъ не скажетъ, куда дѣлъ деньги. Романъ заплакалъ и сталъ божиться, что не только онъ не бралъ деньги, но даже и въ глаза ихъ не видалъ. Тогда одинъ изъ сосѣдей сказалъ Антону: „онъ ли еще деньги то взялъ. Не потерялъ ли ты ихъ самъ какъ нибудь“. Антонъ все разсказалъ. Тогда и крестьяне убѣдились въ виновности Романа, говоря: „Ишь какой крѣпкій. Тутъ бы отъ такой муки свои отдалъ деньги, а онъ не хочетъ отдать кралепыхъ“. Романъ опять запросилъ о пощадѣ, но все еще упорствовалъ. Его крестьяне стали уговаривать, чтобы онъ покаялся, обѣщаясь не предавать суду и не доводить до острога. Романъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и заговорилъ: „не будете меня доводить до острогу“. „Нѣтъ только скажи“.—„Деньги я взялъ, выпустите меня поскорѣе на свѣжій воздухъ, а то я умираю отъ жары“. Антонъ приказалъ тестю принесть Роману валенки, полушубокъ и велѣлъ ставить самоваръ. Романъ вылѣзъ изъ риги весь въ поту. Ему надѣли валенки, накинули на голову полушубокъ и повели къ Антону въ хату. Придя въ хату, Романъ опять запросилъ пить. Антонъ сказалъ: „до тѣхъ поръ не дамъ тебѣ пить, пока не отдашь мнѣ деньги“. Тогда Романъ подошелъ къ своему зипуну, оторвалъ одну изъ заплатъ и вытащилъ оттуда завернутыя въ тряпочку деньги. „На-те ваши деньги и простите меня. Одного рубля вы не найдете, я его истратилъ: накупилъ себѣ табаку, калачей, а остальную мелочь потерялъ“. Антонъ взялъ у него деньги, пересчиталъ ихъ и положилъ въ карманъ. Когда поспѣлъ самоваръ, Романа напоили чаемъ. Послѣ этого тесть Антона сходилъ за старостой и привелъ его для обсужденія, какое наложить на Романа наказаніе. Сначала хотѣли отправить Романа въ волость, но Романъ упросилъ крестьянъ не дѣлать этого. Тогда осудили его на 25 ударовъ ременнымъ кну-

томъ. Романъ на это согласился. Разложили его на скамьи, двое стали его держать, а одинъ началъ сѣчь кнутомъ. Послѣ наказанія Романа отпустили на всѣ четыре стороны, но запретили ему въ теченіе трехъ лѣтъ показываться въ Мѣшковой, грозя его за это побить. Романъ ушелъ и съ тѣхъ поръ въ Мѣшковой ни разу не былъ послѣ наказанія.

Въ деревнѣ Ястребенкѣ (1882 г.) былъ такой случай. Въ Ястребенкѣ въ раздѣлѣ жили два брата Семенъ и Василій Родичкины. Василій живетъ похуже Семена въ имущественномъ отношеніи черезъ пьянство и лѣнь къ деревенской работѣ. Осенью Семенъ свезъ коноплю въ Орелъ и выручилъ сорокъ два рубля. Пріѣхавъ изъ города, Семенъ засталъ у себя брата Василія, который его дожидался, чтобы попросить деньженокъ на подати. Семенъ ему отказалъ, сказавъ, что у него у самого еще подати не уплачены. Василій сталъ къ нему приставать, но Семенъ наотрѣзъ отказалъ ему въ помощи и, отдавая женѣ деньги, приказалъ ей прибрать ихъ въ зеленый сундукъ. Василій разсердился на брата и сказалъ, что если онъ по чести не далъ денегъ, то онъ и самъ у него возьметъ, вышелъ изъ избы. На слѣдующее утро Семенъ, войдя въ горницу, увидѣлъ, что зеленый сундукъ отворенъ и изъ него все до чиста вынуто. Семенъ кликнулъ жену и оба начали искать денегъ, но денегъ не оказывалось; остальное же оказалось въ цѣлости. Семенъ прямо сказалъ женѣ, что это ихъ „обработалъ“ Василій. Придя къ Василію, Семенъ захватилъ его еще спящимъ на печкѣ. Услышавъ, что пришелъ Семенъ, Василій поднялся и началъ обуваться. „Братъ, говоритъ Семенъ, что же ты со мной сдѣлалъ. Ай ты хочешь меня по міру съ дѣтьми пустить. На что ты меня обокралъ“. Василій покраснѣлъ.—„Что ты въ умѣ или нѣтъ. Когда я тебя обокралъ“. Семенъ заплакалъ и сказалъ ему: „нынче ночью ты залѣзъ ко мнѣ въ горницу и вытащилъ деньги. Отдай ты мнѣ ихъ по чести, а то я осрамлю тебя“. Василій на-

чалъ божиться и увѣрять брата, что онъ не браль у него денегъ. Тогда Семенъ отъ него пошелъ къ старостѣ и разсказалъ ему, что съ нимъ случилось. Рѣшили собрать нѣсколько человѣкъ стариковъ и сдѣлать такъ, чтобы онъ самъ сознался въ своемъ грѣхѣ. Къ Семену пришелъ староста и человѣкъ десять крестьянъ, осмотрѣли все какъ слѣдуетъ и убѣдились, что посторонній человѣкъ не могъ украсть денегъ, призвали Василія и стали его уговаривать, чтобы онъ сознался и не браль на свою душу „смертнаго грѣха“. Василій отказывался. Тогда одинъ изъ присутствующихъ сказалъ, что онъ шелъ изъ Башкиревой домой уже поздно вечеромъ, такъ что у всѣхъ были потушены огни, и проходя по дорогѣ мимо Семеновой горницы, видалъ стоявшаго подъ окномъ Василія, который, при его приближеніи, спрятался за уголъ горницы. Василій отперся, говоря, что онъ и изъ хаты нынѣшнюю ночь не выходилъ. Крестьянинъ подтвердилъ свое показаніе съ клятвою, но Василій опять отперся. Видя, что съ Василіемъ ничего по чести не подѣлаешь, крестьяне рѣшились произвести надъ нимъ допросъ. Прежде всего связали Василію назадъ руки, привязали къ столбу и начали сѣчь его кнутами, приказывая сознаться. Послѣ этого заперли его въ порожній амбаръ со связанными руками, съ цѣлью проморить его голодомъ. Василій въ амбарѣ просидѣлъ цѣлыя сутки, но не признался. Тогда его привязали опять къ столбу и снова начали сѣчь. Въ это время въ Ягребенкѣ случился сотскій, котораго также пригласили уговорить Василія и привести къ сознанію. Сотскій сталъ уговаривать его, чтобы онъ сознался, обѣщаясь не доносить на него начальству, но Василій былъ непреклоненъ и стоялъ на своемъ. Тогда рѣшились подвергнуть его слѣдующему испытанію: затопили по „черному“ хату и когда набрался дымъ, перевязали Василія поперекъ возжами, ввинтили въ матицу два кольца, продернули туда возжи и подтянули Василія въ дымъ. Василій задыхался отъ дыму, но не со-

знавался. Когда Василію было слишкомъ тяжело, его опускали внизъ и давали отдышаться, а потомъ снова поднимали вверхъ въ дымъ и допрашивали. Но и это не помогло. Василій ничего не ѣлъ уже около двухъ сутокъ. Тогда рѣшились на послѣднее средство: накормить его соленымъ и не давать пить; накормили ветчиной, солеными огурцами, но пить не дали, а снова привязали въ избѣ къ столбу. Когда Василія стала мучить жажда, около него поставили кружку съ водою, но такъ, что онъ не могъ ея достать. Это еще болѣе возбуждало жажду, но Василій терпѣлъ и не сознавался. Такъ онъ простоялъ до самаго вечера. Видя, что съ Василіемъ ничего не подѣлаешь, рѣшились дать ему присягу и отпустить на волю. Вечеромъ его „подогнали“ къ клятвѣ безъ священника, а утромъ привезли священника, который долго его уговаривалъ, чтобы онъ сознался, доказывая ему, какой страшный грѣхъ тогда ляжетъ на его душу. Василій продолжалъ отпираться. Тогда священникъ сталъ готовиться дать Василію „страшную клятву“. Увидѣвъ на столѣ евангеліе и крестъ, къ которымъ онъ долженъ приложиться въ знакъ своей невинности, Василій, перенесшій такія испытанія при пристрастномъ допросѣ и уже разъ поклявшійся, не выдержалъ этого и залрожалъ какъ „осиновый листъ“. Потомъ подозвалъ къ себѣ брата Семена, шепнулъ ему на ухо: „выйдемъ на минутку“ и оба пошли вонъ изъ хаты прямо въ горницу. Въ горницѣ Василій сталъ передъ Семеномъ на колѣни, заплакалъ и сознался въ своемъ грѣхѣ, но при этомъ просилъ брата не срамить, какъ его, такъ и себя и весь ихній родъ, обѣщаясь больше не дѣлать этого и жить по прежнему честно. Семенъ обрадовался, что деньги находятся, а также и тому, что братъ покаялся, поднялъ его съ земля и сказалъ: „Богъ тебя проститъ и я тутъ же. Прости и меня, братъ, за то, что я мучилъ тебя и привелъ на срамъ“. Потомъ оба вмѣстѣ пришли въ хату, гдѣ былъ народъ и священникъ, и Семенъ, обращаясь къ священнику, ска-

залъ: „мой братъ не виноватъ въ этомъ дѣлѣ, а виноватъ я самъ. Деньги нашлися около сундука, мы ихъ съ женой навѣрное сами какъ нибудь вытряхнули“. Потомъ обращаясь къ Василію, при всѣхъ сказалъ ему: „прости меня, мой родной одноутробный братецъ. Я тебя зря терзалъ“ и поклонился ему въ ноги. Василій заплакалъ навзрыдъ поднялъ Семена, поцѣловалъ его и сказалъ ему: „я самъ грѣшенъ, но видно, Богъ лучше нашего знаетъ“. Присутствующіе, глядя на нихъ, не исключая и священника, плакали. Тогда оба брата подошли къ священнику, стали передъ нимъ на колѣни и сказали: „благослови насъ, батюшка, мы оба виноваты“. Священникъ ихъ благословилъ. Бывшіе въ избѣ крестьяне хотѣли было уходить домой, но Семенъ не пустилъ ихъ и сказалъ: „погодите, братцы. Вы были свидѣтелями нашей ссоры, будьте же свидѣтелями и нашего мира“. Крестьяне остались, а Семенъ, взявъ четвертную бутыль, сходилъ въ кабакъ и принесъ водки; потомъ посажалъ всѣхъ за столъ и сталъ угощать. Крестьяне разошлись отъ Семена уже „въ поздніе обѣды“. Послѣ этого братья продолжали жить мирно, не поминая другъ другу о случившемся.

§ 20. Показанія свидѣтелей.

Волостной судъ не ко всѣмъ свидѣтелямъ относится одинаково и показаніямъ однихъ придаетъ болѣе вѣры, чѣмъ показаніямъ другихъ. Здѣсь необходимо различать, какъ смотритъ судъ на различныхъ свидѣтелей, когда ихъ индивидуальныя черты не имѣютъ отношенія къ разсматриваемому дѣлу, и какое значеніе имѣетъ различное отношеніе свидѣтелей къ данному именно дѣлу.

Прежде всего, безотносительно къ разсматриваемому дѣлу, судъ, разумѣется, придаетъ больше вѣры тѣмъ свидѣтелямъ, которые, говоря обобщенно, представляютъ больше гарантій нравственной без-

упречности. Во первыхъ здѣсь играетъ роль то обстоятельство, что свидѣтель по своему поведенію и нравственнымъ качествамъ лично извѣстенъ судьямъ, а также то, что онъ не опороченъ по суду. Далѣе, имѣетъ значеніе и то, что данный свидѣтель по своему общественному положенію пользуется почетомъ и уваженіемъ. Такъ, болѣе вѣры придаетъ судъ лицамъ должностнымъ, особенно священнослужителямъ, засимъ солдатамъ, полицейскимъ чинамъ, старшинамъ, старостамъ и вообще сельскимъ должностнымъ лицамъ. Говорятъ, что должностныя лица, присяжныя, лучше понимаютъ необходимость и обязанность давать правдивыя показанія. Засимъ, болѣе вѣры судъ придаетъ людямъ пожилымъ, зажиточнымъ, иногда занимающимся торговлею. Впрочемъ, оцѣнка свидѣтелей по ихъ состоятельности народнымъ мнѣніемъ нерѣдко признается ошибочною, „такъ какъ свидѣтели изъ людей бѣдныхъ, но честныхъ, а равно не занимающихъ общественныя должности, даютъ суду большею частью правдивыя показанія и во всякомъ случаѣ справедливѣе торговцевъ, которые въ торговлѣ своей на каждомъ шагу, какъ говорится, обманываютъ народъ, употребляя для этого божбу, и увѣряютъ, что они дѣло ведутъ честно". (Орловск. губ. Кромск. у. Козловъ). Въ саратовской губерніи замѣчается, что суды въ видѣ общаго правила мало довѣряютъ свидѣтелямъ татарамъ. (Хвалынск. у. Мироновъ).

Суды различаютъ свидѣтелей, далѣе, смотря по ихъ отношенію къ разбираемому дѣлу. Прежде всего надо знать, въ какихъ отношеніяхъ находится свидѣтель къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. Напримѣръ, свидѣтель—родственникъ, когда онъ, вопреки мнѣнію другихъ свидѣтелей, выгораживаетъ обвиняемаго, имѣетъ весьма малое значеніе на судѣ; такое же значеніе имѣетъ свидѣтель, служащій у обвиняемаго хозяина. Наоборотъ, родственникъ, подтверждающій обвиненіе, оцѣнивается судомъ весьма высоко, ибо судъ въ этихъ случаяхъ признаетъ, что жела-

ніе показать правду въ немъ одержало верхъ надъ соображеніями родства и дружбы. Засимъ сосѣди или близкіе пріятели стороны, показывающіе въ ея пользу, требуютъ вообще болѣе осторожнаго къ себѣ отношенія суда. Въ народѣ встрѣчается стремленіе отводить такихъ свидѣтелей, но суды такихъ требованій не удовлетворяютъ, да и не имѣютъ на то права въ силу закона.—Въ дракахъ, нанесеніи разныхъ побоевъ, въ нарушеніи тишины и спокойствія, т. е. въ преступленіяхъ противъ 38 ст. устава—всегда и потерпѣвшіе, и обвиняемые, большею частью молодежь, выставляютъ въ качествѣ свидѣтелей своихъ товарищей. Вотъ къ показаніямъ такихъ свидѣтелей товарищей судъ относится крайне осторожно и дастъ больше вѣры показанію одного незаинтересованнаго лица, чѣмъ показаніямъ десяти такихъ товарищей. (Новгородск. губ. Череповецк. у. Антиповъ).

Очень крупное значеніе для оцѣнки свидѣтеля имѣетъ, конечно его отношеніе къ факту, подлежащему доказыванію на судѣ. Свидѣтели очевидцы этого факта имѣютъ въ видѣ общаго правила несравненно большее значеніе, чѣмъ „послухи“. Вообще свидѣтелямъ—по слухамъ, придается мало значенія. Самъ народъ оцѣниваетъ достовѣрность слуховъ такими поговорками: не всякому слуху вѣрь, морская волна, что морская волна, не стоитъ и говна,—какъ всему вѣрить, что слышишь, и семи дней не проживешь,—мало ли, что говорятъ, что и куръ доятъ, а у нихъ и титекъ нѣтъ. (Ярославск. губ. Баловъ).

Впрочемъ, при извѣстныхъ комбинаціяхъ суды и по слухамъ придаютъ значеніе: напримѣръ незаинтересованный послухъ противъ заинтересованнаго или сомнительнаго съ нравственной стороны очевидца можетъ даже получить предпочтеніе. „На волостномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію торговцемъ своего работника въ оскорбленіи дѣйствіемъ. Обвиняемый оправдывался тѣмъ, что хозяинъ первый нанесъ ему ударъ и онъ толкнулъ хозяина, охраняясь отъ

его ударовъ. Единственный свидѣтель происшествія былъ другой работникъ того же хозяина, который и показалъ въ пользу хозяина. Но обвиняемый выставилъ въ защиту себя еще другого свидѣтеля, мѣстнаго полицейскаго десятскаго. Послѣдній на судѣ заявилъ, что въ тотъ день, когда произошло столкновеніе между хозяиномъ и обвиняемымъ работникомъ, вечеромъ онъ встрѣтилъ свидѣтеля работника и онъ, разговорившись, разсказалъ, что хозяинъ, разсердившись на маслодѣла за какую то оплошность, началъ бить его и ударилъ разъ или два, но затѣмъ маслодѣлъ толкнулъ его настолько сильно, что тотъ полетѣлъ. Правдивый разсказъ послуха—полицейскаго десятскаго, такъ подѣйствовалъ на волостныхъ судей, что они оправдали обвиняемаго". (Ярославск. г. Баловъ).

Засимъ волостные суды придаютъ и нѣкоторое значеніе количеству свидѣтелей. Для доказательства извѣстнаго событія считается въ видѣ общаго правила желательнымъ выслушать двухъ или трехъ свидѣтелей, но при отсутствіи ихъ довольствуются и однимъ, лишь бы показаніе его было правдиво и ясно. Когда свидѣтели противорѣчатъ другъ другу, существуетъ иногда склонность суда принять мнѣніе, подтвержденное большинствомъ свидѣтелей (Костромск. губ. Макарьевск. у. Костинъ), хотя имѣющіяся на этотъ счетъ указанія настолько немногочисленны, что авторъ не признаетъ возможнымъ сдѣлать изъ нихъ обобщеннаго вывода. Очевидно, что общаго правила здѣсь быть не можетъ. Свидѣтели—живые люди, и въ каждомъ отдѣльномъ дѣлѣ свидѣтельскія показанія комбинируются различно по цѣлому ряду различныхъ признаковъ, а потому и для выводовъ изъ свидѣтельскихъ показаній трудно составить какой бы то ни было обобщенный шаблонъ.

§ 21. Свидѣтельства ближайшихъ родственниковъ сторонъ. Лица устраняемыя отъ дачи показаній.

Свидѣтельство дѣтей за или противъ родителей, и наоборотъ

родителей за и противъ дѣтей, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по общему правилу, народнымъ обычаемъ, не допускаются. Надо, однако, замѣтить, что таковъ обычай далеко не вездѣ.

Иное значеніе имѣетъ, конечно, вопросъ объ оцѣнкѣ, придаваемой судами подобнымъ показаніямъ. Нерѣдко замѣчается недовѣріе къ нимъ вообще. „Одинъ грѣхъ—путный сынъ или путная жена развѣ только на пыткѣ скажутъ правду. А если непутевые, стало быть имъ вѣрить нельзя". (Орловск. губ. Хотынецъ, Сахаровъ). Бываетъ однако, что показанію сына за отца и наоборотъ судъ не вѣритъ, но зато приметъ вѣру показанію сына противъ отца. Нѣтъ сомнѣнія, что вывести какое либо общее правило по этому вопросу, ввиду многочисленныхъ индивидуальныхъ особенностей каждаго дѣла, представляется невозможнымъ. Есть, конечно, случай, когда показаніе ближайшаго родственника имѣетъ существенное для дѣла значеніе и принимается судомъ во вниманіе, такъ сказать въ первую голову—именно когда тяжущимися являются родственники между собой, а свидѣтелемъ лицо, находящееся въ одинаковой степени родства къ обоимъ тяжущимся и хорошо знающее ихъ взаимныя отношенія.

Точно опредѣленныхъ правилъ формальнаго характера относительно недопущенія къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній извѣстныхъ категорій лицъ въ волостныхъ судахъ, разумѣется, не существуетъ. Есть только извѣстные, болѣе или менѣе укоренившіеся, взгляды о лицахъ, которыхъ стремятся обыкновенно отводить, не допрашивать вовсе, или допрашивая, придавать имъ мало вѣры или принимать ихъ показанія во вниманіе лишь при совершенномъ отсутствіи другихъ доказательствъ по дѣлу. Такими лицами признаются: умалишенные и слабоумные; лица, бывшія сами подъ судомъ, отбывавшія наказаніе въ тюрьмѣ или вообще извѣстные своимъ безнравственнымъ поведеніемъ; пропойцы, иногда также лица, извѣстные тѣмъ, что постоянно выступаютъ свидѣтелями по всевозможнымъ дѣламъ, какъ бы

въ видѣ промысла; явившіеся пьяными въ засѣданіе суда; наконецъ, не всегда, ближайшіе родственники участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

§ 22. Уклоненіе отъ свидѣтельства въ судѣ.

Стремленіе крестьянъ уклониться отъ дачи свидѣтельскихъ показаній на судѣ—явленіе общераспространенное. Притомъ, уклоненіе тѣмъ болѣе, чѣмъ выше и дальше судебныя инстанціи, разсматривающее дѣло. Пословица, которая въ этомъ отношеніи на полномъ ходу среди крестьянъ, не: „знайку въ судъ ведутъ“, а наоборотъ „незнайка на печкѣ лежитъ, а знайка по дорожкѣ бѣжитъ“. (Орловск. губ. Кромск. у. Козловъ, Саратовск. губ. Хвалынск. у. Мироновъ, Вологод. губ. Хмѣлевск. у. Шустьковъ и др.). Причины подобнаго уклоненія, главнымъ образомъ, сводятся къ нежеланію создавать непріязненныя отношенія съ той изъ сторонъ въ дѣлѣ, противъ которой приходится давать показанія, а иногда къ боязни мести; съ другой стороны крестьяне не любятъ тратить время на хожденіе по судамъ, особливо, когда они не получаютъ за это вознагражденія. Бываетъ, конечно, что въ крупныхъ уголовныхъ дѣлахъ крестьяне боятся погубить заподозрѣннаго и потому уклоняются отъ показанія. Иногда же они боятся быть поставленными съ обвиняемымъ на одну доску или оказаться привлеченными къ дѣлу. „Слово—слово, а молчаніе серебро. Доказчику свидѣтелю—первая палка. Покажешь на другого, покажутъ и на самого. Лучше дважды промолчать, чѣмъ однажды показать. Показать правду—будетъ обижаться обвиняемый, а другой и отомститъ. Дать показаніе въ пользу подсудимаго—надо душой кривить да обидѣть и потерпѣвшаго, который и безъ того обиженъ обвиняемымъ. Передъ сосѣдями тоже неловко: вѣры не будетъ. Однимъ словомъ, куда ни кинь—все клинъ“. (Новгородск. губ. Черепов. у. Антиповъ).

Нерѣдко бываетъ, что во время ссоры и драки между крестьянами очевидцы нарочно прячутся, дабы потомъ не быть привлеченными въ качествѣ свидѣтелей. Есть данныя, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщинамъ и дѣвушкамъ считается особенно непригожимъ выступать свидѣтельницами. (Орловск. у. Костинъ, Кромск. у. Козловъ). Есть, однако, и такіе крестьяне, которые нарочно выбѣгаютъ на улицу и стараются показаться на глаза, чтобы ихъ увидали и пригласили въ свидѣтели, чтобы „напиться водочки и поѣздиться на чужихъ лошадяхъ". Такихъ людей умные крестьяне называютъ бездомовниками, а если кого-нибудь изъ умныхъ крестьянъ зовутъ въ свидѣтели, онъ говоритъ: „избавь меня, братъ, отъ этого. Вонъ пригласи Ваську, ему дома дѣлать нечего, а выпить онъ любитъ". (Орлов. губ. и у. Костинъ).

§ 23. Подкупъ и подпаиваніе свидѣтелей.

Подкупы и подпаиванія свидѣтелей представляютъ собою общераспространенное явленіе, признаваемое всѣми безъ исключенія изслѣдователями вопроса. Свидѣтелей подпаиваютъ какъ для того, чтобы они явились въ судъ, такъ и для того, чтобы дали показаніе, соотвѣтствующее интересамъ данной стороны. Въ большинствѣ случаевъ подпаиваніе производится открыто и народъ смотритъ на него снисходительно и хладнокровно. Указаніе на строгое осужденіе народомъ подобнаго подпаиванія сравнительно рѣдки и должны быть признаны единичными. Привожу характерный разсказъ, свидѣтельствующій о замѣчательной, безвозвратной откровенности этого обычая. „Когда земскій начальникъ началъ допрашивать свидѣтелей обвиняемаго, потерпѣвшій сказалъ: В. В., я вамъ заявляю, что Иванъ всю дорогу поилъ своихъ свидѣтелей водкой и кормилъ ихъ. А потому я подозрѣваю ихъ, что они накуплены. Земскій начальникъ сказалъ грозно Ивану: —ты какъ смѣлъ подпаивать свидѣтелей

водкой.—Спросите у нихъ, В. В., отвѣчалъ Иванъ, указывая на свидѣтелей.—Вы какъ смѣли пить съ подсудимаго могарычъ.—Какъ же онъ не поднесетъ намъ винца, когда мы побросали всѣ дѣла и пришли сюда. Развѣ онъ заплатилъ намъ за это деньгами. А кормить и поить онъ обязанъ насъ, по своему дѣлу мы свои харчи беремъ, а по чужому дѣлу, если идемъ, то мы своихъ харчей не беремъ, и насъ кормитъ тотъ, кто пригласилъ.—Чтобы впередъ этого не было, сказалъ земскій, я за это виноватыхъ буду сажать подъ арестъ.—Позвольте Вамъ заявить, В. В., если въ свидѣтели идти и черезъ это свое дѣло терять, да еще и свои харчи съ собою несть, значитъ нужно идти не за доброе слово, то тогда ни одинъ человѣкъ не пойдетъ въ свидѣтели. Это я вамъ вѣрно говорю, сказалъ одинъ изъ свидѣтелей. Земскій начальникъ за такое смѣлое сужденіе посадилъ говорившаго на три дня подъ арестъ при волостномъ правленіи". (Орловск. у Костинъ).

§ 24. Присяга сторонъ, какъ особое доказательство и свидѣтелей въ удостовѣреніе правдивости ихъ показаній. Обрядъ присяги. Присяга въ удостовѣреніе мировой сдѣлки.

Въ волостныхъ судахъ ни стороны, ни свидѣтели къ присягѣ не приводятся. Въ неоффиціальныхъ крестьянскихъ судахъ также присяги, въ формальномъ смыслѣ слова, не бываетъ. Однако, божба и клятва какъ сторонъ, такъ и свидѣтелей на практикѣ встрѣчается. Волостные суды не принуждаютъ и не предлагаютъ ни сторонамъ, ни свидѣтелямъ прибѣгать къ подобной божбѣ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ допускаютъ ее, когда тяжущійся или свидѣтель прибѣгаетъ къ ней по собственному почину. Такъ, иногда практикуется снятіе со стѣны иконы и цѣлованіе ея, а также другіе виды божбы. Въ неоффиціальныхъ крестьянскихъ судахъ божба

и клятва практикуется гораздо чаще и служитъ доказательствомъ въ пользу стороны, которая къ ней прибѣгаетъ.

Что касается самой формы употребляемой въ крестьянскихъ судахъ божбы, то въ большинствѣ случаевъ она сводится къ призыву клянущимся на самого себя или своихъ дѣтей всевозможныхъ бѣдъ въ случаѣ ложности показанія. „Порази меня Господи, если вру. Убей меня, Господи. Не допусти меня дожить до завтрашняго дня. Ослѣпи меня, Господи. Мать Пресвятая Богородица, разрази мою грѣшную утробу, если вру. Отсуши, Господи, мои руки и ноги. Лопни мои глаза. Лопни мое чрево. Отсохни языкъ. Провались я на этомъ мѣстѣ. Почернѣй я, какъ земля. Не видать мнѣ Божьяго храма. Не видать мнѣ бѣлаго свѣту. Не видать мнѣ дѣтей моихъ“. (Кромск. у. Козловъ, Смоленск. г. Юхновск. у. Кушнеревъ и др.) Женщины говорятъ: „чтобы мнѣ не разродиться“ (напр. Костромск. г. Макарьевск. у. Костинъ). Есть и такая форма клятвы: „ставится въ сутки ощепокъ лучины и обвиняемый передъ иконой, положивъ три земныхъ поклона, громко и отчетливо произноситъ: какъ этотъ ощепокъ изжарило и изсушило, жаромъ, такъ чтобы и меня свернуло и скорчило, если это правда и я виноватъ“. (Костромск. г. Ветлужск. у. Кузнецовъ).

Привожу еще два характерныхъ разсказа объ обрядахъ очистительной клятвы.

Обрядъ присяги свидѣтелей и другихъ подобныхъ лицъ совершается такъ: Кладутъ на столъ покрытый бѣлой холстиной, икону, крестъ и ставятъ чашку съ святою водою; къ иконѣ прилѣпляютъ свѣчу желтаго воску. Тотъ, кто желаетъ принять присягу, подходитъ къ столу, дѣлаетъ три земныхъ поклона и цѣлуетъ икону съ крестомъ, послѣ этого онъ дѣлаетъ поклоны присутствующимъ на три стороны. А потомъ начинаетъ излагать свои показанія. Когда онъ кончитъ, то его спрашиваютъ: „вѣрно ли, что ты сказалъ?“ Тогда присягающій говоритъ: „вотъ эта икона и святой крестъ мои

свидѣтели, что я сказалъ правду",—и цѣлуетъ крестъ и икону, а потомъ выпиваетъ изъ чашечки три глотка святой воды. Если кто во время присяги соврет, когда онъ будетъ цѣловать крестъ и икону, то у него перекосится лицо, а когда станетъ пить святую воду, то отнимется языкъ. Поэтому ложные свидѣтели никогда не принимаютъ присяги, а тому, кто присягнетъ, крестьяне вѣрятъ. (Пензенск. г. Краснослободск. у. И. Архангельскій).

Въ Мошковской волости обстановка присяги бываетъ разная, глядя по тому, въ какомъ преступленіи виновный заподозрѣнъ и т. п. Свидѣтелямъ бываетъ особая присяга. Когда крестьяне заподозрятъ кого нибудь въ кражѣ сѣна на лугу, во время сѣнокоса, то заставляютъ подозрѣваемаго поклясться въ свое оправданіе въ знакъ невинности, такъ: виновнаго становятъ на правое колѣно и приказываютъ ему поднять правую руку кверху съ клочкомъ сѣна того крестьянина, у котораго оно пропало и сказать: если укралъ у Егора копну или охапку сѣна съ луга, то чтобы мнѣ позеленѣть зеленѣе пропавшей травы. Чтобы у меня скотина подавилась тѣмъ клокомъ сѣна, который я укралъ у Егорки. Чтобы мнѣ черезъ годъ засохнуть, какъ твое пропавшее сѣно, если я его укралъ у тебя. Послѣ такой клятвы подозрѣваемый дѣлаетъ три земныхъ поклона, снимаетъ съ шеи крестъ и цѣлуетъ его. Когда крестьянинъ такъ клянется, то его отпускаютъ и болѣе уже къ нему не пристаютъ. Эта клятва бываетъ не при полномъ сходѣ крестьянъ, а въ присутствіи только сельскаго старосты и ближнихъ сосѣдей менѣе шести человѣкъ. Когда крестьяне заподозрятъ кого либо въ воровствѣ домашнихъ вещей (одежды, сундуковъ, хомутовъ, телѣгъ, саней) и подозрѣваемый согласится принять оправдательную присягу, то собираютъ, по возможности, полный сельскій сходъ къ общественной квартирѣ, куда и приводятъ подозрѣваемаго. По срединѣ хаты становятъ столъ, накрываютъ его чистой скатертью, кладутъ на столъ икону и староста, обращаясь къ подозрѣваемому говоритъ:

покайся Иванъ, пока не поздно, за ложную клятву тебя Господь непремѣнно покаретъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ. Грѣшно врать передъ всѣмъ обществомъ и передъ ликомъ Божіимъ. Признайся и мы тебя простимъ.—Когда подозрѣваемый все таки будетъ оправдываться, тогда староста опять начинаетъ его уговаривать, какъ и прежде и разсказывать при этомъ страшные разсказы—какъ Богъ наказываетъ за ложную клятву, желая его застращать и привести къ собственному сознанію. Если и это не помогаетъ, тогда староста приказываетъ подозрѣваемому разуть правую ногу и становить его къ столу, напротивъ иконы. Голову подозрѣваемому накрываютъ бѣлымъ полотенцемъ, въ руки даютъ зажженную свѣчу: вокругъ его становятся крестьяне въ глубокомъ молчаніи. Нарушать тишину строго воспрещается и нарушителя немедленно выгоняютъ вонъ изъ хаты и нерѣдко штрафуютъ. Когда въ избѣ водворится тишина, староста громогласно спрашиваетъ у подозрѣваемаго: Ты укралъ (у того-то вотъ то-то), кайся.—Я не кралъ и готовъ покляться,—отвѣчаетъ тотъ.—Тогда всѣ присутствующіе въ хатѣ, какъ одинъ человѣкъ, кричатъ: клянись, а мы съ тебя снимемъ подозрѣніе.—Подозрѣваемый громко и отчетливо говоритъ: если я укралъ у того-то вотъ то-то, то накажи меня Господи, Царица Небесная, самыми лихими наказаніями.—Отсохни у меня руки, если я ими бралъ. Отнимись у меня ноги, если я несъ краденое. Не увидь я свѣта бѣлаго, солнышка яснаго, родимыхъ дѣтушекъ (если подозрѣваемый холостъ, то говоритъ—родного отца съ матерью). Я не виноватъ и въ знакъ этого клянусь, клянусь, клянусь.—Когда подозрѣваемый такъ поклянется, всѣ крестьяне кричатъ: оправданъ, оправданъ.—Послѣ этого всѣ отходятъ отъ стола и подозрѣваемый со свѣчей въ правой рукѣ—три раза обходитъ вокругъ стола, потомъ дѣлаетъ передъ иконой три земныхъ поклона и цѣлуетъ ее, говоря громко: Ты, Господи, все видѣшь и знаешь: виновника накажи, а меня прости. А если я виноватъ, то накажи

меня втрое строже за мое отпирательство. Потомъ кланяется въ поясъ крестьянамъ два раза и тушитъ свѣчу, говоря: какъ потухла эта свѣчка, такъ потухни и моя жизнь, если я виновенъ въ кражѣ.— Съ этимъ клятва за воровство прекращается. Полотенце, которымъ виновникъ былъ покрытъ во время клятвы, отдается старостѣ, а староста передаетъ его въ церковь. Если полотенце было чужое, то за него подозрѣваемый долженъ заплатить деньги. Когда крестьяне подозрѣваютъ кого нибудь въ кражѣ сала, ржи, мяса и т. п., вообще въ съѣстныхъ припасахъ, то обстановка присяги бываетъ та же, что и при кражѣ домашнихъ вещей, только подозрѣваемый клянется такъ: если я укралъ сало (или еще что), то подавись я этимъ кускомъ поперхнись, пройми меня кровяной поносъ: чтобы я до вѣку не наѣдался и постоянно былъ голоденъ. Когда подозрѣваютъ кого въ конокрадствѣ, то присяга бываетъ при полномъ сельскомъ сходѣ и не въ хатѣ, а на улицѣ. Подозрѣваемаго ставятъ въ кругъ, приказываютъ поднять обѣ руки вверхъ и сказать: если я укралъ лошадь, то будь я проклятъ сквозь тартарары, провались я и не зацѣпись. Чтобы у меня потемнѣли глаза темнѣй темной ночи. Чтобы моя жена не разродилась и были бы мои дѣти калѣками. Послѣ этого подозрѣваемаго ведутъ въ хату, зажигаютъ передъ образами свѣчи и онъ долженъ положить передъ иконами три земныхъ поклона и сказать: если я укралъ лошадь у того то, то дай Господи не видать мнѣ своихъ лошадей на дворѣ (не видать, значитъ, онѣ у него будутъ околѣвать). Съ божницы снимаютъ икону и онъ долженъ къ ней приложиться. Свидѣтелямъ дается слѣдующая присяга: приводятъ его въ хату, ставятъ передъ иконами на колѣни, заставляютъ поднять правую руку кверху и староста у него спрашиваетъ: говори сущую правду передъ иконами Божьими: видалъ ты какъ Гришка воровалъ или нѣтъ. Свидѣтель громко говоритъ: видалъ.—Староста опять у него спрашиваетъ: можетъ быть ты на него говоришь по злобѣ, желая ему отомстить за свою обиду,—свидѣтель отвѣчаетъ:

я не желаю на него клеветать, а что видѣлъ, то и буду говорить. Я говорю не вамъ, а Господу Богу и за неправду меня Господь покараетъ.—Если ты скажешь сущую правду, то поклянись по закону христіанскому, какъ намъ завѣщали наши отцы, дѣды и прадѣды.—Свидѣтель клянется: если я не видалъ, какъ Мишка воровалъ, то чтобы мнѣ ослѣпнуть, а если я на него клевещу, то чтобы мнѣ сѣлъ тиунъ на языкъ и меня бы перекосоротило.—Такъ онъ долженъ сказать до трехъ разъ. Послѣ этого свидѣтеля заставляютъ публично разсказать, что онъ видѣлъ. Послѣ разсказа свидѣтель прикладывается къ иконѣ и присяга кончается. Такая обстановка присяги бываетъ въ Мѣшковой, въ Людскомъ, въ Воробьевкѣ. Въ деревняхъ Ястребенкѣ и Суворовкѣ обстановка присяги имѣетъ разницу и бываетъ одна и та же клятва во всѣхъ случаяхъ. Подозрѣваемаго разуваютъ, накрываютъ голову скатертью, даютъ въ руки свѣчу, приводятъ прежде въ одну хату, въ которой долженъ быть накрытъ столъ и на столѣ лежитъ комъ земли. Подозрѣваемый беретъ комъ земли въ руку и говоритъ: если я виноватъ въ этомъ, то почернѣй, какъ эта земля матушка, хлѣбородица.—Изъ этой хаты подозрѣваемаго ведутъ въ другую, гдѣ даже бываетъ накрытъ столъ, а на столѣ лежитъ икона. Подозрѣваемый говоритъ: если я виновенъ, то накажи меня Господи всѣми напастями и муками—и прикладывается къ ней. Отсюда его ведутъ въ третью хату и въ ней на столѣ, въ чашкѣ воды, стоитъ поклонный крестъ, а по бокамъ его три свѣчи. Подозрѣваемый становится передъ крестомъ на колѣни, поднимаетъ правую руку вверхъ вмѣстѣ съ комкомъ земли и говоритъ: если я виноватъ то когда стану ѣсть этотъ комокъ, чтобы я имъ подавился. Сказавъ это, онъ начинаетъ ѣсть комокъ, а крестьяне на него пристально смотрятъ и замѣчаютъ, что онъ давится или нѣтъ. Съѣвъ комокъ земли, подозрѣваемый опять говоритъ: если я виноватъ, то чтобы я захлебнулся водой, въ которой стоялъ животворящій крестъ Господень.—И начинаетъ пить воду.

Послѣ этого берутъ одну свѣчу отъ Креста и, водя ею по рукѣ, говоритъ: если я виноватъ, то включись въ меня антоновъ огонь. Потомъ беретъ вторую свѣчу и водитъ ею по лбу, приговаривая: если я виноватъ, то обезумѣй я. Сожги мою головушку адскій огонь, лиши этого, лиши того. Наконецъ подозрѣваемый беретъ третью свѣчу и водитъ ею по голымъ ногамъ, говоря: если я виноватъ, то чтобы въ мои ноги включился антоновъ огонь и я бы объубожилъ.—Сдѣлавъ все это, подозрѣваемый встаетъ съ колѣнъ, беретъ въ руки крестъ, цѣлуетъ его и говоритъ: накажи меня, Господи, тѣми наказаніями, которыя я самъ себѣ назначилъ. Если же я не виноватъ, то оправь меня, Господи, какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ. Аминь.—Потомъ поставилъ крестъ опять въ чашку съ водой, подозрѣваемый обращается къ народу, а въ особенности къ старостѣ, и говоритъ съ поклономъ: видѣли мою клятву страшную, которую я дѣлалъ въ знакъ своей невинности, или не видѣли.—Всѣ что ни есть силы кричатъ и обязательно въ одинъ голосъ: видѣли. Считаете теперь меня виновнымъ или нѣтъ,—продолжаетъ допрашиваться подозрѣваемый.—Не считаемъ—дружно отвѣчаютъ крестьяне.—А если не считаете, то снимите съ меня позоръ, смертельное покрывало. Староста подходитъ къ подозрѣваемому и снимаетъ съ его головы скатерть. Какъ только староста снимаетъ скатерть, всѣ крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, низко кланяются подозрѣваемому, а староста говоритъ: отъ всѣхъ присутствующихъ, прошу у тебя прощенія за сдѣланное тебѣ оскорбленіе. Подозрѣваемый отвѣчаетъ: для меня это оскорбленіе не велико, а потому я васъ прощаю, Богъ съ вами. Послѣ этого всѣ крестьяне выходятъ наружу и кричатъ: невиненъ, невиненъ, а потомъ расходятся по домамъ. Когда подозрѣваемый принялъ такую страшную присягу, то его никто не имѣетъ права оскорбить, а тѣмъ болѣе попрекнуть тѣмъ, за что онъ въ свое оправданіе принялъ присягу. Только тѣхъ которые вздумаютъ попрекать подозрѣваемаго,

крестьяне усмиряютъ наказаніями. (Орловск. губ. и уѣздъ, Костинъ).

Присяга, какъ средство удостовѣренія мировой сдѣлки ни въ волостныхъ, ни въ оффиціальныхъ крестьянскихъ судахъ не употребляется. Она, однако, возможна и употребительна въ неоффиціальныхъ судахъ, какъ средство доказательства, а потому—какъ основаніе для заключенія мировой сдѣлки; такъ напримѣръ присяга отвѣтчика въ томъ, что онъ не долженъ, или обвиняемаго, что не совершилъ приписываемаго ему, нерѣдко ведетъ къ добровольному отказу истца или обвинителя отъ своихъ требованій. (Новгор. губ. Тихв. у. Закатовъ, Орловск. губ., Кромск. у. Козловъ, Орловск. у. Михеевъ).

Есть, впрочемъ, единичное указаніе объ употребленіи третейскимъ судомъ, по взаимному согласію сторонъ, присяги въ качествѣ мировой сдѣлки. Это бываетъ при рѣшеніи земельныхъ споровъ между отдѣльными лицами и цѣлыми обществами. Случается, что границы между двумя участками земли нѣтъ, межевые знаки уничтожены. Тогда третейскій судъ предлагаетъ кому нибудь съ землей пройти предполагаемой межею. Тотъ беретъ земли на голову или въ пазуху и со словами: пусть эта земля покроетъ меня, если буду указывать неправильно—проходитъ. Линія эта считается уже межею безспорною и на ней дѣлаютъ новые межевые знаки. Не каждаго человѣка допускаютъ до такой присяги, не каждому довѣрятъ провести новую межу, а только такому, въ правильности показанія котораго увѣрены. (Новгородск. г. Черепов. у. Антиповъ).

§ 25. Лжеприсяга и лжесвидѣтельство. Отношеніе къ нему народа.

Ложное свидѣтельство считается народомъ наиболѣе преступнымъ тогда, когда оно дается подъ присягой. Съ лжеприсягой свя-

зывается неизмѣнное представленіе о послѣдующей за ней карой Божіей. Можно привести безчисленное количество разсказовъ о томъ, какъ за лжеприсягу виновные были жестоко наказаны Богомъ. „Съѣсть присягу“ считается, такимъ образомъ, величайшимъ грѣхомъ. Привожу нѣкоторые характерные разсказы.

Вотъ фактическій случай: крестьянинъ Петръ Передѣльскій, купилъ у крестьянина Михайлы Ермольева лошадь, но денегъ не отдалъ, обѣщаясь при свидѣтеляхъ отдать черезъ двѣ недѣли. Проходитъ недѣля, проходитъ и другая, Петръ не платитъ. Когда Михайло сталъ настойчиво требовать свои деньги, то Петръ собралъ въ кабакъ своихъ свидѣтелей при продажѣ лошади, напоилъ ихъ водкой и сталъ просить, чтобы они сказали, что онъ отдалъ деньги за лошадь тутъ же на дворѣ у Михайлы, прямо ему въ руки. Кромѣ угощенія Петръ каждому свидѣтелю обѣщался дать по десять рублей. Свидѣтели сначала не соглашались, потому, что хорошо знали, что безъ присяги дѣло не обойдется. Тогда Петръ имъ сказалъ, что весь грѣхъ снимаетъ на себя. Свидѣтели согласились. Михайло, видя, что Петръ желаетъ затаить деньги, собралъ сходку. Свидѣтели сказали утвердительно, что Петръ при нихъ отдалъ деньги за лошадь, еще на дворѣ. Услышавъ объ этомъ, крестьяне не могли понять, кто правъ, кто виноватъ. Рѣшено было дать всѣмъ присягу и свидѣтелямъ и тяжущимся. Когда всѣ приняли присягу, крестьяне сказали, что не могутъ ихъ разсудить въ этомъ дѣлѣ и позволяютъ Михайлѣ подавать куда угодно. Михайло подалъ въ волостной судъ. Но на волостномъ судѣ Петръ говоритъ, что отдалъ деньги. Судъ оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Пріѣхавъ домой, Михайло опять собралъ сходку и попросилъ крестьянъ дать Петру и свидѣтелямъ послѣднюю самую страшную клятву, къ которой крестьяне прибѣгаютъ только въ крайнемъ случаѣ, когда нельзя этого миновать, а потому такая присяга и бываетъ рѣдко. Крестьяне подумали немного, посовѣтовались между собою и рѣшились исполнить просьбу Михайлы.

Дали знать объ этомъ Петру и свидѣтелямъ, тѣ сначала отказывались, говоря, что ихъ разсудилъ волостной судъ и они не имѣютъ права ихъ принуждать ко вторичной присягѣ, но крестьяне заявили имъ, что если они не примутъ вторичной присяги, то общество будетъ ихъ считать за виновныхъ и потребуетъ уплаты денегъ. Петръ и свидѣтели должны были покориться. Самая страшная присяга состояла въ томъ, что на подозрѣваемыхъ надѣли саваны, въ которыхъ хоронятъ мертвецовъ, дали въ руки имъ зажженныя свѣчи, въ такомъ видѣ провели ихъ по улицѣ. Въ концѣ деревни поставили столъ и на столѣ положили икону и поклонный крестъ. Подозрѣваемыхъ во лжи вели по деревнѣ тихимъ шагомъ, а сзади ихъ шли нѣкоторыя женщины и голосили и причитывали какъ по покойникамъ. Это дѣлаютъ въ нашей мѣстности для того, чтобы напомнить подозрѣваемымъ о смертельномъ часѣ и настращать ихъ, чтобы они добровольно сознались и не доводили бы дѣло до клятвы. Когда подозрѣваемыхъ вели по деревнѣ то они дрожали отъ страха, но не сознавались. Привели къ столу и поставили противъ иконъ. Староста въ послѣдній разъ допросилъ подозрѣваемыхъ, усовѣщая ихъ сознаться. Тѣ на отрѣзъ отказались. Тогда имъ велѣли произнести слѣдующія слова: Перелъ истиннымъ Богомъ и Его животворящимъ крестомъ клянемся мы, что Петръ заплатилъ Михайлѣ за лошадь всѣ деньги сполна. Если мы неправду говоримъ—накажи насъ Господи самой лютой карой и выведи нашъ поступокъ наружу. Въ знакъ своей невинности цѣлуемъ ликъ Спасителя и Его животворящій крестъ. Аминь. Подозрѣваемые поцѣловали икону и крестъ и поскидали съ себя саваны. Тогда одинъ изъ крестьянъ взялъ саваны и надѣлъ ихъ на Михайлу, а потомъ его въ этомъ нарядѣ повели по двору. Это сдѣлали въ знакъ того, что Петръ и свидѣтели остались невинны и весь страмъ палъ на клеветника Михайлу. Деньги Петръ не отдалъ и выдалъ обѣщанную награду своимъ лжесвидѣтелямъ. Хотя Петръ и его свидѣтели оправдались въ глазахъ

народа присягой, но все таки крестьяне были убѣждены, что Михайла зря не будетъ жаловаться и что Петръ съ свидѣтелями слопали присягу понапрасно. Черезъ три недѣли послѣ присяги Петръ захворалъ и въ скорости умеръ, не успѣвъ даже принять Святыхъ Тайнъ. Потомъ захворалъ Сергѣй и лишился языка, у Николая отнялись руки и ноги, у Ермолая правая рука и лѣвая нога (это фактъ, за который я ручаюсь). Всѣ крестьяне заговорили въ слухъ, что ихъ Господь наказываетъ своей карой за лжеприсягу. Нѣкоторые изъ умныхъ набожныхъ стариковъ стали ходить по больныхъ и уговаривать ихъ покаяться въ своихъ тайныхъ грѣхахъ. Прежде всего на это согласился Николай, а потомъ Ермолай и послали за священникомъ. Священникъ пріѣхалъ къ Николаю и Николай ему покаялся, что его Господь наказываетъ за лжесвидѣтельство, также покаялся и Ермолай. Когда священникъ уѣхалъ, то Николай и Ермолай велѣли собрать крестьянъ и когда они собрались, то публично передъ всѣми покаялись, въ своемъ грѣхѣ. Крестьяне ужаснулись и стали совѣтовать виновнымъ служить молебны и т. п. Тѣ такъ и сдѣлали, но облегченія не получили: До самой смерти остались колѣками. Этотъ фактическій случай до того пастращалъ крестьянъ, что они лѣтъ десять боялись не только принимать вышеозначенную присягу, но и просто божиться напрасно. Этотъ случай извѣстенъ во всей нашей мѣстности и крестьяне очень хорошо и по сіе время помнятъ его. (Орловскій у. Костинъ).

Лѣтъ 10-ть назадъ одинъ крестьянинъ сельца Зміевки, Сорокинъ, когда жену его вызывали въ судъ въ качествѣ свидѣтельницы по дѣлу о кражѣ однимъ сосѣдомъ у другого пеньки съ огорода, приказывалъ ей не говорить на судѣ правды о томъ, что она дѣйствительно видѣла, какъ сосѣдъ воровалъ у другого пеньку, а принуждалъ показать, что она кражи этой не видѣла и по этому дѣлу ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ.—Жена его послушалась и на судѣ показала, что онъ ей приказалъ. Но потерпѣвшій,

заподозрѣвъ, что она дала на судѣ ложное показаніе, по приказанію своего мужа, который къ тому же былъ на нее сердитъ, предложилъ ей свидѣтельницѣ побожиться на судѣ же, мужемъ своимъ и она послушалась, побожилась такъ, я если неправду показала по этому дѣлу, то дай Богъ мнѣ не видѣть своего мужа. Вскорѣ послѣ этого мужа этой свидѣтельницѣ Богъ наказалъ: онъ заболѣлъ и умеръ, а жена жива, здорова и по сейчасъ вдовствуетъ. Значитъ Богъ простилъ ей грѣхъ за ложное показаніе на судѣ, коли она была принуждена къ тому своимъ мужемъ, а уже покаралъ его самого потому, что главнымъ виновникомъ передъ Богомъ является онъ. (Орловск. г. Кромск. у. Козловъ).

Отношеніе народа къ лжесвидѣтельству безъ присяги гораздо болѣе снисходительно. Ложныя показанія въ волостныхъ судахъ—явленіе широко распространенное. Причиной ложныхъ показаній въ этихъ случаяхъ можетъ быть подпаиваніе, иногда пріятельскія отношенія къ одной изъ сторонъ, или боязнь мести со стороны участвующаго въ дѣлѣ лица. Нѣсколько серьезнѣе отношеніе народа къ показаніямъ, которыя приходится давать земскому начальнику или мировому судьѣ съ предупрежденіемъ о присягѣ, т. е. съ обѣщаніемъ въ случаѣ дальнѣйшаго требованія подтвердить данное показаніе подъ присягой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, ложное показаніе при такихъ обстоятельствахъ не считается грѣхомъ, чѣмъ и объясняется то, что когда свидѣтелю дѣйствительно приходится повторять то же показаніе подъ присягой въ съѣздѣ, онъ измѣняетъ его. (Вологодск. г. Кадник. у. Дилакторскій).

Можно впрочемъ, указать на случаи, когда ложное показаніе даже подъ присягой не считается грѣхомъ: напримѣръ, когда ложное показаніе дается съ цѣлью оправдать лицо, фактически невиновное или мало виновное въ преступленіи. (Тамбовск. г. Елатомск. у. Кондрашовъ, Саратовск. г. Хвалынск. у. Мироновъ, Смоленск. г. Вяземск. у. Титовъ) или напримѣръ, когда ложное показаніе дается

какъ бы изъ товарищескаго чувства солидарности, напримѣръ цѣлымъ рядомъ односельчанъ съ цѣлью выгородить сосѣда, особенно тогда, когда совершенный имъ поступокъ по общему убѣжденію не считается преступнымъ. Таково, напримѣръ, отношеніе къ порубкамъ, совершеннымъ въ сосѣднемъ казенномъ лѣсу, относительно котораго крестьяне себѣ приписываютъ неограниченное право пользованія. (Вологодск. г. Сольвычегодскій у. Кирилловъ). Иногда лжеприсяга не считается преступной, если самая присяга вынуждена: „Вынужденной присягой въ представленіи народа является такая присяга, которая дается не на судѣ, а въ исключительныхъ случаяхъ и дается ради спасенія собственной жизни. Напримѣръ, разбойникъ, напавъ на кого нибудь съ цѣлью ограбить и, чтобы скрыть слѣды своего преступленія, намѣривается убить ограбленнаго, но, тронутый мольбами послѣдняго, оставляетъ его живымъ, взявъ съ него клятву, что онъ никому не сообщитъ о преступленіи. Такую клятву народъ считаетъ недѣйствительной, и не считаетъ грѣхомъ нарушить ее. Въ этомъ смыслѣ народъ говоритъ: нуженая присяга не нашъ грѣхъ, нуженаго Богъ прощаетъ. (Смоленск. г. Юхновск. у. Кушеревь). —Впрочемъ, относительно вынужденной присяги есть и противоположное мнѣніе. „Выраженіе: нуженая присяга не нашъ грѣхъ нуженаго Богъ прощаетъ, имѣетъ тотъ же смыслъ, что если вынуждаютъ принимать присягу, которую человѣкъ не желаетъ или не можетъ почему либо принять, а она нужна по закону, то такого человѣка самъ Богъ прощаетъ". (Казанск. г. Спасск. у. Ивановъ).

Привожу въ заключеніе характерный и единственный въ своемъ родѣ разсказъ о существующемъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ обычаѣ „отвода отъ присяги". „Суть этого обычая заключается въ слѣдующемъ. Когда даютъ присягу, то должно слагать пальцы поднятой вверхъ правой руки какъ для крестнаго знаменія. Послѣ этой присяги должно говорить исключительно правду. Но крестьяне выходятъ изъ этого принудительнаго обстоятельства говорить правду тѣмъ, что

лѣвую руку опускаютъ внизъ, заносятъ ее за спину и пальцы слагаютъ такъ, какъ и на приподнятой правой рукѣ. Крестьяне объясняютъ, что присяга входитъ по пальцамъ правой руки, а по пальцамъ лѣвой стекаетъ и уходитъ, такъ что давшій присягу въ сущности не далъ ее, почему онъ послѣ этого можетъ говорить, что ему угодно. (Калужск. г. Жиздринск. у. Лебедевъ).

§ 26. Лица, за деньги отыскивающія краденое имущество и указывающія воровъ.

Лица, спеціально занимающіяся отыскиваніемъ воровъ и украденнаго имущества, существуютъ не повсюду. Типы этихъ лицъ впрочемъ должны быть признаны довольно опредѣленными. Первый изъ нихъ—ворожеи или знахари, указывающіе воровъ и мѣсто нахожденія краденаго имущества посредствомъ гаданія на водою. „Ворожея по водѣ водитъ крестообразно шейнымъ крестомъ смотритъ и разсказываетъ потерпѣвшему полъ и цвѣтъ волосъ и глазъ виновнаго безъ объясненія однако имени. Изъ за такихъ ворожей дѣло иногда доходитъ до очень непріятныхъ послѣдствій, напримѣръ, буль ворожеей указано на мужчину съ русыми волосами и голубыми глазами и найлись подходящій для этого сосѣдъ, хотя бы въ душѣ не помышлявшій о кражѣ, его передъ цѣлымъ міромъ укоряютъ въ воровствѣ, а иногда наносятъ и побои. Такія ворожеи очень много приносятъ вреда и даже прямо мѣшаютъ розыску виновнаго. Народъ въ нихъ очень вѣритъ и нерѣдко случается, что ворожеи по злобѣ указываютъ на кого либо изъ сосѣдей, который такимъ образомъ долженъ передъ міромъ лишиться довѣрія и уваженія. Такія ворожеи у народа въ большомъ почетѣ; она можетъ всегда заклеймить тебѣ воромъ и опозорить честь и доброе имя. (Вятск. губ. Орловск. у. Гребеновъ, Новгородск. г. Черепов. у. Власовъ, Вологодск. г. Кадниковск. у. Мерцаловъ).

Другой типъ лицъ, отыскивающихъ краденое имущество — лица, на дѣлѣ стоящіе близко къ ворамъ, скупщики и сбытчики краденаго имущества. Подобныя лица обыкновенно не указываютъ на виновнаго, а лишь помогаютъ возвратить краденое имущество. „Когда Андрей окончательно убѣдился, что лошадь у него украдена, онъ пошелъ къ одному изъ сбытчиковъ этого товара, Петрухѣ, въ деревню Каменнуху, нашей же волости. Вотъ, приблизительно, какъ описываетъ Андрей свой визитъ къ Петрухѣ. Я пришелъ къ Петрухѣ, сказалъ, что у меня потерялась лошадь, сталъ тужить объ этомъ. Петруха сначала сталъ ерзать по лавкѣ, потомъ забѣгалъ какъ угорѣлый, по избѣ, а когда я напрямикъ спросилъ, не знаетъ ли онъ чего о моей лошади, Петруха выхватилъ изъ подъ лавки топоръ, подвесъ къ моей шеѣ и заревѣлъ: какъ ты, такой— сякой, смѣешь думать, что я знаю о краденыхъ лошадяхъ, голову отрублю. Долго еще матюкалъ меня Петруха, еще три раза подбѣгалъ съ топоромъ, все хотѣлъ мнѣ голову отсѣчь, да я не уходилъ, неотступно просилъ сказать, гдѣ моя лошадь, обѣщалъ дать 20 руб., въ ноги подлецу кланялся. Наконецъ Петруха смякъ—поздно пришелъ, твоя лошадь теперь далеко, теперь не достать.—У крестьянки деревни Маюкова украли 12 холстовъ съ луга, на которомъ они бѣлились. Она была у знающаго человѣка въ деревнѣ Осѣевской, дала ему 3 руб., а на другой день утромъ нашла холсты на томъ мѣстѣ, гдѣ они были украдены. (Новгород. г. Черепов. у. Власовъ). Бываетъ, наконецъ, что самъ воръ отыскиваетъ для хозяина краденыя вещи, особенно когда оказывается труднымъ ихъ сбыть. (Волховск. у. Костинъ).

Таковы два главныхъ типа отыскивателей краденаго имущества. Нерѣдко бываетъ, впрочемъ, что подобнымъ же отыскиваніемъ занимаются крестьяне, не имѣющіе прямыхъ сношеній съ ворами, но разумѣется для такихъ людей отыскиваніе краденаго не является ремесломъ, а скорѣе особаго рода спортомъ, далеко не всегда мо-

гущимъ расчитывать на успѣхъ. Очень нерѣдко бываетъ, что они берутъ впередъ деньги за отысканіе, и ничего не находятъ, такъ что на практикѣ бываютъ случаи предъявленія при безуспѣшности розыска исковъ о возвратѣ выданныхъ за отысканіе впередъ денегъ (напримѣръ Рязанск. г. Скопинск. у. Чепуринъ).

Наконецъ, бываютъ на практикѣ случаи умышленной утайки чужихъ животныхъ и вещей съ цѣлью взять деньги за отысканіе этихъ животныхъ и вещей. Это не есть отысканіе краденаго имущества, а лишь видъ мошенничества — полученіе награды подъ ложнымъ предлогомъ. (Подробное описаніе есть у кор. Болховск. у. Костина).

§ 27. Отыскиваніе воровъ по оставленнымъ ими слѣдамъ. Повѣрія о горячемъ слѣдѣ.

Отыскиваніе воровъ производится въ большинствѣ случаевъ по оставленнымъ ими слѣдамъ. Прежде всего обращаютъ вниманіе на слѣды, оставленные обувью вора — „тщательно вымѣряютъ вдоль и поперекъ слѣдъ сапога, считаютъ гвозди въ каблукѣ, замѣчаютъ ихъ расположеніе, измѣряютъ длину шага, снимаютъ шаблонъ съ угла отклоненія носка сапога отъ прямой линіи дороги, т. е. опредѣляютъ, насколько воръ при ходьбѣ выворачиваетъ пятку“. (Черепов. у. Власовъ). Обращаютъ вниманіе и на предметы, оставленные воромъ на мѣстѣ преступленія. Такъ, „при кражѣ мѣшковъ изъ мельницы одного крестьянина, черезъ окно мельницы, воръ оторвалъ кусочекъ шарфа, и этотъ кусочекъ носили по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ для опознанія“ (тамъ-же). При сличеніи слѣдовъ также обращаютъ вниманіе какой слѣдъ, лошадиный, человѣчій, отъ сапога теплаго или холоднаго, отъ лаптя, отъ саней или отъ телѣги. Для сличенія слѣдовъ у заподозрѣннаго берутъ сапогъ или лапоть и ставятъ его на найденный слѣдъ, чтобы онъ не уничтожился, и смотрятъ,

не совпадаетъ ли слѣдъ съ обувью. Для сличенія слѣдовъ, оставленныхъ санями или телѣгою, вывѣряютъ разстояніе отъ одного полоза до другого, а также и ширину полозьевъ и колесъ и сличаютъ ихъ размѣры съ размѣрами оставленныхъ слѣдовъ. Также сличается и размѣръ конскаго копыта съ оставленнымъ слѣдомъ, причемъ обращается вниманіе, кованая ли лошадь, или нѣтъ, на сколько ногъ кована и всѣ ли гвозди цѣлы на подковкахъ.

Вообще при разслѣдованіи слѣдовъ, оставленныхъ воромъ, народъ обращаетъ вниманіе на множество различныхъ оттѣнковъ, которые, несмотря на свою мелочность, служатъ нерѣдко къ обнаруженію преступниковъ. Такъ, крестьянинъ деревни Курьянова, Мурашкинъ зимой 1896 года увезъ два мѣшка ржи изъ вѣтряной мельницы, находящейся въ двухъ верстахъ отъ деревни. Владѣлецъ мельницы, Болдыревъ, обнаруживъ пропажу, и внимательно осмотрѣвшись, замѣтилъ отъ мельницы по направленію къ Курьянову свѣжій, хорошо сохранившійся, санный слѣдъ. Болдыревъ пригласилъ понятыхъ изъ сосѣднихъ деревень и вымѣрилъ слѣды санный и конный. При измѣреніи было замѣчено, что одинъ полозъ оставилъ совершенно гладкій слѣдъ, другой—негладкій, съ нѣкоторыми возвышеніями по срединѣ, которыя объясняли, что одинъ изъ полозьевъ былъ съ трещиной по срединѣ. Потерпѣвшій отправился въ Курьяново и въ присутствіи сельскаго старосты сталъ обмѣрять сани. Обмѣръ этотъ обнаружилъ, что сани Мурашкина совершенно одинаковы съ тѣми санями, отъ которыхъ остался слѣдъ близъ мельницы и на одномъ изъ полозьевъ этихъ саней была трещина по серединѣ. У Мурашкина произвели обыскъ и обнаружили въ сараѣ полъ сѣномъ пропавшіе мѣшки Болдырева". (Смолен. г. Юхновск. у. Кушеревъ).

При осмотрѣ слѣдовъ обыкновенно стараются обнаружить, куда ведутъ слѣды, и, если они приводятъ къ извѣстному дому, у владѣльца дома и производятъ обыскъ. Если же слѣды ведутъ къ деревнѣ и нельзя опредѣленно сказать, къ чьему именно двору, кре-

стьяне не останавливаются и передъ повальными обысками по цѣлымъ деревнямъ (ср. Кромск. у. Козловъ).

Что касается разслѣдованій по лѣснымъ проступкамъ, то они въ большинствѣ случаевъ оказываются затруднительными. Обыкновенный пріемъ—примѣрка отрѣзковъ отъ пней къ находимымъ бревнамъ, далеко не всегда удается, ибо ловкіе воры сами отрѣзаютъ куски отъ пней и сжигаютъ ихъ. Въ большинствѣ случаевъ при доказательствѣ лѣсныхъ порубокъ приходится довольствоваться косвенными уликами. (Владимір. г. Юрьевск. у. и Ярославск. г. Ростовск. у. Дружининъ).

Чтобы привести вора къ раскаянію или нанести ему вредъ, производятся еще во многихъ мѣстностяхъ суевѣрныя дѣйствія надъ оставленными имъ горячими слѣдами. Сюда относится прежде всего сжиганіе горячаго слѣда, причемъ полагаютъ, что вора начнетъ корчить и онъ самъ принесетъ украденную вещь. Другіе же горячій слѣдъ вѣютъ на четыре стороны: этотъ слѣдъ вора сыщетъ и приведетъ. (Костромск. губ. Ветлужскій у. Кузнецовъ, Калужск. губ. Жиздрянск. у. Лебедевъ). Существуетъ далѣе, еще слѣдующее повѣріе: „если покраденная вещь останется неразысканной и воръ не обнаруженнымъ по слѣдамъ, то нѣкоторые изъ потерпѣвшихъ обращаются къ знахарю или знахаркѣ, привозятъ ихъ на мѣсто оставленнаго воромъ слѣда, знахари вынимаютъ изъ подъ лѣвой пяты слѣда землю, забиваютъ на это мѣсто осиновый колъ, послѣ чего говорятъ потерпѣвшему, что воръ скоро обнаружится, такъ какъ онъ долженъ въ одну изъ двѣнадцати ночей придти и вытащить изъ земли этотъ осиновый колъ, почему его и карауляютъ 12 ночей, а если воръ того кола не вытащитъ изъ земли, то захвораетъ и умретъ". (Орловск. г. Кромск. у. Козловъ). Есть, заснмъ, еще повѣріе, что знахарки могутъ сдѣлать такъ, что воръ принесетъ украденую вещь. „Подаютъ за укравшаго сорокоусть (поминаніе 40-го дня, какъ за умершаго) и по повѣрію вора начинаетъ корчить и

онъ приноситъ украденную вещь". (Костромск. губ. Макарьевск. у. Костинъ). Привожу еще одинъ характерный разсказъ о существующемъ въ народѣ суевѣріи, что посредствомъ извѣстныхъ дѣйствій возможно покарать вора смертью. Именно, есть „повѣріе, что если взять палочку, щепочку или какой нибудь небольшой предметъ, съ которымъ соприкасался воръ во время кражи, а еще лучше вещь, которая была у вора въ рукахъ, или хоть лежала рядомъ съ украденной вещью и замазать ее въ печное чело такъ, чтобы выходящій изъ печи жаръ ударялъ въ замазанный предметъ, жегъ бы его, тогда у вора явится внезапно болѣзнь, его станетъ корчить и, наконецъ, онъ умретъ. Только дѣлать такъ—страшный грѣхъ, да и сдѣлать нужно не спроста, умѣючи. Крестьянка деревни Дорина разсказала мнѣ по этому поводу слѣдующее: „у насъ украли лошадь. Я пошла къ ворожеѣ. Вѣдунъ сказалъ, что укралъ воръ не простой, а „знающій, укралъ съ заговоромъ, поэтому онъ открыть его не можетъ". А вотъ, буде Богъ, говоритъ, укажетъ, сдѣлай какъ велю". И велѣлъ онъ мнѣ взять шерсти изъ хомута, какая осталась—на немъ отъ гривы украденной лошади, да въ самую полночь самой раздѣться до нага, снять съ шеи крестъ и положить подъ пяту лѣвой ноги и замазать ту шерсть въ чело, такъ, чтобъ часть ея была замазана, а другая оставалась бы на волѣ. При этомъ онъ научилъ меня говорить слова мудреныя такія, я ужъ ихъ позабыла. На другой день, какъ только я затопила печку, начало „корежить" вора, какъ у меня шерсть въ челѣ, а черезъ день онъ померъ". Тутъ старуха заплакала: воромъ оказался ея родной братъ, жившій отдѣльно отъ сестры. Женщина сочла себя убійцею брата и коренным образомъ измѣнила свою жизнь, покинула родную деревню, поселилась въ избушкѣ въ лѣсу, въ 3-хъ верстахъ отъ нашей церкви, не пропускаетъ ни одной церковной службы и дома, говорятъ, постоянно молится. Свой „неотмолящій грѣхъ она всѣмъ разсказываетъ и предостерегаетъ другихъ отъ такого прегрѣшенія.

Есть еще способъ покарать вора, болѣе простой, но не менѣе грѣховный; нужно купить въ церкви свѣчку и поставить передъ иконой вверхъ нижнимъ концомъ; это нужно сдѣлать тоже въ полночь, чтобъ никто не видалъ, какъ будетъ ставится свѣчка, чтобъ никто не видалъ ея свѣта: какъ медленно горѣла свѣча и потомъ погасла, такъ медленно будетъ чахнуть воръ и потомъ умретъ. Землю взятую со слѣда вора, нужно снести въ лѣсъ въ Христовскую заутреню и съ какимъ то наговоромъ и заклинаніемъ бросить тамъ: воръ заблудится въ лѣсу и умретъ съ голоду. (Новгородск. губ. Череповецк. у Власовъ).

Или, вотъ другой характерный разсказъ: крестьяне нашей мѣстности безусловно вѣрятъ, что если найти слѣдъ вора и взять съ этого слѣда земли или снѣгу и потомъ этотъ снѣгъ или землю бросить въ огонь, когда топится печка, и при этомъ сказать: какъ эту землю (или этотъ снѣгъ) съѣдастъ и мучитъ печной огонь, такъ чтобы съѣлъ и измучилъ ногу того человѣка вора, который укралъ наше добро, антоновъ огонь.—Послѣ этого у вора непремѣнно заболятъ ноги и приключится антоновъ огонь. Вѣра эта до того распространена, что нѣкоторые крестьяне, занимающіеся воровствомъ, серьезно бояться этой угрозы и стараются дѣлать незамѣтные слѣды. Но такой способъ тогда дѣйствуетъ, когда слѣдъ еще не остылъ, т. е. черезъ него никто не переходилъ, не наступалъ на него, а также когда слѣду не прошло еще сутокъ. Если вмѣсто воровскаго слѣда попадется слѣдъ невиннаго въ этомъ дѣлѣ человѣка, то онъ ему никакого вреда не дѣлаетъ. Кромѣ этого дѣйствія надъ горячимъ слѣдомъ, еще практикуется слѣдующее. Когда замѣтятъ во время осмотра подозрительный воровской слѣдъ, то тщательно снимаютъ его такъ, чтобы его взять цѣликомъ, т. е. во всю ступню. При этомъ слѣдъ должна снимать обязательно женщина замужняя, распустивъ изъ подъ повойника одну косу. Когда слѣдъ женщина вырѣжетъ ножикомъ и обязательно спинкой, а не лезвіемъ, то на

мѣсто вырѣзаннаго слѣда кладетъ углей съ жаромъ. Сдѣлавъ это, женщина несетъ вырѣзанный слѣдъ знахаркѣ, чтобы поворожить, что воръ издохнетъ или нѣтъ. Знахарка береть горшокъ, наливаетъ туда квасу молозева, т. е. только еще заболтанаго, и въ горшокъ съ молозевомъ сыплетъ принесенный женщиной слѣдъ (это все равно, будь слѣдъ изъ земли или изъ снѣгу), кладетъ туда три угля осиновыхъ, накроетъ горшокъ тряпицей и поставитъ на печкѣ, а сама начнетъ молиться Богу, прося наказать и указать вора человѣка обидчика. Когда знахарка молится, то заставляетъ принесшую слѣдъ женщину слушать, что, пыхтитъ молозево въ горшкѣ, или нѣтъ. Если женщина не услышетъ никакого пыхтѣнья, то знахарка снова начинаетъ свое моленье и до тѣхъ поръ молится, пока молозево запыхтитъ. Когда молозево запыхтитъ, тогда знахарка береть горшокъ съ печи, ставитъ его возлѣ порога и заставляетъ женщину 3 раза перешагнуть черезъ него. Послѣ этого знахарка откроетъ горшокъ, смотритъ въ него и говоритъ, что воръ будетъ обязательно наказанъ по прошествіи 3 лѣтъ. Потомъ вырываетъ на дворѣ около воротъ яму—могилу и вливаетъ въ нее все содержимое въ горшкѣ и закапываетъ. Три осиновыхъ угля означаютъ три года, зарываніе въ яму означаетъ, что воръ черезъ три года, если не лишится ногъ, то обязательно подохнетъ и его зароютъ въ могилу. Это считается за самое вѣрное средство наказать вора, а для вора оно бываетъ самымъ страшнымъ наказаніемъ. Въ доказательство ихъ вѣры въ такія средства служитъ то, что воры, какъ только узнаютъ, что слѣды не успѣли остыть, а ужъ надъ ними дѣлаютъ вышеозначенныя средства, то приходили къ хозяину, у котораго покрали вещи и просили у него прощенія. (Орловск. губ. Болховск. у. Костинъ).

§ 28. Вещественныя доказательства. Вещи, найденныя у подозрительнаго лица, принадлежность коихъ неизвѣстна. Принудительное взятіе вещей, служащихъ доказательствомъ преступленія или обезпеченіемъ иска. Приводъ вора на судъ съ поличнымъ.

Почти повсемѣстно существуетъ въ крестьянскомъ быту правило, по которому найденныя у подозрительнаго лица вещи, завѣдомо ему не принадлежащія, сдаются на храненіе сельскому старостѣ, сельскому сотскому, или кому либо изъ крестьянъ, извѣстному своею добросовѣстностью. Впрочемъ изъ описанія имѣющихся случаевъ этого рода вытекаетъ, что сравнительно рѣдки тѣ случаи, когда отбираются вещи, хозяинъ коихъ совершенно неизвѣстенъ. Главная масса случаевъ, сюда относящихся—нахожденіе вещей при обыскѣ, производящемся послѣ совершенія у кого либо кражи. Здѣсь потерпѣвшій отъ кражи беретъ съ собой старосту, сотскаго и понятыхъ и производится нерѣдко повальный обыскъ по всей деревнѣ. Находимыя вещи передаются на храненіе вышеуказаннымъ порядкомъ и отъ хранителя берется росписка. Бываетъ на практикѣ нерѣдко, что вещи передаются немедленно же, до суда, ихъ настоящему владѣльцу, когда таковой извѣстенъ (напр. Тихв. у. Закатовъ), особенно же часто передаются непосредственно собственнику найденныя животныя, ибо на ихъ кормленіе необходимо нести расходы, которыя кромѣ собственника никто на себя не возметъ. (Вятск. губ. Котельн. у. Сазоновъ). Рѣдки, но возможны, далѣе, случаи отдачи вещей на храненіе и тому, у кого ихъ нашли, причемъ берется росписка, что за растрату будетъ отвѣчать (Саратовск. г. Кузнецк. у. Смирновъ). Возможна, наконецъ, отдача вещей на храненіе въ волостное правленіе, но нерѣдки случаи, что въ волостномъ правленіи хранимыя вещи пропадаютъ безслѣдно. „Принесли однажды дрова краденые, ихъ сожгли за неимѣніемъ отопленія, также дугу, принесенную на

храненіе, сторожъ продалъ и пропилъ деньги съ писаремъ, товаръ отобранный у того, кто безъ правъ торгуетъ (табакъ, спички, вино)—уничтожаются безъ слѣда, а потому и дѣла остаются безъ послѣдствій". (Орловск. у. Михѣевъ).

Принудительное взятіе найденной у виновнаго вещи, могущей служить доказательствомъ преступленія (въ большинствѣ случаевъ съ участіемъ сельскихъ властей и понятыхъ) практикуется весьма нерѣдко. Взятіе такихъ вещей практикуется иногда потерпѣвшимъ просто для возвращенія своей собственности, причемъ въ большинствѣ случаевъ не возбуждается никакого судебнаго производства. (Калужск. губ. Козельск. у. Лошмановъ, Орловск. г. Карачевск. у. Морозовъ). Но чаще отобраніе вещей производится, какъ для доказательства воровства, такъ и для обезпеченія иска, или же съ одной изъ этихъ цѣлей. При этомъ возможно отобраніе какъ украденнаго предмета, такъ и орудія преступленія (напр. топора при лѣсныхъ порубкахъ, узды, веревки, шлеи при потравахъ или уводѣ лошади). (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Дилакторскій, или Хмѣлевск. у. Шустьковъ).

Всѣ имѣющіеся матеріалы приводятъ къ убѣжденію, что обычая представлять вора на оффиціальный судъ съ привѣшаннымъ къ нему поличнымъ не существуетъ (единственное противоположное свидѣтельство Казанск. губ. Спасск. у. Иванова указываетъ, что существуетъ обычай представлять вора на судъ съ поличнымъ, повѣшаннымъ на спинѣ, шеѣ или на плечахъ, но не указано, о какомъ судѣ идетъ рѣчь, объ оффиціальномъ волостномъ, или нѣтъ).

Иное значеніе имѣетъ употребляемое нерѣдко выраженіе представить вора на судъ съ поличнымъ, означающее просто представленіе суду вещественныхъ доказательствъ кражи (Тихвинск. у. Захаровъ, Рязанск. губ. Скопинск. у. Чепуринъ).

Засимъ, возможны случаи представленія вора съ привѣшаннымъ къ нему поличнымъ въ волостное правленіе или къ полицей-

скому урядніку, а также бываютъ случаи привода вора съ привѣшаннымъ къ нему поличнымъ на неоффиціальный судъ сельскаго схода (напр. Болховск. у. Костинъ, Карачевск. у. Римкинъ). Бываетъ, наконецъ, что на вора привѣшиваютъ украденую вещь съ цѣлью посрамленія и водятъ его въ такомъ видѣ по селу. (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Мерцаловъ). „При поимкѣ на мѣстѣ преступленія, привѣшиваютъ вору ту вещь, которую онъ укралъ, и водятъ по деревнѣ для смѣха и народъ за нимъ гайкаетъ“. (Болховск. у. Перьковъ). „Если поймаютъ вора на базарѣ или ярмаркѣ, то его привязываютъ къ той лавкѣ, въ которой онъ совершилъ кражу, и дѣлаютъ надъ нимъ разныя посрамленія, въ особенности потерпѣвшій. Тутъ вору напосятся побои и плюютъ ему въ глаза“. (Вятск. губ. Орловск. у. Гребеневъ). О подобныхъ расправахъ, намъ уже приходилось говорить при разборѣ вопроса о самосудѣ и о неоффиціальныхъ народныхъ судахъ.

§ 29. Пріемы, употребляемые при сличеніи предметовъ, отобранныхъ у заподозрѣнныхъ лицъ.

Способы сличенія предметовъ, отбираемыхъ у заподозрѣнныхъ въ кражѣ лицъ, имѣютъ наибольшее практическое значеніе при сличеніи предметовъ, какіе бываютъ почти въ обиходѣ каждаго крестьянина. Существованіе предметовъ однородныхъ въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ дѣлаетъ розыскъ украденыхъ предметовъ этого рода особенно затруднительнымъ. Тѣмъ не менѣе въ крестьянскомъ быту выработались довольно тонкіе пріемы слички подобныхъ предметовъ, иногда приводящіе къ безошибочному выводу относительно виновника кражи. Разсмотримъ существующіе пріемы слички разныхъ предметовъ.

1. Сличка зерепъ. При слички хлѣба въ зернахъ обращается вниманіе на сортъ хлѣба, цвѣтъ и очистку его. Смотрятъ и

на то, „рыженая рожь или сырая“; обмолочень на молотилкѣ или нѣтъ, въ хлѣбѣ, обмолоченномъ на веретьѣ, разостланномъ на току, земли не бываетъ (Орловск. у. Михеевъ). Смотрятъ и на то, что чистка вывѣйки зерна у разныхъ хозяевъ бываетъ неодинакова, и по ней крестьяне безъ труда различаютъ хлѣбъ одного хозяина отъ хлѣба другого: въ этомъ изрѣдка попадаютъ колоски, а въ томъ есть сѣмена торицы или клонины, а въ этомъ нѣтъ. Крестьяне узнаютъ по зерну, на какомъ току хлѣбъ молоченъ—на земляномъ или на мощеномъ деревянномъ, потому что въ первомъ случаѣ въ зернѣ есть песокъ, а во второмъ нѣтъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, зерна подсѣваютъ ситомъ, сквозь которое песокъ пройдетъ. Овесъ молотятъ двумя способами: одни молотятъ какъ и рожь, цѣпами, а другіе „трутъ“ лошадьми. Зерно того и другого обмолота различаютъ по присутствію въ послѣднемъ кусочковъ лошадинаго помета. Прибѣгаютъ также къ взвѣшиванію четверика или гарица зерна: вѣсъ не „попова душа“,—вѣрно скажетъ. (Новгородск. г. Череповецк. у. Власовъ). Бываетъ и такъ, что въ рожь подсыпаютъ понемногу гороха, гречи и потому по присутствію гороха или гречи узнаютъ эту рожь. (Карачевскій у. Морозовъ). Иногда имѣетъ значеніе присутствіе въ ржи специфическаго запаха (при раскусываніи отдаетъ чеснокомъ). (Орловск. г. Хотынецъ Сахаровъ).

При сличеніи овса, большинство нюхаетъ, потомъ пробуетъ на вкусъ его, и наконецъ берутъ по горсти найденнаго овса и оставшагося у поторшѣвшаго и бросаютъ въ чашку съ водою. Если всплываетъ одинаковое, приблизительно число зеренъ, то овесъ тождественъ. (Тульской г. Веневскій у. Шаталинъ).

2. Сличка муки. При сличкѣ муки обращаютъ вниманіе на то, чья мука бѣлѣе, чья темнѣе, въ какой есть примѣсь песку, а въ какой нѣтъ, пробуютъ на вкусъ—какая мука горчитъ или имѣетъ вкусъ сладкій, различаютъ, какая суше, какая сырѣе. (Орловск. г. Михеевъ, ср. также Черепов. у. Власовъ).—„Муку, со-

лодъ опредѣляютъ по вкусу, сушкѣ и по молу. Одинъ крестьянинъ солодъ мелетъ крупно для пива, другой помельче, у одного солодъ или рожь запарилась и на вкусъ ужъ слышна, у другого нѣтъ, у одного она суха и немного красновата отъ этого, у другого плохо просушена, отъ чего бѣла и плохо вязнетъ въ зубахъ". (Костромск. г. Ветлужск. у. Кузнецовъ).

3. Сличка хлѣба въ снопахъ. При сличкѣ сноповъ обращаютъ вниманіе на связку, величину снопа, какая связка, т. е. изъ чего она сдѣлана и какимъ узломъ связанъ снопъ. (Саратовск. г. Хвалынск. у. Мироновъ). „Снопы мѣтятся разно. Одинъ дворъ дѣлаетъ куклу направо, а другой на лѣво, а иной наминаетъ ее въ серелку. Даже у каждой бабы своеобразная вязка, такъ что таковыя могутъ свой снопъ выбрать изъ тысячи сноповъ. Нѣкоторыя же, для того, чтобы примѣту сдѣлать болѣе надежной, доказательной, — это дѣлается тамъ, гдѣ въ большомъ ходу увозъ копенъ съ поля, при вязкѣ въ снопъ вкладываютъ камушекъ, щепку, или еще какой либо инородній предметъ. При стилѣ замашекъ бабы тоже ихъ мѣтятъ, дѣлая гдѣ либо надломы или надрѣзы—одна ближе къ головкѣ, другая по серединѣ, такъ, чтобы этотъ надломъ приходился во всѣхъ снопахъ въ одномъ мѣстѣ". (Карачевск. у. Морозовъ).

4. При сличкѣ сѣна обращаютъ вниманіе на присутствіе въ немъ тѣхъ или другихъ травъ. На каждомъ лугу растетъ какой нибудь особый видъ травы и привычный глазъ крестьянина всегда отличитъ одно сѣно отъ другого, развѣ только покосы расположены рядомъ. (Новгородск. г. Череповецк. у. Антиповъ). Смотрятъ и на то, каково качество сѣна: заливное, суходольное, обложное, лѣсное сѣно; сѣно съ цвѣткомъ, съ листкомъ, съ осокой и проч. (Юхновск. у. Кушнеревъ).

5. Шеньку различаютъ чья больше въ рѣкѣ лежала, а какая не вымокла,—по цвѣту, по росту сноповъ (Орловск. г. Михе-

евъ). Такъ какъ пенька мочится не при одинаковыхъ степеняхъ тепла и холода и неодинаковые періоды времени, то одна пенька легко отдѣляется отъ трости, другая труднѣе, почему и остается на ней болѣе кастры (обломковъ стеблей). (Орловск. г. Хотынецъ Сахаровъ).

6. При сличеніи холстовъ нерѣдко вызываютъ бабъ—экспертовъ (Новгородск. г. Череповец. у. Власовъ). Онѣ смотрятъ, насколько равны нитки того и другого холста, на бѣлизну и ширину, считаютъ число пасмъ въ основѣ, опредѣляя ихъ по числу нитокъ на концѣ холста. Моты пряжи считаютъ также по числу пасмъ и чисменокъ и по ниточкѣ, какою перевязаны пасмы. Полотна опредѣляютъ по оставшимся концамъ: ткани приставляютъ, чтобы узнать сходится ли конецъ найденнаго полотна съ концомъ полотна одного тканья съ ворованнымъ; для большей точности считаютъ нитки въ основѣ полотна, или разсматриваютъ, какой бумагой учено. Такой способъ сличенія основанъ на чрезвычайномъ разнообразіи величины бердъ, употребляемыхъ бабами при тканьѣ. Моты опредѣляютъ по пасмамъ и численицамъ и по мотовилу. Одна баба мотаетъ на мотовилѣ двадцаткѣ, т. е. въ пасму идетъ 20 численицъ, другая на тридцаткѣ, мотовило тридцатка имѣетъ полтора аршина вышины, двадцатка побольше; численица имѣетъ три нитки. (Костромск. г. Ветлужск. у. Кузнецовъ).

7. При сличеніи кружковъ бревенъ съ оставшимися послѣ порубки пнями прикладываютъ отрѣзки первыхъ къ послѣднимъ. Если воръ успѣлъ отрѣзать отъ пня кусокъ, то производятъ сличку, принимая во вниманіе породу дерева, качество его и слои, которымъ производится подсчетъ. „Если украденное дерево окажется по наслоенію 60 лѣтъ, да и найденное окажется тѣхъ же лѣтъ, одной и той же породы и качества, то считается это за явный признакъ, что оно то самое, которое было крадено“. (Вологодск. г. Хмѣлевск. у. Шустьковъ).—При сличкѣ гвоздей принимается во вниманіе, изъ какого матеріала они сдѣланы. Однажды при обыскѣ у подозрѣва-

емаго въ кражѣ нашли около 30 пудовъ желѣза. Изъ разсчетной книжки подозрѣваемаго видно было, что за недѣлю передъ тѣмъ онъ отвезъ хозяину выработанные раньше гвозди и взялъ вновь 40 пудовъ желѣза. Изъ 40 пудовъ взятаго желѣза наковано гвоздей 20 пудовъ; потерялось желѣза при расковкѣ около 2 пудовъ. Слѣдовательно желѣза должно было оставаться около 17—18 пудовъ, въ дѣйствительности же нашлось 30 пудовъ. Кромѣ того украденое желѣзо состояло изъ мелкихъ полосокъ, потому, что нарѣзано было изъ мелкаго браку, тогда какъ у того хозяина, на котораго коваль виновный, было желѣзо въ лапиныхъ полоскахъ, аршина $2^1/_2$—3, потому, что нарѣзано было изъ старыхъ желѣзно-дорожныхъ рельсъ. Этихъ данныхъ было вполнѣ достаточно, чтобы привлечь вора къ отвѣтственности. (Новгородск. губ. Череповецк. у. Антиповъ).—Есть далѣе, интересные разсказы о нахожденіи пропавшихъ вещей по особымъ мѣткамъ, которыя сдѣланы были заранѣе на всякій случай ихъ владѣльцами. Напримѣръ, случай нахожденія телѣги черезъ четыре года послѣ ея пропажи по винтамъ, которыми она была скована, а взяты эти хозяинъ замѣтилъ тѣмъ, что на каждомъ высѣкъ по три черточки, кромѣ того на подушкѣ было забито шесть конныхъ гвоздей. (Орловск. г. и у. Костинъ); случай нахожденія бороны въ чужой деревнѣ несмотря на то, что она была передѣлана, по такимъ примѣтамъ: въ третій клецъ отъ краю забитъ одинъ гвоздь, а съ другого бока на четвертомъ клецу забитъ гвоздь въ конецъ верхній, а по срединѣ маленькимъ буравчикомъ проверчута дырочка". (Орловск. у. Костинъ). Нерѣдко мѣтятъ гусенятъ тѣмъ, что прокалываютъ на лапкахъ одну дырочку шиломъ или гвоздемъ, а иногда двѣ лапки. Иногда молодымъ гусенятамъ и ягнятамъ свѣчкою выпаливаютъ шерсть или перья на головѣ и на шеѣ. (Дорогобужск. у. Гриневъ). Также весьма часто мѣтятъ матеріи особыми узорами или вышивками.

ГЛАВА VI.

Судебное рѣшеніе.

§ 30. Составленіе рѣшеній въ волостномъ судѣ. Отобраніе голосовъ. Порядокъ объявленія рѣшеній. Заочныя рѣшенія и порядокъ ихъ объявленія.

По разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣлъ, волостной судъ составляетъ приговоръ. Лишь въ несложныхъ дѣлахъ судьи разрѣшаютъ дѣло, не выходя изъ зала засѣданія, въ большинствѣ же случаевъ они удаляются въ совѣщательную комнату. Совѣщаніе весьма не рѣдко происходитъ въ присутствіи писаря, который приноситъ съ собою законы, на основаніи которыхъ рѣшается дѣло. При разногласіи судей, дѣло рѣшается по большинству голосовъ, при равенствѣ голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. На практикѣ при разногласіяхъ между судьями мнѣніе писаря фактически оказываетъ большое вліяніе на исходъ дѣла. Послѣ рѣшенія судьями дѣла по существу писарь составляетъ текстъ рѣшенія, иногда въ совѣщательной комнатѣ, иногда и въ залѣ засѣданія (въ послѣднемъ случаѣ судьи, выйдя, шепчутъ писарю на ухо существо рѣшенія, засимъ ждутъ, пока писарь напишетъ текстъ, засимъ текстъ этотъ уже прочитывается писаремъ вслухъ).

Самый текстъ рѣшенія составляется въ большинствѣ случаевъ въ видѣ выписки изъ протокола засѣданія, послѣ коей слѣдуетъ краткая мотивировка рѣшенія и ссылка на законъ, особенно на ст. 15 и 25 ст. врем. прав. о вол. судѣ. Существуетъ указаніе на то,

что нѣкоторые суды при добросовѣстномъ рѣшеніи дѣла всегда ссылаются на соотвѣтствующій законъ, когда же судьи подкуплены и подвести желательное рѣшеніе подъ законъ невозможно, дѣлается почти всегда ссылка на мѣстный обычай. (Новгородск. г. Череповец. у. Власовъ)

Объявляется рѣшеніе сторонамъ тутъ же въ засѣданіи. Стороны расписываются въ книгѣ рѣшеній, что рѣшеніе имъ объявлено. Иногда указываютъ, что рѣшеніемъ они довольны или недовольны. Въ послѣднемъ случаѣ просящей о томъ сторонѣ выдается копія рѣшенія.

Заочныя рѣшенія въ волостныхъ судахъ нерѣдки. Они возможны конечно только въ томъ случаѣ, если сторона, получивъ повѣстку, не явилась. Многіе волостные суды избѣгаютъ заочныхъ рѣшеній, боясь односторонне рѣшить дѣло. Заочныя рѣшенія объявляются отсутствующей въ засѣданіи сторонѣ черезъ сельскую администрацію подъ росписку, и срокъ обжалованія рѣшенія считается этой сторонѣ со дня объявленія ей рѣшенія. Въ случаѣ, если рѣшеніе остается необжалованнымъ въ установленный закономъ срокъ, оно приводится въ исполненіе совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ и рѣшеніе, состоявшееся въ присутствіи стороны.

§ 31. Вознагражденіе за разбирательство дѣлъ.

Судебныхъ пошлинъ въ законномъ смыслѣ слова въ волостныхъ судахъ не установлено, и на практикѣ по единогласному свидѣтельству имѣющихся данныхъ, не примѣняются.

Также не установлено въ волостныхъ судахъ уплаты судебныхъ издержекъ въ гражданскихъ дѣлахъ или уплаты виновнымъ за „судебную волокиту“ обиженному въ уголовныхъ. Правда, подобныя присужденія изрѣдка имѣютъ мѣсто на практикѣ. (Череповецк. у. Власовъ, Орловск. у. Костинъ, Вологодск. губ. Хмѣлевск. у.

Шустьковъ, Жиздрінск. у. Зоринъ, Владимірск. г. Юрьевск. у. и Ярославск. г. Ростовск. у. Дружининъ). Рѣшенія такого рода, ввиду ихъ незаконности, отмѣняются Уѣздными Съѣздами.

Угощеніе судей сторонами, подкупъ и подпаиваніе ихъ—на практикѣ явленіе почти повсемѣстное. До 1890 года судьи не получали жалованья и подпаиваніе ихъ производилось въ еще болѣе беззастѣнчивыхъ размѣрахъ, чѣмъ теперь.—Но и въ настоящее время угощеніе судей сторонами далеко не вышло изъ употребленія. „Взяточничество, по временамъ самое наглое, и могарычи дѣйствуютъ у насъ во всей силѣ. Стараются прежде всего брать съ праваго, въ такомъ случаѣ въ роли посредника между судомъ и истцомъ является волостной писарь, который представляетъ просителю разныя затрудненія, если не подмазать судей". (Никольск. у. Ржаницынъ). Волостныхъ судей иногда въ одиночку принято попотчивать передъ судомъ, для того, чтобы они поддержали дѣло на судѣ и рѣшили въ пользу того, который потчуетъ. Крестьяне смотрятъ на подобныя вещи, какъ на необходимость, безъ которой пожалуй и вѣрное дѣло можно проиграть. Паротъ въ такихъ случаяхъ говоритъ—ничего не подѣлаешь, видно, сухая ложка ротъ деретъ. (Череповец. у. Васильевъ). Въ Уломскомъ правленіи про предсѣдателя суда сложилось нѣсколько пѣсенъ „нашъ предсѣдатель плутина, дѣла не судитъ безъ вина. А принеси ему вина, простится всякая вина. Судьи судятъ за вино, всѣ плутуютъ за одно.—Послѣ обильнаго угощенія у истца, предсѣдатель идетъ къ отвѣтчику и ему напѣваетъ ту же пѣсню. Послѣ разбора дѣла онъ выигравшей сторонѣ разсказываетъ по секрету: совсѣмъ было твое дѣло провалилось, да я настоялъ. Проигравшему онъ говоритъ: настаивалъ я, братъ, чтобы рѣшили дѣло по тебѣ, да ничего не могъ сдѣлать, уперлись вонъ тѣ двое. Ну да, можетъ быть, какъ нибудь и поправимъ". (Новгородск. губ. Черепов. у. Антиповъ). Когда судъ отправляется рѣшать дѣло

на мѣстѣ, угощеніе при этомъ вещь самая обыкновенная. (Карачевск. у. Морозовъ).

Вліяніе подобныхъ угощеній на исходъ дѣла разное. Иногда оно существенно, иногда его вовсе нѣтъ—когда судьи берутъ угощеніе съ обѣихъ сторонъ, но при рѣшеніи съ нимъ не считаются.

Бываетъ, также, что судьи принимаютъ угощеніе отъ сторонъ послѣ рѣшенія дѣла. „За разбирательство каждаго дѣла берется вознагражденіе, но не деньгами, а водкой—все это берутъ судьи и волостной писарь съ того, въ чью пользу окончилось дѣло. (Орловск. у. Михеевъ).

Угощеніе свидѣтелей сторонною, по ссылкѣ которой они вызваны въ судъ происходитъ повсемѣстно, но иногда только въ случаѣ рѣшенія дѣла въ пользу данной стороны.

Крестьяне не видятъ въ угощеніи свидѣтелей подкупа, и даже угощеніе судей, несмотря на получаемое ими жалованье, признаютъ нормальнымъ явленіемъ. Порицаніе и осужденіе подобныхъ порядковъ на практикѣ встрѣчается рѣдко.

§ 32. Отвѣтственность истца или обвинителя за неправильное предъявленіе иска или обвиненія.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ неправильное предъявленіе уголовнаго обвиненія или гражданскаго иска, кромѣ оправданія обвиняемаго или отказа въ искѣ, не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій для обвинителей и истцовъ. Волостные суды не имѣютъ по закону и права налагать на нихъ штрафа за неправильное предъявленіе обвиненія или иска.

Единичные случаи присужденія судомъ штрафа за „безчестіе“ или неправильное предъявленіе иска на практикѣ, однако, бываютъ. (Калужск. у. Лебедевъ, Костромск. губ. Ветлужск. у. Кузнецовъ). Этихъ случаевъ, являющихся нарушеніемъ закона и влекущихъ за

собой отмѣну при апелляціи, нельзя смѣшивать съ тѣми, когда при недобросовѣстномъ обвиненіи оправданная сторона предъявляетъ сама обвиненіе противъ обвинителя въ ложномъ доносѣ или въ клеветѣ передъ судомъ. (Новгородск. г. Череповецк. у. Антиповъ, Власовъ, Пошехонск. у. Баловъ, Рязанск. г. Скопинск. у. Чепуринъ, Новгородск. г. Тихвинск. у. Захаровъ). Въ этихъ случаяхъ судъ разбираетъ возникающія такимъ образомъ дѣла. Но на практикѣ подобныя обвиненія рѣдко возбуждаются и еще рѣже достигаютъ цѣли.

§ 33. Грѣхъ пополамъ, или присужденіе половины исковыхъ требованій при сомнительной доказанности иска или неумышленномъ причиненіи ущерба.

Принципъ „грѣхъ попаламъ“, или присужденіе судомъ половины исковыхъ требованій примѣняется на практикѣ если не всѣми, то многими волостными судами въ случаѣ сомнительности доказательствъ иска, а также при неумышленномъ причиненіи вреда или убытковъ.

Крестьянинъ деревни Мамыпей привезъ одному торговцу бочку масла цѣною на 50 рублей. Когда бочку поставили на вѣсы для взвѣшиванія то, веревка, поддерживавшая коромысло вѣсовъ, оборвалась, бочка упала на каменный полъ и разбилась, а масло пролилось по полу. Крестьянинъ подалъ на торговца искъ въ 50 руб., но судъ присудилъ въ пользу потерпѣвшаго только 25 руб. (Смоленск. г. Юхновск. у. Кушеревъ). Часто по тому же принципу присуждаются убытки съ пастуха за пропавшую изъ стада чужую скотину. Такое произвольное присужденіе судомъ половины иска при неумышленности причиненія ущерба или при недостаточной доказанности иска не имѣетъ за собой никакихъ законныхъ основаній и уѣздными съѣздами подобныя рѣшенія всегда отмѣняются.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волостные суды уже понимаютъ, что не имѣютъ права выносить такія рѣшенія и формулу „грѣхъ пополамъ“ примѣняютъ только какъ примирительную, предлагая ее какъ основаніе мировой сдѣлки сторонамъ, и присуждая половину иска лишь съ согласія послѣднихъ (напр. Новгородск. губ. Череповецк. у. Васильевъ, Вологод. г. Кадниковск. у. Мерцаловъ).

Въ личной практикѣ автора по Брянскому Уѣздному Съѣзду произвольныя присужденія волостными судами по формулѣ „грѣхъ пополамъ“ встрѣчались неоднократно.

§ 34. Обычное право, какъ источникъ рѣшеній волостныхъ судовъ.

Въ распоряженіи автора имѣется весьма немного свѣдѣній относительно того, въ какой мѣрѣ наши волостные суды руководствуются обычнымъ правомъ. По мнѣнію однихъ наблюдателей суды ими руководствуются мало, предпочитая положительные законы, по отзыву другихъ, волостные суды примѣняютъ обычаи болѣе законовъ. Одно не подлежитъ сомнѣнію—это то, что нигдѣ нѣтъ твердой, установившейся практики и распространенныхъ, хорошо укоренившихся юридическихъ обычаевъ въ нашемъ крестьянскомъ быту почти нельзя указать.

Чаще всего волостные суды примѣняютъ обычное право въ дѣлахъ, вытекающихъ изъ раздѣловъ семейнаго имущества, по наслѣдованію крестьянскаго имущества, по земельному устройству крестьянскому (напр. Новгород. г. Череповец. у. Антиповъ, Васильевъ), при опредѣленіи долей изъ общаго имущества не вышедшимъ въ замужество и замужнимъ дочерямъ при сыновьяхъ, при раздѣлѣ имущества между законными и незаконнорожденными дѣтьми, при раздѣлѣ имущества между дѣтьми разнаго поведенія, при некѣ отцовскаго имущества нѣсколькими сыновьями, если отецъ былъ на попе-

ченіи одного изъ нихъ, затѣмъ при предъявленіи исковъ по документамъ, отчасти оплоченнымъ, но безъ наличности отмѣтки объ уплатѣ на самомъ документѣ; по искамъ объ отобраніи продавцемъ отъ покупателя проданной вещи въ тѣхъ случаяхъ, когда покупатель не уплатилъ условную сумму; по искамъ объ обратномъ возвращеніи задатка, по искамъ, возникающимъ между супругами; по искамъ приданаго, по искамъ по возмѣщенію расходовъ, употребленныхъ напрасно истцемъ по случаю приготовленія къ свадьбѣ, неудавшейся по винѣ отвѣтчиковъ, по искамъ, возникающимъ въ виду заключенія незаконныхъ обязательствъ и условій, по искамъ съ поручителя и т. д. (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Дилакторскій). Привожу дальнѣйшее подобное описаніе примѣровъ:

Для указанія на существованіе мѣстнаго убычая въ отношеніи опредѣленія для наслѣдства дочери при сыновьяхъ сошлюсь на рѣшеніе С—скаго волостного суда. 7 октября 1891 года крестьянская дѣвица д. Пл. О. Р. обратилась въ судъ съ исковой просьбой о выдачѣ ей слѣдуемой доли изъ общаго отцовскаго наслѣдственнаго имущества, находящагося въ распоряженіи брата и племянниковъ просительницы. На судѣ выяснилось, что истица уже получила изъ общаго имущества на свой пай разнаго имущества на сумму 94 рубля и что она, будучи дѣвицей, уже имѣла трехъ дѣтей, а кромѣ того и въ моментъ судебнаго разбирательства истица, судя по наружному виду, была, безъ сомнѣнія, беременна. Судъ рѣшилъ такъ: за дурное поведеніе просительницѣ въ кускѣ хлѣба отказать, присудивъ съ брата ея Ф. А. и М. Р. дать 12 рублей на отдѣльный пріютъ или уголъ въ домѣ, а если найдутъ это для себя неудобнымъ, то выстроить ей келью.

Изъ разсмотрѣнія судебной практики волостныхъ судовъ выясняется, что иногда судъ игнорируетъ утвержденныя окружнымъ судомъ духовныя завѣщанія или опредѣленія объ утвержденіи кого нибудь въ правахъ наслѣдства, если они не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ

обычаямъ и наоборотъ,—принимаетъ въ уваженіе завѣщанія, по которымъ имущество опредѣлено исключительно по волѣ завѣщателя и несогласно съ указаніемъ гражданскихъ законовъ.

Въ К—чскій волостной судъ поступило прошеніе отъ двухъ родныхъ братьевъ на третьяго объ опредѣленіи имъ одного надѣла земли, взятаго при семейномъ раздѣлѣ отцомъ ихъ на себя, такъ какъ родитель жилъ передъ смертью у третьяго сына, отвѣтчика, то и надѣлъ остался во владѣніе третьяго сына. Судъ, въ виду того, что отецъ находилъ пріютъ и содержаніе у третьяго сына и никакой помощи отъ обоихъ сыновей истцовъ не видѣлъ, въ искѣ отказалъ.

М. А. была замужемъ 7 лѣтъ и послѣ смерти своего мужа, за неимѣніемъ дѣтей, возвратилась въ свой родительскій домъ. Будучи вдовой, она просила присудить ей полѣтки (лѣтній заработокъ) за 7 лѣтъ. Судъ просьбу ея уважилъ и исковыя требованія удовлетворилъ, присудивъ въ ея пользу 70 руб. со свекра.

Въ К—чскій волостной судъ поступило прошеніе М. о взысканіи въ пользу его двойныхъ задаточныхъ денегъ, задатокъ на задатокъ. М. купилъ у Х. быка за 30 рублей и далъ задатокъ 3 рубля, а быка не увелъ. Когда покупатель явился за быкомъ, то отвѣтчикъ не выдалъ ему ни быка, ни задатка потому, что тотъ поздно явился. Отвѣтчикъ привелъ на судъ двухъ свидѣтелей, которые показали, что они слышали какъ при нихъ Х. приказывалъ М. явиться за быкомъ въ извѣстный день. Судъ въ исковыхъ требованіяхъ М. съ Х. ввиду свидѣтельскихъ показаній —отказалъ.

Одна крестьянская жена обратилась въ мѣстный волостной судъ съ просьбой на своего мужа, чтобы судъ приказалъ ему прописать дѣтямъ все принадлежащее ему (а не ей) имущество, иначе она отказывается отъ совмѣстной жизни съ мужемъ. Судъ постановилъ: взыскивать съ мужа просительницы на пропитаніе дѣтей его, до совершеннолѣтія ихъ, по одному пуду въ мѣсяцъ на каждаго изъ нихъ, малолѣтнихъ дѣтей.

Крестьянинъ той же волости Е. В. жаловался на свою жену, что она не повинуется ему и самовольно, безъ его разрѣшенія, ушла отъ него къ своей родинѣ, почему и проситъ судъ наказать жену и приказать ей жить съ нимъ вмѣстѣ. Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что С. П. ушла отъ мужа безъ всякихъ причинъ на то со стороны мужа. Судъ постановилъ такъ: женѣ возвратиться къ мужу и жить съ нимъ вмѣстѣ, а мужу содержать ее и ни въ чемъ безъ законныхъ причинъ ее не притѣснять.

По искамъ приданаго въ нашемъ уѣздѣ существуетъ повсемѣстный обычай возвращать вдовѣ, въ особенности бездѣтной, при возвращеніи ея въ родительскій домъ, все принадлежащее ей приданое.

Крестьянинъ А. В. подалъ въ судъ жалобу на П. С. прося взыскать съ послѣдняго 25 рублей, которые просителемъ были напрасно истрачены на приготовленіе къ свадьбѣ, которая разстроилась по винѣ семьи отвѣтчика. На судѣ отвѣтчикъ заявилъ, что исковыя требованія очень преувеличены и согласился уплатить добровольно два рубля. Судъ призналъ возраженіе отвѣтчика правильнымъ и присудилъ съ него взыскать въ пользу просителя только 2 рубля. Вообще при такихъ искахъ всегда ихъ размѣры бываютъ повышены, и судъ всегда присуждаетъ ту или другую, но значительно уменьшенную сумму.

Въ Д—скомъ волостномъ судѣ разсматривалось дѣло: крестьянину деревни Ч.. П. К. захотѣлось устроить новый домъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ принедшій въ ветхость, между тѣмъ разстояніе этого дома до сосѣдняго было не настолько значительно, чтобы можно было соблюсти правила строительнаго устава. Тогда онъ собралъ деревню и просилъ у нея разрѣшенія; селеніе предложило ему войти въ соглашеніе съ сосѣдомъ. Съ нимъ П. К. вошелъ въ соглашеніе письменное, по которому этотъ сосѣдъ не будетъ ни спорить, ни препятствовать строить домъ. Послѣ того, какъ П. К. выстроилъ себѣ домъ, сосѣдъ подалъ въ судъ жалобу на П. К.,

прося судъ присудить домъ къ сломкѣ, какъ построенный безъ соблюденія пожарнаго строительнаго устава. Судъ постройку призналъ неправильною и домъ присудилъ къ сломкѣ. П. К. перенесъ домъ на новое мѣсто, подалъ въ судъ исковое прошеніе на своего сосѣда, прося, чтобы тотъ уплатилъ ему ту сумму, которую онъ напрасно израсходовалъ по винѣ отвѣтчика, нарушившаго свое обязательство. Судъ присудилъ взыскать искомую сумму съ отвѣтчика въ пользу истца, въ силу заключеннаго ими условія. Такое рѣшеніе суда съѣздомъ было отмѣнено.

Такимъ образомъ оказывается, что суды принимаютъ и незаконныя обязательства.

Волостной судъ нерѣдко присуждаетъ взысканія денегъ не съ самого должника, а съ поручителя его, предоставляя послѣднему взыскивать присужденную съ него судомъ сумму съ того лица, за котораго онъ поручился передъ истцомъ.

Тесть П. К. желалъ взыскать съ своего зятя имущество, принадлежащее дочери просителя. Дѣло возникло изъ за того, что жена отказалась жить вмѣстѣ съ мужемъ и ушла къ своему отцу. Жена отвѣтчика на вопросъ суда: что ее вынудило уйти отъ мужа—отвѣчала, что у нея болитъ рука, а мужъ заставляетъ работать черезъ силу. Отвѣтчикъ выразилъ, что онъ работать жену черезъ силу не неволитъ и не нудитъ, и если она на будущее время не будетъ уходить отъ него самовольно къ своему отцу, то онъ согласенъ взять ее къ себѣ обратно сейчасъ. Судъ постановилъ приказать женѣ отвѣтчика жить съ мужемъ и во всемъ слушаться мужа, по силѣ возможности должна работать; если же она будетъ уходить отъ мужа безъ притѣсненія, въ наказаніе имѣнія, принадлежащаго ей, не выдавать, а просителю въ искѣ отказать, какъ соблазнителю и подражателю своей дочери и кромѣ того К. безъ дозволенія мужа (т. е. зятя) дочь У. въ домѣ у себя не держать даже одной ночи и отправлять ее всегда къ мужу.

Какъ на примѣръ отсутствія всякой формальности въ иныхъ случаяхъ и разрѣшенія дѣлъ по жизненнымъ требованіямъ и здравому смыслу (въ основѣ чего лежитъ желаніе рѣшить по совѣсти и справедливости) приведу случай рѣшенія К—го волостного суда. Вдова изъ деревни С., П. Р. отдала въ аренду полосу земли А. Р. на три года по 50 коп. въ годъ и деньги 1 р. 50 коп. получила впередъ за три года. Спустя два года послѣ этого, она вышла во второе замужество и стала сама нуждаться въ землѣ, почему мужъ ея сталъ запрещать арендатору Р. пользоваться на третій годъ этой землей; вслѣдствіе этого арендаторъ вынужденъ былъ обратиться съ исковой просьбой, чтобы судъ возстановилъ ему владѣніе, нарушаемое мужемъ П. Р. и его семьей. Судъ постановилъ такое опредѣленіе: П. П. хотя и отдавала полосу въ аренду Р. и за три года получила впередъ аренду по 50 коп. овсомъ, но нынѣ отдавать ее не соглашается, такъ какъ нужно самой, а тѣмъ болѣе состоитъ нынѣ въ замужествѣ. Затѣмъ Р. хотя и уплатилъ деньги въ счетъ аренды, то и, завладѣлъ таковыя (выручилъ ихъ изъ доходовъ отъ арендуемой земли) за два года; въ таковыхъ соображеніяхъ судъ въ искѣ полосы отказалъ и принудилъ взыскать съ отвѣтчицы въ пользу истца 1 пудъ овса. (Вологодск. губ. Кадниковск. у. Дилакторскій).

Привожу другіе характерные перечни и разсказы объ употребленіи обычнаго права въ волостныхъ судахъ.

Волостные суды при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствуются мѣстными юридическими обычаями, обычаи эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ формуламъ и тѣмъ лаконическимъ выраженіямъ народа, которыя вошли въ поговорки. Долженъ—плати. Не долженъ— не плати. Нанялся—продался, откупился—выкупился. Рукамъ воли не давай, а языкомъ болтай. Пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ. Пьянъ то пьянъ, а объ стѣну головой не бьется. Чужаго не бери и своего не упускай. Твоя скотина—ты за ней и

смотри (относительно потравъ). Замужняя женщина, баба—отрѣзанный ломоть. Чья яблонка, того и яблочки. Чья корова, того и молочко. Чья обротка (недоуздокъ) того и лошадка. Чья овечка, того и шерсточка. Написано перомъ, не вырубишь топоромъ. Всѣ эти поговорки за исключеніемъ лишь: „замужняя баба отрѣзанный ломоть“ совпадаютъ со взглядами нашихъ общихъ законовъ. Замужняя баба означаетъ, что съ выходомъ въ замужество всѣ счеты съ прежней семьей покончены, а замужняя женщина является какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ отъ хлѣба (семьи). Поэтому то по крестьянскому обычаю отданныя въ замужество считаются какъ бы надѣленными и послѣ смерти родного отца не въ правѣ наслѣдовать его имущество. Такой взглядъ оправдывается тѣмъ, что при выдачѣ въ замужество невѣста надѣляется приданнымъ, состоящимъ какъ въ нарядахъ и необходимой одеждѣ для себя, будущаго мужа и потомства, такъ и въ скотѣ, постройкахъ и землѣ, если не на вѣчное и потомственное владѣніе, то въ пожизненное, или временное, на условленное количество лѣтъ. По обычаю крестьянъ недвижимое имущество, въ видѣ строеній, считается собственностью того, кѣмъ оно возведено, несмотря на то, кому принадлежитъ земля, на которой возведены постройки. Давность на право владѣнія народными обычаями не признается. (Орловск. г. Хотынецъ, Сахаровъ).

Споры о наслѣдствахъ и раздѣлѣ и т. п. иски волостной судъ рѣшаетъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Но нѣкоторыя статьи гражданскихъ законовъ (т. X ч. I) стали проникать и въ крестьянскую среду. Такъ, на волостномъ судѣ разбиралось дѣло о наслѣдствѣ. Послѣ смерти одного крестьянина, находившагося на военной службѣ, оставалось кое-какое имущество, стоимостью въ тридцать рублей. Военное начальство сдѣлало запросъ, кому выдать деньги. Дома у умершаго остались: отецъ, мать, жена и ребенокъ. Жена скоро вышла замужъ, взяла съ собою ребенка. Между отцомъ и женой солдата возникъ споръ: первый говоритъ, что ему

должно принадлежать имущество сына, такъ какъ, отдавая сына въ службу, онъ снарядилъ его, понесъ много убытковъ; вторая говорила, что у покойнаго есть ребенокъ, которому и должно принадлежать имущество.

Посторонніе мужики говорили, что отецъ правъ; вѣдь и внукъ, сколько ни живи у отчима, а все придетъ къ дѣдушкѣ. Дѣло дошло до волостного суда. Волостнымъ судьямъ извѣстны статьи десятаго тома о наслѣдствахъ и, на основаніи этихъ статей, присудили имущество малолѣтнему—наперекоръ крестьянскому обычаю. Но когда дѣло дошло до уѣзднаго съѣзда, то онъ объяснилъ, что волостному суду не обязательно руководствоваться гражданскими законами и во второй разъ судъ рѣшилъ дѣло, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, въ пользу отца умершаго. (Симбирск. губ. Алатырск. у. Роздинъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что приведенные примѣры имѣютъ единичный характеръ и что дѣлать изъ нихъ сколько нибудь широкія обобщенія о существующихъ въ крестьянскомъ быту обычаяхъ было бы рисковано.

Существуютъ кромѣ того указанія, что волостные суды руководствуются обычаями въ вопросахъ, не нормированныхъ закономъ (напр. Вологодск. губ. Хмѣлевскій у. Шустьковъ). Но еще болѣе распространены ссылки судовъ на „мѣстный обычай“ въ обходъ и нарушеніе существующаго закона и очевидной справедливости. Злоупотребленіе ссылкой на обычай въ весьма большомъ ходу у волостныхъ писарей; привожу характерные примѣры подобныхъ злоупотребленій.

Нашъ волостной судъ широко руководствуется „мѣстными обычаями“, иногда въ судѣ бываетъ рѣшено дѣло на основаніи такого мѣстнаго обычая, о которомъ ни сами крестьяне, ни отцы и дѣды ихъ и не подозрѣвали; такой обычай существуетъ не у крестьянъ, а въ фантазіи волостного писаря. Беру первую попав-

шуюся книгу волостного суда. Вотъ что гласитъ книга за 1890 годъ, когда судъ уже находился подъ контролемъ земскаго начальника.

а) Дѣло № 8. Крестьянскимъ дѣвицамъ Никитинымъ въ искѣ недвижимаго имущества послѣ смерти отца ихъ отказано; а потому по нашему мѣстному крестьянскому обычаю въ просьбѣ Никитинымъ отказать по преждевременности. У народа нѣтъ такого обычая, чтобъ дѣти не могли наслѣдовать имущество отца.

б) Дѣло № 15. Иванъ Кудряшевъ предъявилъ искъ къ Арсенію Александрову на 1 р. 90 к. за полкольку соли. Александровъ долгъ отрицаетъ, говоритъ, что соли не бралъ; свидѣтелей нѣтъ—„постановили: по нашему мѣстному крестьянскому обычаю, взыскать съ Александрова въ пользу Кудряшева 95 коп.“ Обычай такой: сколько взялъ, столько и отдай.

в) Дѣло № 21. Ивановъ проситъ привлечь Артемьева за безчестье на словахъ. Отвѣтчикъ Артемьевъ объяснилъ, что Ивановъ его тоже ругалъ „По нашему мѣстному крестьянскому обычаю постановили: Артемьева наказать десятью ударами розогъ“, пишетъ писарь. Такого народнаго обычая нѣтъ. Народный обычай говоритъ: „ты меня ударилъ и я тебя ударилъ, ты меня ругалъ и я тебя ругалъ—мы квиты“.

г) Трифоновъ проситъ взыскать съ Надежды Петровой 7 р. Петрова объяснила суду, что 7 рублей Трифонову былъ долженъ ея покойный мужъ. Все имущество мужа осталось въ пользованіи Петровой и ея малолѣтнихъ дѣтей. „По нашему мѣстному крестьянскому обычаю постановили: въ просьбѣ Трифонову отказать“. Напротивъ, по обычаю, наслѣдники обязаны уплатить долгъ умершаго отца, чтобъ кости въ могилѣ не шевелить.

д) Дѣло № 23. Власовъ проситъ съ Федорова взыскать 3 рубля. Федоровъ объяснилъ, что дѣйствительно скосилъ у Власова сѣна на три рубля. „Судъ по мѣстному обычаю постановилъ: взыскать съ Федорова въ пользу Власова одинъ рубль“.

е) Дѣло № 26. Кирилова проситъ на Потапову, что та унесла у нея мотушку льну, 11 пасомъ и говоритъ, „что еще не то унесу“. Потапова виновность отрицаетъ, свидѣтелей нѣтъ. Судъ по мѣстному обычаю рѣшаетъ: „взыскать съ Потаповой за мотушку 30 коп., а за поступокъ арестовать на 5 дней“. Тутъ народный обычай извращенъ два раза: во первыхъ, обычай противъ наказанія поступка за такую мелкую кражу, а во вторыхъ народъ говоритъ: „не пойманъ, не воръ“.

ж) Дѣло № 27. Семеновъ проситъ взыскать съ Никанорова шесть рублей, „за переборъ за работу“. Никаноровъ на судъ не явился. Свидѣтель Дормидонтовъ показалъ, что онъ не знаетъ, долженъ ли Семенову Никаноровъ, но знаетъ, что работалъ. По мѣстному обычаю постановлено: взыскать съ Никанорова въ пользу Семенова шесть рублей и арестовать на семь дней“. Ограничиваюсь этими выписками, хотя ихъ можно бы было сдѣлать очень много; добавлю только, что есть постановленія, основанныя, по словамъ волостного суда, на мѣстномъ обычаѣ, совершенно противорѣчивыя: „Такъ какъ драка была обоюдная, гласитъ постановленіе, дѣло прекратить“, „такъ какъ драка была обоюдная, то за нарушеніе тишины и спокойствія обоихъ наказать розгами“; а то на основаніи того же обычая зачинщикъ драки наказанъ, а другіе участники той же драки оставлены безъ наказанія. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что хотя волостной судъ и часто беретъ основаніемъ своихъ приговоровъ, мѣстный крестьянскій обычай, но рѣшаетъ дѣло вовсе не по обычаю, а по желанію писаря, и выраженіе „мѣстный обычай“, служитъ только ширмой для прикрытія беззаконности рѣшенія. (Новгородск. г. Череповец. у. Власовъ, ср. Смоленск. г. Юхновск. у. Кушперевъ).

Кромѣ того имѣется указаніе на обычай судопроизводственнаго характера, заключающійся въ томъ, что суды обыкновенно считаютъ необходимымъ для доказательства факта преступленія показаніе

свидѣтелей. Въ видѣ исключенія изъ этого правила жалоба родителей на дѣтей за дурное обращеніе принимается на вѣру и признается достаточной для присужденія дѣтей къ наказанію. (Смоленск. губ. Юхновск. у. Кушнеревъ). Указаніе это на столько единично, что обобщать его было бы рисковано.

§ 35. Порядокъ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ.

По вопросу объ обжалованіи рѣшеній волостныхъ судовъ практика вполнѣ согласна съ закономъ. Законъ этотъ гласитъ: „жалобы на рѣшенія волостного суда могутъ быть приносимы участвующими въ дѣлѣ лицами въ теченіи тридцати дней со дня объявленія рѣшенія. Жалобы эти приносятся земскому начальнику черезъ волостной судъ, рѣшившій дѣло, съ приложеніемъ копіи сей жалобы. Волостной судъ, сообщивъ копію противной сторонѣ, представляетъ жалобу земскому начальнику, вмѣстѣ съ точною выпискою изъ книги рѣшенія и всѣми представленными сторонами документами (ст. 140 Общ. Пол. о крестьян. изд. 1902 года). Земскій начальникъ передастъ дѣло на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда, но по дѣламъ о проступкахъ, за которые подсудимый приговоренъ къ простому аресту не свыше трехъ дней или къ денежному взысканію не свыше пяти рублей и по которому вознагражденіе потерпѣвшаго за вредъ и убытокъ присуждено въ суммѣ, не превышающей 30 рублей, если при томъ требованіе о таковомъ вознагражденіи предъявлено потерпѣвшимъ въ суммѣ не свыше 30 рублей— лишь тогда, когда рѣшеніе волостного суда постановлено съ нарушеніемъ предѣловъ его власти или признается со стороны земскаго начальника несправосуднымъ (тамъ же ст. 141).

§ 36. Исполненіе рѣшеній волостныхъ судовъ.

Рѣшенія волостныхъ судовъ по вступленіи въ законную силу приводятся въ исполненіе волостнымъ старшиною. Послѣдній не всегда въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ лично, а нерѣдко передаетъ свои права мѣстному сельскому старостѣ или другому члену волостного правленія. Въ болѣе важныхъ случаяхъ старшина исполняетъ рѣшеніе суда самъ.

При гражданскихъ взысканіяхъ отвѣтчику обыкновенно посылается повѣстка объ уплатѣ присужденной суммы въ извѣстный срокъ; если добровольной уплаты не послѣдуетъ, производится, распоряженіемъ старшины, опись имущества отвѣтчика и засимъ имущество сіе продается съ торговъ на удовлетвореніе иска. При описи и продажѣ однако не должно быть разстраиваемо крестьянское хозяйство; нельзя продать послѣднія — избу съ дворомъ, лошадь, корову, необходимые экипажи и земледѣльческія орудія и нужное количество хлѣба до новаго урожая (см. Новгородск. губ. Череповец. у. Власовъ). Если у отвѣтчика ничего не окажется могущаго подлежать продажѣ, старшина составляетъ актъ о его несостоятельности и актъ этотъ передается истцу. Послѣ сего уже дальнѣйшія взысканія производятся только по указанію истцомъ имущества отвѣтчика, могущаго быть описаннымъ. Бываетъ однако, на практикѣ, что волостной старшина сажаетъ назвавшагося несостоятельнымъ отвѣтчика подъ арестъ впредь до уплаты присужденныхъ денегъ; подъ арестомъ отвѣтчикъ сидитъ не ежедневно, а черезъ день по два дня, такъ какъ волостной старшина имѣетъ право посадить подъ арестъ только на двое сутокъ. Буде же и это наказаніе не дѣйствуетъ, старшина закладываетъ или отдаетъ его земельный надѣлъ въ пользованіе другому лицу, а вырученныя деньги передаетъ истцу (Орловск. губ. Болховск. у. Перьковъ).

Подобное сажаніе отвѣтчика подъ арестъ есть, конечно, случай злоупотребленія старшиною своими административными правами.

При уголовныхъ взысканіяхъ, когда виновный приговоренъ къ штрафу, взысканіе его производится въ томъ же порядкѣ, какъ и взысканіе гражданское, но при несостоятельности виновнаго старшина возвращаетъ дѣло въ судъ, который дѣлаетъ постановленіе о замѣнѣ штрафа арестомъ. Бываетъ также, что судъ дѣлаетъ постановленіе о замѣнѣ при самомъ составленіи приговора по существу. Согласно ст. 150 Общ. Полож. о крестьян. изд. 1902 года штрафъ замѣняется простымъ арестомъ или отдачею на общественныя работы съ зачетомъ двухъ рублей штрафа за день ареста или работъ.

Если виновный приговоренъ судомъ къ аресту, онъ вызывается въ волостное правленіе повѣсткой, и, въ случаѣ неявки, подвергается приводу черезъ сельскія власти или черезъ полицію.

§ 37. Возобновленіе дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, по вновь открывшимся обстоятельствамъ.

По вопросу о возобновленіи дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, въ законѣ о волостномъ судѣ (Общ. Пол. о крест.) нѣтъ опредѣленныхъ указаній.

По отзывамъ наблюдателей, трудно сдѣлать выводы объ единообразной практикѣ нашихъ волостныхъ судовъ въ этомъ отношеніи. Одни утверждаютъ, что случаевъ возобновленія дѣлъ вовсе не бываетъ, другіе—что волостные суды иногда входятъ въ разсмотрѣніе дѣлъ уже прежде рѣшенныхъ, но въ большинствѣ случаевъ не иначе какъ съ разрѣшенія высшей инстанціи, рѣже земскаго начальника, чаще—уѣзднаго съѣзда, иногда губернскаго присутствія.

ГЛАВА VII.

Наказанія, налагаемыя волостными судами.

Согласно закону волостной судъ назначаетъ за подсудные ему проступки: 1) выговоръ въ присутствіи суда; 2) денежное взысканіе отъ двадцати пяти копеекъ до тридцати рублей; 3) арестъ до пятнадцати дней, простой или строгій (съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ), а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 148, до тридцати дней и 4) наказаніе розгами до двадцати ударовъ (Общ. Полож. о крест. изд. 1902 г., ст. 143).

Ст. 148 предусматриваетъ корыстныя преступленія (Уст. о нак. ст. 169 и 172—174), мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство, а также нарушеніе условій найма.

Наказаніе розгами (ст. 143 п. 4) отмѣнено Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 11 августа 1904 года.

§ 38. Выговоръ въ присутствіи суда.

Выговоръ въ присутствіи суда примѣняется на практикѣ очень рѣдко, ибо признается крестьянами мѣрой мало дѣйствительной. Въ народномъ сознаніи не укоренилось еще убѣжденіе о позорѣ, заключающемся въ самомъ фактѣ осужденія судомъ. Сдѣлать выговоръ крестьянину— одинъ грѣхъ и смѣхъ, говорилъ мнѣ судья, крестьянинъ.—

Этимъ его не проймешь, толста шкура. (Орловск. губ. Хотынецъ Сахаровъ).

§ 39. Денежное взысканіе.

Денежныя взысканія назначаются въ пользу мірскихъ суммъ. Они назначаются всегда въ денежныхъ знакахъ и никогда въ вещахъ или продуктахъ. При опредѣленіи размѣра денежныхъ взысканій судъ на состоятельность виновнаго, на семейное положеніе его и на возможность уплатить повинности обращаетъ вниманіе далеко не всегда. Есть случаи, когда, благодаря злоупотребленіямъ писарей, штрафъ налагается за одинъ и тотъ же проступокъ на богатаго меньшій, чѣмъ на бѣднаго. (Новгородск. г. Череповецкій у. Власовъ). Есть также случаи оштрафованія за недоимку по принципу: „клинъ клиномъ вышибай“ (тамъ же).

По вопросу о назначеніи денежныхъ взысканій въ пользу потерпѣвшихъ отъ преступленій независимо отъ штрафа въ пользу мірскихъ суммъ и отъ возмѣщенія гражданскаго ущерба въ сообщеніяхъ наблюдателей не имѣется точныхъ и единообразныхъ указаній. По закону оно возможно только при оскорбленіяхъ, и то лишь по требованію обвинителя.

Замѣна денежнаго взысканія по закону возможна только арестомъ и притомъ по разсчету 1 день за 2 рубля, и лишь при несостоятельности виновнаго. Есть указаніе и на случай замѣны штрафа розгами. (Вологодск. губ. Кадниковскій у. Дилакторскій), но и до Манифеста 11 Августа 1904 года такая замѣна была явно незаконной.

§ 40. Арестъ.

Арестъ, назначаемый по приговорамъ волостныхъ судовъ, отбывается при волостномъ правленіи. Описанія арестныхъ помѣщеній при волостныхъ правленіяхъ не представляютъ разнообразій и особыхъ характеристическихъ чертъ „при волостномъ правленіи устроены двѣ комнаты и „холодная", куда и сажаютъ арестованныхъ; одна комната для строгаго ареста, другая для нестрогаго. Комната для строгаго ареста сдѣлана съ однимъ окномъ, въ которое вдѣлана желѣзная рѣшетка, чтобы арестованный не могъ убѣжать. Нары безъ постелей. Арестованнымъ строгимъ арестомъ полагается въ пищу только хлѣбъ и вода. Комната для легко арестованныхъ тоже съ однимъ окномъ, только безъ желѣзной рѣшетки, эта комната не запирается. (Новгородск. губ. Череповец. у. Васильевъ). Конечно подробности устройства арестантскихъ помѣщеній варьируютъ. Число оконъ, размѣры, замки, присутствіе или отсутствіе наръ, или соломы для лежанія, большая или меньшая грязь, близость къ отхожему мѣсту, степень отопленія, большая или меньшая свобода для арестованныхъ—все это различно въ разныхъ мѣстахъ. Крестьяне называютъ это помѣщеніе „рестанской", „казаматкой", „блашницей", „кутузкой", „клоповникомъ", „запалней" и другими прозвищами (напр. Череповец. у. Антиповъ). Иногда помѣщеніе настолько удобное, что крестьяне говорятъ „здѣсь, Боже мой, какъ хорошо, а кабы капиталишка перепадалъ (пища хорошая), то лучше бы этой жизни и не надо. (Орловск. у. Михеевъ). Содержатся арестованные въ большинствѣ случаевъ свободно, они исполняютъ разныя работы при правленіи; нерѣлко ихъ пускаютъ гулять по селу; бесѣды со сторожами правленія или съ писаремъ нерѣлки. Покушеній къ побѣгу почти никогда не бываетъ. Держатъ себя крестьяне подъ арестомъ въ большинствѣ случаевъ совершенно смирно.

§ 41. Наказаніе розгами.

Тѣлесное наказаніе, какъ уже было выше указано, отмѣнено 11 Августа 1904 года. Тѣмъ не менѣе интересно отмѣтить отношеніе къ нему населенія. Огромное большинство наблюдателей указываетъ, что крестьяне признавали розги наиболѣе тяжкимъ наказаніемъ изъ всѣхъ налагаемыхъ волостнымъ судомъ и притомъ не столько ввиду причиняемой ими физической боли, сколько ввиду ихъ позорности. Употреблялось тѣлесное наказаніе вообще очень рѣдко —лишь въ единичныхъ случаяхъ и каждый разъ съ разрѣшенія земскаго начальника. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ девяностыхъ годахъ. Многіе земскіе начальники, вообще, не разрѣшали приводить въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи, всегда замѣняя его арестомъ, на что имъ было предоставлено по закону право. Приговоренные къ розгамъ дѣлали все возможное, чтобы избѣжать этого наказанія, просили земскихъ начальниковъ о замѣнѣ, посылали за себя ходатаевъ и т. д. Тяжесть наказанія розгами косвенно подтверждали и тѣ, кто сочувствовалъ ему: „вотъ прежде было, такъ иная статья, наказаніе можно сказать, было отчетливое; какъ похлещутъ, бывало свѣженькими прутиками, такъ мужикъ то во весь вѣкъ не забудетъ; ну тогда и боялись, строго держали себя“. (Ярославск. губ. Ростовскій у. Фоминъ). Вообще за послѣднее время сочувствіе розгамъ стало явленіемъ рѣдкимъ въ народѣ; но чтобы самъ наказываемый предпочиталъ розги аресту или штрафу—бывали развѣ только единичные случаи. Большинство предпочитало годъ въ острогѣ тѣлесному наказанію. Привожу наиболѣе характерные разсказы:

У крестьянъ есть пословицы: „на ж—нѣ не рѣшу сѣять, но огородъ городить“, „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“, но онѣ говорятся про наказаніе дѣтей, которое и для нихъ ограничено: „учи пока поперекъ лавки лежитъ, вдоль ляжетъ—поздно будетъ“.

Сами крестьяне страшно боятся розогъ и не физической боли отъ нихъ (ее крестьяне переносятъ съ удивительной стойкостью), а больше всего оскорбленія ихъ человѣческаго достоинства позоромъ публичнаго наказанія. (При экзекуціяхъ могутъ присутствовать посторонніе лица). Бывали, разсказываютъ случаи, что приговоренные къ розгамъ, ревѣли, какъ ребята малые, Христомъ Богомъ молили судей отмѣнить приговоръ, въ ногахъ у нихъ валялись. Одинъ крестьянинъ разсказалъ мнѣ про свои душевныя мученія, когда онъ былъ приговоренъ судомъ къ розгамъ. „Мнѣ было 19 годовъ, какъ присудили выдрать за драку въ праздникъ. Какъ прочитали приговоръ, ровно подо мной земли не стало, ровно все заходило вокругъ, такъ все нутро и перевернулось. Не помню какъ ушелъ изъ суда и какъ пришелъ домой; я все думалъ, что мнѣ это приснилось, или въ правленіи пошутили. Все думалъ о розгахъ, проснусь о розгахъ въ голову лѣзетъ, одинъ останусь, съ ума розги не сходятъ. Думалъ убѣжать, да куда сбѣжишь то. Однажды пришелъ староста, сказалъ, что завтра въ правленіе требуютъ. Тутъ ужъ я задумалъ руки на себя наложить. да Господь милостивъ: тятька замѣтилъ, что я не въ умѣ, сталъ глядѣть за мной и не далъ. На другой день тятька пошелъ со мной въ правленье, не пустилъ одного, видно боялся. Что же, больно было? Не помню: отецъ подъ руки изъ правленья домой привелъ. Этотъ же крестьянинъ съ веселымъ смѣхомъ разсказываетъ, какъ отецъ отхлесталъ его ременнымъ черезсѣдельникомъ съ желѣзнымъ кольцомъ на концѣ за то, что прогулялъ долго на праздникѣ у Николы въ Ильинскую пятницу, когда сѣно еще не все убрано было. А не такъ больно было, какъ въ правленьи? Ой ты, чудакъ, да въ десять разъ больше было, съ недѣлю и рукъ поднимать не могъ, такъ по плечамъ нахлесталъ онъ мнѣ. Да что, вѣдь это батько. А за правленскую драпь я бы годъ даромъ проработалъ, только не трогали бы“. Неудивительно поэтому, что крестьяне арестъ и денежное взысканіе предпочитаютъ тѣлесному нака-

занію, даже самый бѣлый мужикъ лучше заплатитъ большой штрафъ, чѣмъ пойлетъ полъ розги. На арестъ крестьяне смотрятъ тоже какъ на позоръ для себя, конечно, не такой, какъ розги, и денежному взысканію отдаютъ предпочтеніе предъ арестомъ. Крестьянинъ села Никольскаго Степанъ Акимовъ, имѣющій среднее состояніе, былъ приговоренъ судомъ на три дня полъ арестъ, за неисправное содержаніе дороги на купленной землѣ съ замѣною ареста шести рублевымъ штрафомъ, если того обвиняемый пожелаетъ. Акимовъ заплатилъ 6 рублей. Говорятъ, что въ первые года послѣ освобожденія крестьянъ волостной старшина расправлялся съ крестьянами собственноручно: „натреухаетъ, натреухаетъ, да ни что и возьметъ“. Но впослѣдствіи, когда крестьяне начали сознавать дарованныя имъ права, „съ руки разбѣлка“ прекратилась, остались только наказанія по приговорамъ волостнаго суда—розги и арестъ. Для наказанія розгами, какъ уже сказано было, обвиняемый вызывается въ волостное правленіе; два пучка розогъ заранѣе приготовлены и размочены въ водѣ правленскимъ сторожемъ. Осужденный подзывается къ столу, за которымъ сидятъ старшина съ значкомъ на груди и писарь съ книгой рѣшеній волостнаго суда. По приказанію старшины писарь читаетъ приговоръ суда, въ силу котораго вызванный долженъ быть наказанъ. Затѣмъ правленскій сторожъ беретъ за рукавъ и ведетъ въ сѣни правленья, сзади идетъ старшина. Въ сѣняхъ ужо ждутъ четыре мужика, два съ розгами въ рукахъ, „Снимай одежду, ложись“, командуетъ старшина. Немедленно стягиваетъ съ себя осужденный шубу или кафтанъ, кладетъ среди сѣней, чтобы потомъ лечь на немъ головой, спускаетъ до колѣнъ портки и ложится. „Малодушные недотроги“, какъ ихъ здѣсь зовутъ; еще во время приготовленія къ наказанію начинаютъ плакать и молить старшину о помилованіи, величая его по имени и отчеству, называя „кормильцемъ, батюшкой, краснымъ солнышкомъ“. „Ложись, ложись, я ничего не могу, я исполняю законъ“, отвѣчаетъ на мольбы старшина.

Два палача становятся по сторонамъ разложенной жертвы, въ воздухѣ разлается свистъ розогъ, и одновременно съ нимъ страшный крикъ наказуемаго. Онъ не вытерпѣлъ, вскочилъ. Старшина недоволенъ; двумъ другимъ мужикамъ онъ приказываетъ „повалить и подержать“. Тѣ силой валятъ на прежнее мѣсто, не обращая вниманія на дикіе крики и мольбы наказуемаго, и одинъ садится ему на голову, захвативъ жертву руками подъ пазухи, а другой на ноги. Старшина ходитъ кругомъ и съ азартомъ кричитъ: „хорошенько, хорошенько его“. Наказаніе кончилось. Наказанный быстро вскакиваетъ словно пружины оттолкнули его отъ полу, онъ всхлипываетъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ; его „бьетъ какъ по пруту“, (прутъ та же розга) трясясь надѣваетъ онъ портки и одежу и молча, держась руками за задъ, чтобъ портки не коснулись изорваннаго тѣла, уходитъ изъ правленья. Но есть и такіе стойки, которые молча ложатся подъ розги и, не проронивъ ни одного звука, выдерживаютъ наказаніе. Бывшій старшина Бѣляевъ, по его словамъ, въ рѣдкихъ случаяхъ наказывалъ опредѣленнымъ судомъ числомъ ударовъ. „Я дралъ гораздо больше, говоритъ онъ, заставлю самого виновника считать удары, зная по опыту, что никто подъ розгами считать не можетъ, ну и всыплю ему сколько хочу. Къ наказаніямъ розгами народъ относится неодинаково, что зависитъ отъ личныхъ качествъ и частной жизни подвергнутаго наказанію: если попалъ подъ наказаніе человѣкъ смирный, правильный и такой, что и „на дѣвокъ то изъ за косяка глядитъ“, про такого говорятъ, что „понапрасно изобидѣли парня“, и никто изъ сосѣдей не позволитъ себѣ не только упрекнуть, но даже напомнить объ этомъ печальномъ эпизодѣ въ его жизни. Напротивъ, сорванца, „похабнаго парня“, непристойно ведущаго себя въ обыденной жизни, драчуна на праздникахъ, не жалѣютъ, говорятъ: „давно бы его шалопутнаго такъ надо“. Такого при случаѣ укоряютъ: „стегашка—паренька, тепленька водица“, „рваная ж—па“, „писаная ж—па“. За однимъ крестьяниномъ

послѣднее выраженіе такъ и осталось, какъ прозвище, такъ его и зовутъ: „Ега—писаная ж—па“ (Ега—Егоръ). (Новгородск. губ. Черповецк. у Власовъ).

Крестьяне никогда не предпочитаютъ розги ни штрафу, ни аресту, хотя существуетъ разсказъ о томъ, какъ одинъ изъ наказуемыхъ совершенно хладнокровно отнесся къ своей спинѣ, но разсказъ этотъ я скорѣе считаю за анекдотъ, чѣмъ за правду, такъ какъ слышалъ его въ разныхъ частяхъ уѣзда. Разсказъ этотъ слѣдующій: приговореннаго къ розгамъ растянули на полу и волостной сторожъ, онъ же и палачъ волостнаго правленія, нагнувшись къ наказуемому, тихо сказалъ: дашь на полбутылки—тихонько буду сѣчь, на что наказуемый хладнокровно и громко отвѣтилъ, „дай ты мнѣ на полбутылки и пори хошь цѣлый день“. Отзывается о розгахъ народъ какъ о позорномъ, порочащемъ наказаніи: „скотину бить и то грѣшно, а бить да порочить человѣка—въ семеро. (Калужск. г. Козельск. у. Сурпаковъ).

Извѣстенъ мнѣ одинъ случай предпочтенія тѣлеснаго наказанія аресту. Опишу его. Въ 1897 году Черкасскимъ волостнымъ судомъ, черкасскій крестьянинъ былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію розгами, 10-ю ударами. Приговоръ этотъ онъ не обжаловалъ, почему по вступленіи его въ законную силу, волостной старшина просилъ разрѣшенія мѣстнаго земскаго начальника къ приведенію его въ исполненіе. Земскій начальникъ, имѣя въ виду преклонный возрастъ обвиняемаго (около 50 лѣтъ), замѣнилъ назначенное наказаніе 10-ти дневнымъ арестомъ. Когда волостной старшина попросилъ обвиненнаго отбыть наказаніе, послѣдній сталъ просить его высѣчь, объясняя, что подъ арестомъ ему сидѣть некогда. Старшина сказалъ, что такъ распорядился земскій начальникъ. Крестьянинъ отправился къ послѣднему съ такою же просьбою. (Пензенск. г. Тихомировъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Общія понятія крестьянъ о судѣ.

Стр.

§ 1. Понятіе крестьянъ о судебной власти вообще. . . . 9
§ 2. Понятіе крестьянъ о разницѣ между гражданскими и уголовными дѣлами 11
§ 3. Отношенія крестьянъ къ судебному слѣдователю и къ судамъ волостнымъ и Государственнымъ 13
§ 4. Сутяжничество въ крестьянскомъ быту 18
§ 5. Предразсудки, существующіе у крестьянъ относительно суда 22

Глава II.

Суррогаты правосудія въ крестьянскомъ быту.

§ 6. Самосудъ и виды его 33
§ 7. Ссылка порочныхъ членовъ по приговорамъ обществъ . 54
§ 8. Неоффиціальные народные суды, ихъ составъ, предметъ вѣдомства и порядокъ разбирательства ими дѣлъ . . 63

Глава III.

Волостные суды.

§ 9. Составъ волостныхъ судовъ. Порядокъ избранія судей. Ихъ права 70

Стр.

§ 10. Общій обзоръ порядка разбирательства дѣлъ волостными судами 74
§ 11. Вліяніе посторонннхъ лицъ на волостные суды . . . 80
§ 12. Отводы судей въ волостныхъ судахъ 86

Глава IV.

Участвующія въ процессѣ лица.

§ 13. Порядокъ вызова въ судъ тяжущихся. Послѣдствія неявки въ судъ 88
§ 14. Право тяжущихся замѣнять себя на судѣ ближайшими родственниками 89
§ 15. Адвокаты по крестьянскимъ дѣламъ 90
§ 16. Община, какъ обвинитель по дѣламъ частно-уголовнымъ 105
§ 17. Отвѣтственность цѣлой общины за укрывательство преступника 107

Глава V.

Судебныя доказательства.

§ 18. Общій обзоръ судебныхъ доказательствъ. 114
§ 19. Собственное признаніе обвиняемаго и отвѣтчика. Пріемы, употребляемые въ народномъ быту для принужденія къ сознанію 120
§ 20. Показанія свидѣтелей 132
§ 21. Свидѣтельства ближайшихъ родственниковъ сторонъ. Лица, устраняемыя отъ дачи показаній. 135
§ 22. Уклоненіе отъ свидѣтельства въ судѣ 137
§ 23. Подкупъ и подстрекательство свидѣтелей 138

Стр.

§ 24. Присяга сторонъ, какъ особое доказательство, и свидѣтелей, въ удостовѣреніе правдивости ихъ показаній. Обрядъ присяги. Присяга въ удостовѣреніе мировой сдѣлки 139

§ 25. Лжеприсяга и лжесвидѣтельство. Отношеніе къ нему народа 146

§ 26. Лица, за деньги отыскивающія краденое имущество и указывающія воровъ 152

§ 27. Отыскиваніе воровъ по оставленнымъ ими слѣдамъ. Повѣрія о горячемъ слѣдѣ 154

§ 28. Вещественныя доказательства. Вещи, найденныя у подозрительнаго лица, принадлежность коихъ неизвѣстна. Принудительное взятіе вещей, служащихъ доказательствомъ преступленія или обезпеченіемъ иска. Приводъ вора на судъ съ поличнымъ. 160

§ 29. Пріемы, употребляемые при сличеніи предметовъ, отобранныхъ у заподозрѣнныхъ лицъ 162

Глава VI.

Судебное рѣшеніе.

§ 30. Составленіе рѣшеній въ волостномъ судѣ. Отобраніе голосовъ. Порядокъ объявленія рѣшеній. Заочныя рѣшенія и порядокъ ихъ объявленія 167

§ 31. Вознагражденіе за разбирательство дѣлъ. 168

§ 32. Отвѣтственность истца или обвинителя за неправильное предъявленіе иска или обвиненія. 170

§ 33. Грѣхъ пополамъ, или присужденіе половины исковыхъ требованій при сомнительной доказанности иска или неумышленномъ причиненіи ущерба 171

VII-8930

Стр.

§ 34. Обычное право, какъ источникъ рѣшеній волостныхъ судовъ 172
§ 35. Порядокъ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ. . 182
§ 36. Исполненіе рѣшеній волостныхъ судовъ 183
§ 37. Возобновленіе дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, по вновь открывшимся обстоятельствамъ 184

Глава VII.

Наказанія, налагаемыя волостными судами.

§ 38. Выговоръ въ присутствіи суда 185
§ 39. Денежное взысканіе 186
§ 40. Арестъ 187
§ 41. Наказаніе розгами 188

Сочиненія того же автора.

Позоръ Цивилизаціи. По поводу турецкихъ дѣлъ. СПБ. 1897 г. Цѣна 25 коп.

Избирательное право, какъ основа представительныхъ учрежденій. Брянскъ. 1906 г. Цѣна 35 коп.

Сочиненія Князя В. Н. Тенишева.

Математическое образованіе и его значеніе. СПБ. 1886 г. Цѣна 1 руб.

Дѣятельность животныхъ. СПБ. 1889 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Дѣятельность человѣка. СПБ. 1897 г. Цѣна 1 руб.

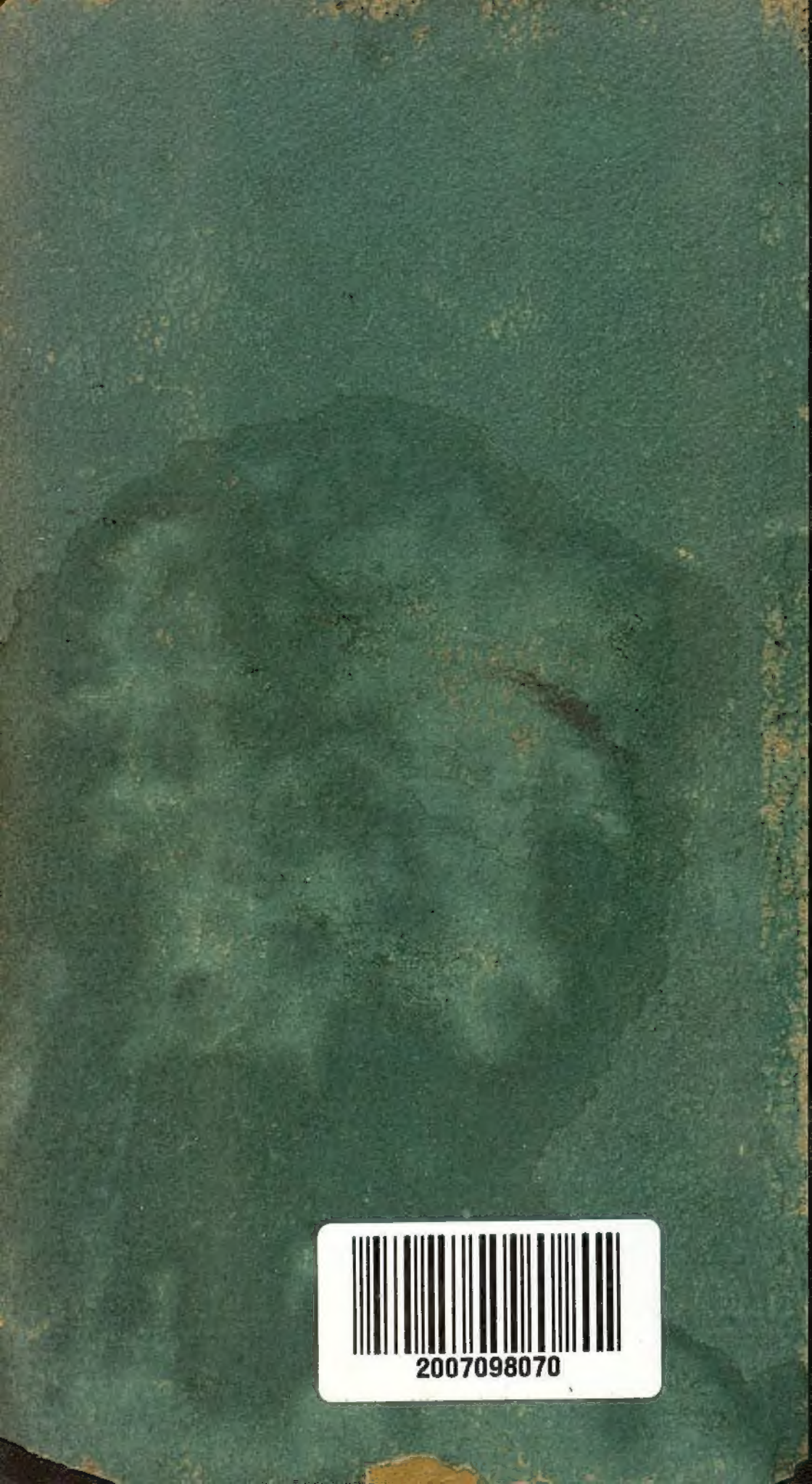
Изданія бывшаго этнографическаго бюро Князя В. Н. Тенишева.

Русская Народно-Бытовая Медицина. Г. Попова, д-ра м-ны. СПБ. 1903 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Нечистая, невѣдомая и крестная сила. С. В. Максимова (посмертное изданіе). СПБ. 1903 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Разсказы изъ народнаго быта. Анны Стеллингъ. СПБ. 1903 г. Цѣна 30 коп.

Цѣна 1 руб.


2007098070